

МОРИС ШАМИС (СИМАШКО)

— V —

ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ,
посвящённые творчеству
Народного писателя Казахстана

Ассамблея народа Казахстана
Евро-Азиатский Еврейский Конгресс
Объединение юридических лиц Ассоциация «Мицва» РК
Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК

МОРИС ШАМИС (СИМАШКО).
Пятые международные литературные чтения,
посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана

***Издание осуществлено
при спонсорской поддержке
семьи Алекса Новака***

Алматы
2026

УДК 821.0 (574)
ББК 83.3 (5Каз-Рус)
М79

Руководитель проекта А.И. Барон

Редакционная коллегия:

А.И. Барон, Б.К. Габдуллин, М.А. Кулькенов, А.Н. Карлюкевич,
Б.Б. Мамраев, К.С. Матыжанов, С.В. Ананьева (ответственный
редактор), К.Н. Галай, Ф.Ф. Тамендаров, И.А. Чугайнова

Морис Шамис (Симашко). Пятые международные литературные
чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана.
18 марта 2026 года. – Алматы, 2026. – 280 с.; Язык – казахский,
русский, английский.
Типография «VESTA»

ISBN 978-601-08-6391-0

В литературном наследии Народного писателя Казахстана Мориса Симашко сплав Востока и Запада приводил к интересным художественным открытиям. Эстетическое освоение действительности происходило по многим направлениям. Творческая практика и творческая манера нарратора-повествователя, публициста, критика были разнообразны и самобытны. Темы науки, искусства, проблемы художественного перевода занимали особое место в текстах М. Симашко, в которых передача информации осуществлялась как диалектическое взаимодействие автора, произведения и читателя. Вошедшие в единое смысловое пространство, публикуемые на страницах сборника исследования отечественных и зарубежных литературоведов, критиков, преподавателей вузов – участников Пятых Международных литературных чтений обращены к разным текстам М. Симашко, но каждый из ученых и педагогов Казахстана, Беларуси, Венгрии, Израиля, России, Румынии, Турции, Украины фигура в конкретной области знания значительная.

Сборник адресован филологам-литературоведам, педагогам, гуманитариям и широкому кругу читателей, любителям художественной литературы.

© Объединение юридических
лиц Ассоциация «Мицва»
Республики Казахстан, 2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Барон Александр, Ананьева Светлана</i> Заветы Мориса Симашко	7
Пленарное заседание	
<i>Барон Александр</i> Приветственное слово	10
<i>Хаим Бен Яков</i> Приветствие	11
<i>Сулейменов Олжас</i> Приветствие	12
<i>Азильханов Марат</i> Приветствие	14
<i>Кулькенов Мереке</i> Приветствие	16
<i>Матыжанов Кенжехан</i> В лабиринте национальных миров	17
<i>Габдуллин Бигельды</i> Мост между культурами: феномен Мориса Симашко	18
<i>Елубай Смагул</i> Приветствие	21
<i>Мелешкин Денис</i> Приветствие	21
<i>Жакып Бауыржан</i> Приветственное слово	23
<i>Шайкова Любовь</i> Приветственное слово	24
<i>Брижицкая Светлана</i> Приветствие	25
<i>Останькович Дмитрий</i> Приветствие	26
<i>Которча Ливия</i> Приветствие	28
<i>Тамендаров Фархат</i> Приветственное слово	29
<i>Шупейкин Василий</i> Приветствие	30
Научные публикации	
<i>Ананьева Светлана</i> «Прежде чем писать, он жил...»	32
<i>Ананьева Светлана, Джумагалиева Узим</i> Произведение М. Симашко «Четвертый Рим»: автобиография с тенденцией к документалистике	40

<i>Ananyeva Svetlana, Issayeva Aigul</i>	
Writing as a Craft	44
<i>Ахетова Алия</i>	
А в памяти моей никак не тают все те же, те же белые снега	48
<i>Ахметова Лайла</i>	
Первые... О повести «Гу-га» Мориса Симашко	52
<i>Бабкина Лариса</i>	
Архетип <i>дорога</i> в творчестве М. Симашко и Г. Бельгера	57
<i>Vegvari Valentina, Ananyeva Svetlana</i>	
The Poetics of Genre in the Works of M. Simashko.....	62
<i>Галай Карина</i>	
От факта к образу: журналистские корни прозы Мориса Симашко	64
<i>Демченко Лариса</i>	
Образ императрицы в романе М. Симашко «Семирамида» ..	70
<i>Демченко Алена, Сейтказы Эльмира</i>	
Память о Родине: трансфер образа и авторский замысел	77
<i>Джолдасбекова Баян, Баянбаева Жадыра</i>	
Литературная культура и творчество как источник нового знания	82
<i>Джумагельдинова Дария</i>	
Морис Симашко и его Бейбарс – урок для будущего поколения	87
<i>Жаксылыков Аслан</i>	
Масштаб личности и художественный дар Мориса Симашко	88
<i>Қалиасқарова Айнұр</i>	
Морис Симашконың аудармаларындағы ұлттық мәдени код (І. Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясы негізінде)	92
<i>Калиева Альмира, Ананьева Светлана</i>	
Концептуальные взгляды и авторские стратегии К.И. Сатпаева и М.Д. Симашко	98
<i>Карлюкевич Александр, Ананьева Светлана</i>	
Мир без границ в творчестве Исаака Иткинда и Мориса Симашко	104
<i>Каשתелюк Юрий</i>	
Полет Мориса Симашко	112
<i>Кривоцапова Татьяна</i>	
Бродячие сюжеты в произведениях Мориса Симашко	117
<i>Kundakhbayeva Asel, Ananyeva Svetlana</i>	
Symbolic Images in the Prose of M. Simashko and Vl. Vladimirov	125
<i>Мамраев Бейбут, Ананьева Светлана</i>	
Творчество Мориса Симашко и Чингиза Айтматова в современных парадигмах гуманитарной науки	127

<i>Оразбекова Зейне</i>	
Историческая память и византийское наследие в творчестве Мориса Симашко	132
<i>Орда Гүлжаһан</i>	
Морис Симашко шығармаларындағы ұлттық болмыс пен тарихи жады	139
<i>Рақыш Жұмашай</i>	
М. Симашконың повесі мен Ғ. Жайлыбайдың поэмасындағы «Жусан» концептісі	142
<i>Рыбченко – Демьяненко Евгения, Долгушева Татьяна</i>	
Лицо и маска в романе М. Симашко «Колокол»	149
<i>Сабыржанова Мереке, Ананьева Светлана</i>	
Акмеологическое прочтение произведений М. Симашко и Е. Тусунова	156
<i>Сагинтаев Эмиль, Ананьева Светлана</i>	
Идентичность и диалог (по страницам романов Т. Фроловской и М. Симашко)	162
<i>Сарсекеева Наталья, Сейтказы Эльмира</i>	
Культурно-исторический код романа Б. Жандарбекова «Саки» и традиции М. Симашко	168
<i>Тусупова Алма, Узбекиова Жанна</i>	
Интерпретация художественного мира М. Симашко в переводе	181
<i>Хамраев Алимжан</i>	
Проблема имперской власти в исторических произведениях М. Симашко	184
Эстафету принимает молодежь	
<i>Мартынов Давид</i>	
Мир глазами Мориса Симашко	188
<i>Банников Кирилл</i>	
Город на двоих – мой и Мориса Симашко	189
<i>Григонис Евангелина</i>	
Морис Симашко: писатель, открывающий боль и достоинство истории	190
<i>Дармешева Ясмин</i>	
Алматы глазами Мориса Симашко	192
<i>Банникова Екатерина</i>	
Город сквозь призму произведений Мориса Симашко	193
<i>Чигаи Вероника</i>	
По следам памяти: Алматы Мориса Симашко	194
<i>Ямбаев Михаил</i>	
Отражение военной юности автора в повести М. Симашко «Гу-га»	196

Публикации в СМИ	
<i>Ананьева Светлана</i>	
Казахстан и Алматы в творчестве Мориса Симашко	200
<i>Брусиловская Елена</i>	
Вспоминая Мориса Симашко	201
<i>Брусиловская Елена</i>	
По волнам памяти	206
<i>Каиштелюк Юрий</i>	
Создатель культурных мостов	214
<i>Каиштелюк Юрий</i>	
Ожившие страницы	225
<i>Каиштелюк Юрий</i>	
По историческим маршрутам писателя	229
<i>Каиштелюк Юрий</i>	
Познавая мир классика	241
 <i>Барон Александр</i>	
Заключительное слово	248
Түйіндеме / Резюме / Summary	249
Сведения об авторах	255
Информационное письмо	263

БАРОН АЛЕКСАНДР АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА

Заветы Мориса Симашко

История Международных литературных чтений по творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко насчитывает пять лет. И когда мы сегодня обсуждаем вопросы развития культуры общественного диалога, репрезентации в художественной культуре национального характера, этничности и этнонациональной идентичности, специфики мультилингвизма как способа существования художественных текстов, мы обращаемся и к его многообразному наследию.

Национальный образ погружен в пространство семиотических отношений. Художественный образ как преображенная модель мира вступает в соприкосновение с иными мирами, с концептом «культурных гнезд». Концепт «культурное гнездо» ввел в научный оборот литературовед Н.К. Пиксанов. «Культурное гнездо» рассматривается нами как очаг культуры, пересекаясь, порой, с гнездом семейным.

В прозе и публицистике М. Симашко «культурные гнезда» – это Одесса, Мары, Алматы. Он будет возвращаться в старый Мерв, подниматься с зарубежными коллегами к вершине древней цитадели Гяур-Калы, где человеческий прах придает земле особенный, сероватый оттенок. Культура и история Азии входят в его жизнь и судьбу.

В «Четвертом Риме», завершенном в Израиле (еще один концепт «культурного гнезда» – историческая Родина) автор реконструирует прошлое и настоящее из «всплесков воспоминаний, обрывков разговоров, неотвратимого осмысления собранных вместе разнородных осколков». С детства он рос в мультикультурной среде. Речь русская, украинская, затем туркменская, казахская обогащала его письмо. Великолепно читал по-украински, знал много стихотворений наизусть и пел на украинском языке. Переводил с казахского прозу И. Есенберлина, Г. Мусрепова, У. Канахина, Т. Алимкулова, Д. Досжана и других писателей. Рекомендовал к изданию за рубежом многие книги талантливых авторов старшего и среднего поколения казах-

ских писателей. Книги самого М. Симашко выходили в свет во многих зарубежных издательствах на многих языках.

«Четвертый Рим» расширяет концепт «культурных гнезд». В такой последовательности выстраивает их автор: Ашхабад – Алма-Ата – Москва – Бат-Ям. И указаны даты работы над книгой: 1948-2000. Время преломляется через призму современной жизни. И мы убеждены в том, что отдельной темой изучения станет история написания, составления и публикационная история «Четвертого Рима».

О читательской любви из своей туркменской жизни к творчеству М. Симашко пишет из Минска председатель Союза писателей Беларуси Александр Карлюкевич. Важно найти сведения о том, с кем из туркменских писателей переписывался М. Симашко.

Есть интересные факты из области литературного сотрудничества. В Ашхабаде Туркменгосиздатом в 1960 году издан роман «Страшный Тегеран» Мортеза Мошфег Каземи в переводе с персидского В. Тардова и с Предисловием М. Симашко.

Но есть и еще параллели, к которым необходимо обратиться. 22 марта 1929 года из Москвы в Среднюю Азию поездом отправляется известный греческий писатель, поэт, переводчик, путешественник Никос Казандзакис (1883–1957). Доктор юридических наук, лауреат Ленинской и Международной премий мира, министр, сотрудник ЮНЕСКО влюблен в Восток и Центральную Азию. «Мы въехали в Казахстан. Повсюду снега, но я видел всадника на черной лошади, скачущего галопом как по песчаной пустыне. Внезапно, в одном из селений, справа от меня я заметил зеленый купол мечети. Мое сердце наполнилось радостью – мы находились в мусульманской стране».

31 марта 1929 года великий сын Крита прибывает в Туркменистан, где посещает Мерв и Ашгабат: «Я пересек Мерв. Когда восточный город разрушается, останки не имеют значения. Дома, глинобитные стены, растянувшиеся по пустыне, едва заметны с земли. Только мечеть еще хранит следы красоты. Я продвигаюсь к Ашхабаду. Страшная пустыня Каракум, невыносимая жара, я задыхаюсь в вагоне. В него проникает пыль, я вдыхаю частицы земли. Представляю, что здесь делается летом, когда жара доходит до 80 градусов. Слева от меня, на некотором

расстоянии, сверкают персидские горы. Несколько часов ходьбы, и я мог бы быть у их подножия. Если бы я мог подняться на гору и взглянуть сверху на равнину! Облака, давящая жара, несколько деревьев, вокзалы, полные цветов...».

Сравнительно-сопоставительное изучение текстов Н. Казандзакиса и М. Симашко о том, как они открывали Туркменистан и отразили его в своем творчестве — задача для литературоведов на перспективу, как и внимательное прочтение и компаративный анализ оригинального и переводного текстов (перевод на русский язык Г. Бельгера и М. Симашко) романа Дукенбая Досжанова «Шелковый путь» и его рассказов.

Участники Пятых чтений проводят интересные параллели между прозой М. Симашко и научными, публицистическими текстами первого Президента Академии наук К.И. Сатпаева, писателя мирового уровня Ч. Айтматова. Сравнивают литературные произведения М. Симашко и Г. Бельгера, В. Владимирова, Е. Турсунова, Б. Жандарбекова, Т. Фроловской... Отмечают кинематографичность, интермедальность творчества М. Симашко и медиагибридное мышление писателя.

И мы разделяем мнение А. Карлюкевича по поводу того, что «если не мы и не сегодня проявим интерес к вопросам влияния литератур друг на друга, к вопросам сравнительного литературоведения, то, где гарантия, что это будет кем-то осуществлено завтра?».

Сочетание исследовательского интереса с анализом богатейшего, разнообразного и захватывающего историко-литературного и историко-культурного материала — в этом мы видим своеобразие творчества и стилевой манеры М. Симашко.

Сохранение диалога культур Востока и Запада, укрепление взаимопонимания народов на планете Земля — это уроки М. Симашко, которые мы обязаны усвоить.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

БАРОН АЛЕКСАНДР

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Дорогие друзья, уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на Международных литературных чтениях, традиционно проводимых нами 18 марта – в день рождения классика казахстанской литературы, мастера исторической прозы. В этом году конференция организовывается в пятый раз и включает 64 выступления о различных аспектах творчества писателя. Их авторами являются эксперты из Казахстана и зарубежья.

Считаю особенно важным, что в нынешнем году мы организовали Чтения в здании Союза писателей Казахстана. Эти стены хранят дух литературных эпох, они помнят М. Симашко, приходившего сюда для обсуждения рукописей, участия в творческих встречах, общения с коллегами. Это место служит нам источником вдохновения и в то же время накладывает большую ответственность.

Специально для старшеклассников в рамках Чтений мы воплотили волонтерский проект «Алматы глазами М.Д. Симашко». Он состоял из двух частей – литературного квеста, в ходе которого школьники совершили путешествие по знаковым для писателя местам и через эту живую экскурсию познакомились с биографией и сюжетами главных произведений писателя, и конференции в стенах общинного центра «Римон», на которой они озвучили свои эссе о впечатлениях от квеста. Когда юные участники представляли свои работы, чувствовалось, что тема заинтересовала их. Они начали читать М. Симашко, через его прозу расширяя свои знания об истории родной страны, а также истории Древнего Востока.

Хочу поздравить юных литературоведов из еврейского общинного центра «Римон», из 95-й школы, их учителей Светлану Цой, Яну Мосину, Касиет Толтебаеву и Н.А. Секерину, учительницу русского языка и литературы школы предпринимателей г. Алматы, подготовившей ученика 8 класса Михаила Ямбаева к участию в 50-ой Республиканской научно-практической конференции Малой академии наук РК. Желаю им новых открытий в мире исторической прозы М. Симашко и других авторов.

Участникам Пятых
Международных литературных
чтений, посвящённых памяти
Народного писателя Казахстана
Мориса Давидовича Симашко

Дорогие друзья и коллеги!

От имени Евро-Азиатского Еврейского Конгресса сердечно приветствую организаторов и участников Пятых Симашкинских чтений — важного культурного и научного события, посвящённого памяти выдающегося писателя, мыслителя и общественного деятеля Мориса Давидовича Симашко.

Творческое наследие М. Симашко занимает особое место в культурном пространстве Евразии. Его историческая и философская проза стала своеобразным мостом между эпохами и цивилизациями. В его произведениях звучит глубокий диалог культур Востока и Запада, прошлого и настоящего. Не случайно исследователи называют его одним из основателей нового исторического романа в Центральной Азии.

М. Симашко обладал редким даром соединять историческую глубину с художественной силой. Его произведения «Хадж Хайяма», «Емшан», «Маздак», «Искушение дабира», «Гу-га», романы «Колокол» и «Семирамида» стали значимыми явлениями литературы. Особое место занимает его многолетний труд «Четвёртый Рим», в котором история семьи автора раскрывается на фоне драматических событий XX века.

Важна и его общественная деятельность. В 1990-е годы М. Симашко принимал активное участие в становлении еврейской общинной жизни в Казахстане, поддерживал культурные и образовательные инициативы. Сегодня его имя носит Республиканская еврейская библиотека при Ассоциации «Мицва», что является символом признания его вклада в развитие духовной и культурной жизни общины.

Первые Чтения в Алматы объединили известных писателей, учёных и общественных деятелей. Среди участников были

Олжас Сулейменов, Кенжехан Матыжанов, Бигельды Габдуллин, Александр Карлюкевич и многие другие. С самого начала стало очевидно, что эта инициатива имеет большое будущее и способна стать важной площадкой для диалога литературы, истории и культуры.

Сегодня, проводя Пятые чтения, мы продолжаем эту традицию. В наше непростое время такие встречи особенно важны, потому что литература и культура обладают силой соединять людей, укреплять взаимопонимание и сохранять историческую память.

Пусть нынешние Чтения станут новым шагом в осмыслении богатого наследия М. Симашко, будут способствовать дальнейшим исследованиям его творчества и расширению культурного диалога между народами Евразии.

Желаю всем участникам плодотворной работы, интересных дискуссий и вдохновляющих открытий.

С уважением,

Д-р Хаим Бен Яков

Генеральный директор ЕАЕК

eajc.org

info@eajc.org

+972 (0) 9 961 55 92

Fax: +972 (0) 9 956 44 62

1 HaMenofim St, Herzliya

4672552, Israel

United Nations
Educational, Scientific
and Cultural Organization

International Centre for the
Rapprochement of Cultures
under the auspices of UNESCO

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ

*Директор Международного
Центра сближения культур
под эгидой ЮНЕСКО*

Морис Симашко был одним из литераторов эпохи великого читателя, когда в нашей культуре творило интернациональное поколение, наполнившее понятие казахстанской литературы и искусства мировым содержанием.

Морис Симашко, Иван Шухов, Дмитрий Снегин, Геннадий Толмачев, Николай Ровенский, Адольф Арцишевский, Юрий

Мингазитдинов, Рашида Зуева, Светлана Штейнград... Все это фамилии нашего века.

Однажды, изучая историю влияния тюрков на культурные процессы Евразии в 60-х, я наткнулся на средневековый материал о молодых кыпчаках, которых продавали на невольничьих рынках в Крыму на Ближний Восток и в Северную Африку. Так в «Истории Левобережной Украины» я нашел историю мамлюков и открыл имя Бейбарса – ребенком взятого в плен. Раба, ставшего султаном Египта.

В одной из писательских бесед рассказал об этом Морису Симашко и направил его на эту тему. Так родилась его повесть «Емшан», которая фактически открыла миру султана Бейбарса.

...Я вспоминаю зал нашей Академии наук 60 лет назад. В тот день, выступая перед историками за трибуной, я спросил:

«Прошу вас назвать мне казахские имена из истории XIX века? Вы легко назовете Чокана Валиханова, Абая и других...

В XVIII-м – тоже найдется несколько имен. А в XVII-м? В XVI-м? Тишина.

А имена XV, XIV века? Дальше – полная тишина. Разве не было в те века выдающихся личностей? Вы, вместо того чтобы защищать свои диссертации, должны были защитить свой народ!».

Набор разрозненных, лишенных внутренней взаимосвязи фактов прошлого – еще не история. Подлинная история долгое время была для нас под запретом, который мы преодолевали, уходя на недоступные для ученых глубины. Многие имена биографии нашего народа казахам вернули не историки, а писатели.

В XX веке служение таких писателей помогло казахам сохраниться как **читающей нации**.

Поэтому я приветствую проведение таких международных литературных чтений памяти Народного писателя Казахстана – Мориса Симашко и желаю вам успехов!

ПРИВЕТСТВИЕ

Уважаемые участники конференции, дорогие ученые и литераторы!

Приветствую вас на открытии V Международных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко.

Международные Чтения, ставшие доброй научной традицией, посвящены осмыслению творческого наследия выдающегося мастера слова Казахстана Мориса Давидовича Симашко, чье имя занимает особое место в интеллектуальной и культурной истории.

Его судьба и творчество являются ярким примером того, как литература способна соединять эпохи, культуры и мировоззрение.

Прозаик, драматург, сценарист, публицист и переводчик, лауреат Президентской премии Мира и духовного согласия, один из основателей Казахского ПЕН-клуба, М. Симашко принадлежал к тем писателям, которые воспринимали литературу как пространство глубокого разговора о судьбе человека и историческом пути народов.

Его произведения «Маздак», «Емшан», «Искупление дабира», «Хадж Хайяма», «Колокол», «Семирамида» стали значимыми вехами исторической прозы. Через судьбы правителей, мыслителей, поэтов и просветителей писатель раскрывал сложный диалог цивилизаций, показывал, как история Востока и Запада переплетается в едином культурном пространстве Евразии.

М. Симашко обладал редким даром исторического воображения. Он умел видеть глубинные связи времен, сопоставлять разные эпохи и культуры, раскрывать историю через судьбы людей. Именно поэтому его книги не только рассказывают о прошлом, но и помогают современному читателю лучше понять сложность и многообразие человеческой цивилизации.

Особое значение имеет его вклад в развитие культурного диалога и взаимопонимания между народами. Благодаря его

переводам, произведения выдающихся казахстанских писателей Ильяса Есенберлина, Габита Мусрепова, Такена Алимкулова и других авторов стали доступными широкому читательскому миру. Тем самым он открыл богатство казахской литературы для международного культурного пространства.

М. Симашко принадлежал к писателям, которые тонко чувствовали историческую миссию культуры. Его произведения объединяют разные традиции: степную, восточную, европейскую. Через художественное слово он показывал, что диалог культур и взаимное уважение являются фундаментом устойчивого развития общества.

Сегодня эти идеи приобретают особую актуальность. Казахстан проходит важный этап общественно-политического развития. Проводимые в стране конституционные реформы направлены на укрепление демократических институтов, развитие культуры общественного диалога и расширение участия граждан в принятии решений.

В основе этих преобразований лежат ценности справедливости, ответственности и взаимного уважения. Одним из ключевых принципов развития современного казахстанского общества остается принцип «Единство в многообразии». Он отражает уникальную модель общественного согласия, которая исторически сложилась на нашей земле и основана на уважении к культурному, языковому и духовному разнообразию.

В этом контексте наследие М. Симашко звучит особенно современно. Его творчество напоминает нам о том, что истинный гуманизм, культурная открытость и политическая корректность в общественном диалоге являются необходимыми условиями гармоничного развития общества.

Литература, как убедительно показывает творчество М. Симашко, способна не только сохранять память о прошлом, но и формировать ценностные ориентиры будущего. Именно поэтому обращение к его наследию сегодня имеет не только научное, но и глубокое общественное значение.

Уверен, что Чтения станут важной площадкой для содержательного научного диалога, обмена идеями и для новых исследований в области истории, литературы и культурного взаимодействия.

Особую признательность выражаю Ассоциации «Мицва» и организаторам конференции за значимый вклад в проведение этого научного форума, за создание пространства содержательного научного диалога и обмена знаниями, а также за последовательную поддержку исследовательских инициатив и продвижение идей исторической памяти, межкультурного взаимодействия и общественного взаимопонимания.

Пусть работа конференции будет плодотворной, дискуссии – содержательными, а результаты значимыми для развития гуманитарной науки и укрепления культурных связей.

Желаю всем участникам вдохновляющей работы, новых научных открытий и дальнейших творческих успехов.

КУЛЬКЕНОВ МЕРЕКЕ

ПРИВЕТСТВИЕ

**участникам V Международных литературных чтений,
посвященных творчеству Народного писателя Казахстана
Мориса Симашко**

Пятые Международные литературные чтения начинают свою работу сегодня в здании Союза писателей Казахстана. С нашим зданием связана творческая и издательская деятельность Мориса Симашко, чье художественное и публицистическое слово, по-прежнему, обращено к нам.

Его талант переводчика был высоко оценен. За перевод на русский язык романов Габита Мусрепова и Ильяса Есенберлина Морис Симашко был удостоен Государственной премии в области литературы и искусства, которая носит сейчас имя великого Абая.

Центральными проблемами трилогии И. Есенберлина «Кочевники» М. Симашко определял проблемы войны и мира. В его творчестве определяющими были категории истории и времени, диалог эпох и цивилизаций.

М. Симашко репрезентовал в художественной культуре национальный характер. Имея за плечами опыт работы журналиста и драматурга, собственный корреспондент республикан-

ских газет «Туркменская искра», «Советская культура», «Учительская газета», корреспондент ТАСС, с 1960 года жил и работал в Казахстане.

Произведения свои он посвящал писателям. «Писание по Бондарю» – Олеся Гончару... Выводил образы своих друзей Ивана Шухова, Николая Ровенского, Шериаздана Елеукенова, Лили Дени, Евгения Сидоркина и других в очерках, эссе и романах... Дружил с Абди-Жамилем Нурпеисовым, Юрием Домбровским, Герольдом Бельгером, Калтаем Мухамеджановым, Ануаром Алимжановым, Леонидом Гиршем, Олжасом Сулейменовым...

Символично, что каждый сборник по итогам Чтений завершается высказыванием самого писателя: «Оставил я свое я там, в Казахстане, в Азии. Там остались зримые и видимые только мне призраки. Тысячи призраков из моих книг. Они уже послужили мне на славу, теперь им служить людям...».

Участники Чтений, проявляя интерес к широкому контексту вокруг рассматриваемых произведений М. Симашко, призваны концептуализировать и сохранить память о Народном писателе Казахстана. Продолжить библиографический поиск его издательской судьбы!

МАТЫЖАНОВ КЕНЖЕХАН

В лабиринте национальных миров

Уважаемые участники Чтений!

Национальные литературы, как известно, влияют на международный имидж государства, делая его привлекательным для расширения интеграционных процессов и контактов. Наши научные труды направлены на изучение форм и закономерностей межлитературного процесса и диалога литератур как объекта сопоставительного литературоведения.

Литературная Вселенная Народного писателя Казахстана, лауреата многих Международных премий М. Симашко включала разножанровые и разнохарактерные художественные и публицистические произведения. Большое внимание уделял он и

художественному переводу, отчетливо осознавая важность сохранения единого поля мировой культуры с казахской и казахстанской словесностью как активных его участников.

Мы рады приветствовать участников Пятых Международных литературных чтений, проводимых в память о Морисе Давидовиче Симашко, из Казахстана, Беларуси, Венгрии, Израиля, России, Румынии, Турции, Украины.

XXI век напоминает нам, как важны голос писателя в мировом социуме, сохранение своей культуры, национального кода. Словесное искусство Великой степи является золотым фондом мировой духовной культуры и уникальной жемчужиной человеческой цивилизации. Аспекты национального сознания в духовной жизни людей исследовались в работах многих ученых, философов, социологов и психологов. Но в художественной литературе осмысление концептуальных основ и положений наполняется особым смыслом.

С древних времен огромную роль в культуре играли мифические, эпические сказания. Мифологическое пространство текстов М. Симашко неповторимо, включает многие предания и легенды. Изучение его произведений, в которых принципиальны поиск Дома и Родины, в указанном аспекте перспективно.

Желаю участникам Чтений, начинающих сегодня свою работу в Союзе писателей Казахстана, научных открытий и внимательного прочитывания художественных произведений мастера слова! Дальнейших перспектив исследования прозы, публицистики и драматургии М. Симашко!

ГАБДУЛЛИН БИГЕЛЬДЫ

**Мост между культурами:
феномен Мориса Симашко**

Добрый день!

Прежде всего хочу поздравить участников с этим замечательным мероприятием, очень полезным, ибо творчество М. Симашко заложило фундамент для нашего межкультурного диалога.

Имя Мориса Симашко для казахстанской литературы является уникальным кодом. Представьте себе: писатель еврейского происхождения, родившийся в Одессе, пишущий на русском языке, но ставший одним из самых глубоких интерпретаторов казахской истории и восточной философии. Его часто называют «мостом между культурами», и это не просто красивая метафора. В мире, где цивилизации часто конфликтуют, Симашко нашел способ заставить их слышать друг друга.

Судьба М. Симашко сама по себе – переплетение путей. Пройдя войну, он оказался в Туркмении, а затем на десятилетия связал свою жизнь с Казахстаном. Именно здесь произошло удивительное творческое перевоплощение. М. Симашко не был сторонним наблюдателем. Он обладал редким даром – эмпатией к чужому прошлому. Он взялся за темы, которые до него в русскоязычной литературе подавались либо поверхностно, либо экзотично. Он же разглядел в истории Центральной Азии не «периферию», а центр мировых событий, где ковались судьбы империй.

Феномен его «моста» держится на трех китах:

1. Языковой мост.

М. Симашко создал особый стиль прозы. Читая его на русском, вы чувствуете ритм восточного дастана, лаконичность степных биев и мудрость персидских притч. Он «перевел» дух Востока на язык, понятный миллионам, не потеряв при этом ни капли аутентичности.

2. Исторический мост.

В своих произведениях, таких как «Емшан», «Маздак», «Искушение Дабира», он соединил античность, средневековье и современность. Его Султан Бейбарс – не просто воин из учебника, это символ вечной связи человека с родной землей, который понятен и казаху, и европейцу.

3. Духовный мост.

М. Симашко верил в «единое человечество». Он искал общие корни у разных народов. В его книгах иудейская рефлексия, мусульманская фаталистичность и европейский гуманизм вступают в диалог, а не в спор.

Самым ярким символом этого культурного моста стала повесть «Емшан». История о великом правителе, который, имея

всё, власть, золото, армию, бросает все ради запаха пучка простой степной полыни. В этом образе М. Симашко зашифровал главную мысль своего творчества: культура – память сердца. И эта память не имеет национальности, она принадлежит всему человечеству. Именно за это глубокое понимание единства он стал первым лауреатом Президентской премии мира и духовного согласия в Казахстане.

Завершая, я хочу сказать: Морис Симашко доказал, что можно принадлежать к одному народу, писать на языке другого, но при этом стать родным для третьего. Он учит нас, что границы между культурами – не стены, а линии соприкосновения.

Сегодня, когда мы строим современный Казахстан, наследие М. Симашко – готовый фундамент для нашего межкультурного диалога. Читать М. Симашко сегодня, значит учиться видеть в «другом» самого себя.

В чем уникальность его стиля? Почему его прозу называют «чеканной»?

Его стиль – антитеза многословию. Писатель сознательно отказывался от лишних эпитетов. Его фраза коротка как удар меча. Это подражание стилю древних восточных хроник и лапидарности (краткости) степного языка. Как говорил сам прозаик, в пустыне и степи лишние слова улетают на ветру, остается только суть. Это делает его тексты очень современными, «кинематографичными».

Какое влияние творчество М. Симашко оказало на современный Казахстан?

Огромное. Именно он вернул в массовое сознание фигуру Султана Бейбарса как национального героя. До его повести «Емшан» об этом правителе знали, в основном, историки. М. Симашко придал истории эмоциональный объем. Кроме того, он заложил фундамент межэтнического согласия в литературе, доказав, что казахстанская идентичность строится не на происхождении, а на общности ценностей и любви к этой земле.

«Симашко был не просто историком, он был художником. Для него важнее дат была психология человека и логика истории. Как он сам писал: "История – память сердца", и именно эту память он исследовал в первую очередь».

Спасибо за внимание!

ЕЛУБАЙ СМАГУЛ

ПРИВЕТСТВИЕ

Морис Давидович счастлив. Его помнят друзья, читатели и народ.

О Морисе Давидовиче я слышал только хорошее. В Казахстане его любили. Мне кажется, он нес с собой в душе одну главную тему и в творчестве, и в судьбе. Я думаю, эта тема – тема Родины, которая особенно ярко отражена в повести «Емшан». Читатели семидесятых годов, благодаря этой повести, вошли в мир большого писателя, из-под пера которого выходили прозаические шедевры и распространялись по Евразии.

Когда мы брали в руки «Емшан», мы не знали подробностей биографии того великого кипчака, который был рабом, а стал правителем. Благодаря «Емшану» мы стали духовно богаче.

Большая заслуга Мориса Давидовича перед Казахстаном в том, что он нес в душе тему Родины. Его судьба была создана этой темой. Он, как Бейбарс, покориł регионы и государства, где жил и творил, но одновременно всю жизнь нес в душе одну важную тему. Он не мог оставить её, даже находясь на чужбине.

Он решил поклониться своей исторической родине, и я думаю, сделал правильно, потому что человек должен найти самое дорогое для себя. Я говорю, что он счастлив, потому что в конечном счете нашел свою историческую родину... Но Казахстан оставался в его творчестве и судьбе.

МЕЛЕШКИН ДЕНИС

ПРИВЕТСТВИЕ

От имени Генерального консульства Республики Беларусь в городе Алматы и от себя лично сердечно приветствую уважаемых участников на открытии традиционных чтений, посвященных жизни и творческому наследию выдающегося мастера слова, Народного писателя Казахстана Мориса Давидовича Симашко.

Художественная литература выполняет особую миссию в мировом пространстве. Она знакомит народы друг с другом, способствует взаимопониманию и укреплению диалога.

Проведение подобных форумов в Алматы – городе, который так много значил в судьбе писателя, и чья интеллектуальная атмосфера питала его вдохновение, имеет глубокое символическое значение. Творчество Народного писателя Казахстана Мориса Давидовича Симашко – достояние не только литературы Казахстана. В своих бессмертных произведениях он исследовал вечные вопросы человеческой совести, духовной памяти, преемственности поколений и недопустимости духовного забвения. Его творчество стирает границы между временами и народами, объединяя всех нас вокруг высших гуманистических идеалов. Переводы его художественных произведений на многие языки народов мира расширили читательскую аудиторию прозы и публицистики.

Для нас особенно ценно, что литературная и научная мысль Казахстана бережно хранит память о своих великих сынах, чьи корни и творческие пути переплетены с общей историей наших государств. Во всех Чтениях принимали и принимают активное участие исследователи из Беларуси. Чтения являются межстрановым проектом, международной площадкой, объединяющей литературоведов Казахстана, Беларуси, России и других стран.

Творчество и личности Мориса Симашко и классика белорусской национальной литературы, поэта, прозаика, исторического публициста, драматурга Владимира Короткевича объединяет «художественное подвижничество, связанное с вниманием к огромному спектру культурных явлений». В Материалах сборников по итогам Чтений анализируется творчество Василя Быкова, упоминаются Алесь Адамович, Николай Чергинец, Алесь Савицкий, Владимир Гаврилович, рассказавшие в своих произведениях о человеке на войне. Вопросы сохранения исторической памяти, верности долгу, героизма и патриотизма, о которых писали фронтовики и мастера слова нашего общего прошлого, находят живой и глубокий отклик в сердцах современных белорусов и казахстанцев.

Желаю всем участникам конференции вдохновения, глубоких дискуссий, успешной работы, а самим чтениям — долгой и счастливой судьбы! Дружили и дружат наши писатели, поэты, драматурги... Молодому поколению литераторов продолжать и укреплять традиции сотрудничества.

ЖАКЫП БАУЫРЖАН

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники Чтений!

Сегодня мы проводим уже Пятые Международные литературные чтения памяти М. Симашко, по итогам которых будет издан очередной научный сборник в рамках проекта ОЮЛ Ассоциации «Мицва» Республики Казахстан «История. Память. Люди». Руководит проектом председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана А.И. Барон.

Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что при встрече представителей разных культур каждый из них, стремясь к взаимопониманию, действует в соответствии со своими культурными нормами.

В текстах художественных произведений Народного писателя Казахстана М. Симашко сохраняется и передается специфика кода культуры и личное авторское я. Это придает особую ценность как его оригинальным текстам, так и текстам романов казахских писателей, которые он перевел на русский язык. О мастерстве переводчика М. Симашко за пять лет проведения Чтений (а это уже история) сделано немало интересных докладов, опубликовано много статей. Главная направленность этих публикаций: укрепление литературных, переводческих и издательских связей как внутри страны, так и с зарубежными издательствами, сохранение национальной идентичности в переводе.

Каждые Чтения имели актуальность и свою особенность. Докторанты и магистранты КазНУ имени аль-Фараби, профессорско-преподавательский состав вуза ежегодно поддерживают Чтения. Важны параллели между творчеством М. Симашко, в

котором сильны тюркские мотивы, и литературными произведениями современных писателей нашей страны.

Четвертые Чтения были приурочены к 100-летию юбилею писателя. Их отличительная особенность – работа с талантливой молодежью, студентами и старшеклассниками.

Информации о Чтениях публикуют ведущие печатные издания страны, газеты, журналы, размещается она и на литературных сайтах, и сайтах Союза писателей Казахстана, Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, на сайте Ассоциации «Мицва» и др.

Чтения давно перешагнули границы казахской литературы. Опубликованы интересные и содержательные доклады участников конференций из Берлина, Бишкека, Душанбе, Киева, г. Кonya (Турция), Лондона, Минска, Москвы, г. Печ (Венгрия), Сочи, г. Яссы (Румыния) и других городов. География участников расширяется постоянно.

Желаю всестороннего обсуждения избранных научных тем и успешной работы!

ШАШКОВА ЛЮБОВЬ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники Пятых Международных литературных чтений!

Поскольку мы находимся в Союзе писателей Казахстана, мне хочется немного оживить образ М. Симашко. Кажется, что еще совсем недавно, в конце 1980-х – начале 1990-х, он поднимался по этим ступеням, ходил по этим коридорам. Его помнит зал, где проходили бурные литературные дискуссии, встречи. Я помню его в этих стенах, помню, как в тот период он приходил в издательство, где шла работа над его книгами. Позже, едва покинув типографию, эти книги становились подлинным литературным событием. Я говорю о таких произведениях как «Семирамида», «Падение Ханабада», «Гу-га», появившихся в конце 1980-х. Именно эти книги я сейчас принесла сюда, на нынешние Чтения. Они со мной не случайно...

Я не была непосредственным редактором этих книг, но они издавались на моих глазах. Морис Давидович приходил в издательство, и с его участием шла кропотливая работа над каждой строчкой, каждым нюансом. Я была свидетелем того, как в беседе с редакторами он объяснял свой интерес к эпохе Екатерины II. Он называл роман «Семирамида» «анти-Пикулем», обрисовав эпоху императрицы не как период фаворитизма, а как время прогресса. Он показал Екатерину II великой просветительницей.

Нам важно сохранить память о писателе, чтобы делиться ею с молодежью. Важно, чтобы новое поколение писателей и читателей ощущало преемственность поколений, знало о тех прекрасных авторах, которые создавали основу отечественной литературы.

В их числе был и замечательный писатель М. Симашко, которого необходимо переиздавать и открывать заново.

БРИЖИЦКАЯ СВЕТЛАНА

ПРИВЕТСТВИЕ

Уважаемые организаторы и участники Пятых Международных литературных чтений!

Коллектив Шевченковского национального заповедника в моём лице приветствует Вас с открытием конференции, посвящённой творчеству Мориса Симашко, Народного писателя Казахстана, лауреата Президентской премии мира и духовного согласия, лауреата государственной премии Абая, лауреата премии Союза писателей Казахстана имени И. Шухова. Литературные чтения всегда прекрасная возможность для учёных обменяться новыми достижениями, открытиями в сфере литературоведения, а также ознакомиться с широким спектром нового научно-исследовательского инструментария современной науки.

Убеждена, что сегодняшнее собрание способствует углублению знаний о жизненном и творческом пути М. Симашко, автора многочисленных произведений на тему среднеазиатской истории. Известно, что писатель родился в Одессе, где провёл

детство и отрочество. Именно тогда в повседневном общении Морис наравне с русским языком овладел и украинским. Он прекрасно знал украинскую литературу и культуру.

Воспитанием Мориса занимались родители, которые закончили Институт народного образования. Его отец, Давид Шамис, стал крупным микробиологом, заведующим кафедрой и учёным секретарём Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова, а в Казахстане стоял у истоков создания Института микробиологии Академии наук республики.

В повестях и романах М. Симашко сильно автобиографическое начало. Мотивы детства получили отражение в рассказах «Бербека», в очерках «Писание по Бондарю». В автобиографической повести «Гу-га», в мемуарной книге «Четвёртый Рим» и других произведениях память автора играет особую роль в сюжетном повествовании.

В Алматы в марте 2015 года в честь дня рождения Мориса Симашко и 20-летия Ассамблеи народа Казахстана в доме на пересечении улиц Шевченко и Чайковского, где долгое время жил и работал писатель, была открыта мемориальная доска.

Безусловно влияние творчества М. Симашко на историческую прозу писателей Центрально-Азиатского региона. Много интересных открытий дарует нам его творчество. Верю, что обсуждения в рамках Чтений не только обогатят литературоведение новыми идеями и фактами, но и станут важным вкладом в дело сохранения творческого наследия М. Симашко.

Желаю участникам Чтений плодотворной работы, вдохновения для новых научных свершений, которые и в дальнейшем будут способствовать утверждению просветительских идеалов писателя М. Симашко в современном обществе.

ОСТАНЬКОВИЧ ДМИТРИЙ

ПРИВЕТСТВИЕ

Международный научный проект «Морис Шамис (Симашко). Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана», реализуются объеди-

нением юридических лиц Ассоциация «Мицва» Республики Казахстан по личной инициативе и при личном участии члена Совета АНК Александра Барона в рамках общинного проекта «История. Память. Люди». Проект поддерживают Ассамблея народа Казахстана, Евро-Азиатский Еврейский конгресс, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, Союз писателей Казахстана.

В проведении Чтений активное участие принимают Казахский ПЕН клуб (президент – Бигельды Габдуллин), литературно-художественный журнал «Простор» (главный редактор – Фархат Тамендаров).

Пятые чтения подтверждают поистине международный характер памятного и столь представительного мероприятия. Постоянными участниками Чтений являются председатель Союза писателей Беларуси, директор издательства «Беларусь» Александр Карлюкевич и заместитель председателя Союза писателей Беларуси, главный редактор белорусской еженедельной литературной газеты «Літаратура і мастацтва» Алексей Черота, руководитель Русского центра Печского университета, кандидат филологических наук Валентина Вегвари (Венгрия) и заместитель заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидат филологических наук, доцент Карина Галай (Москва, Россия). В сборниках «Морис Шамис (Симашко). Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана», публикуются исследования отечественных ученых, писателей, журналистов, представителей научно-педагогического сообщества Великобритании, Венгрии, Германии, Израиля, Кыргызстана, Польши, России, Румынии, Турции, Узбекистана.

Морис Давидович Симашко был членом Национального совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан, членом Ассамблеи народа Казахстана. И символично, на мой взгляд, что 18 марта 2015 года на доме в Алматы, где жил и работал писатель, в юбилейный год – 20-летия АНК была открыта мемориальная доска.

Рукопись последней книги «Четвертый Рим», переданная в Алматы и подготовленная к изданию другом автора – Леонидом

Юзефовичем Гиршем, увидела свет в рамках программы «Издание социально-важных видов литературы» Комитета информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан в 2013 году.

Позвольте пожелать участникам Пятых Международных литературных чтений интересной и плодотворной работы.

КОТОРЧА ЛИВИЯ

ПРИВЕТСТВИЕ

Уважаемые участники Международных литературных чтений!

Морис Симашко, чье творчество известно далеко за пределами Казахстана, в последнем произведении «Четвертый Рим», завершенном в Израиле, продолжает диалог с читателями. Как участник и свидетель событий XX века повествует о них автор.

Литературу М. Симашко воспринимал как сложный процесс, связанный с состоянием общества.

Много вопросов и тем освещено в «Четвертом Риме». Это и роль национальной интеллигенции, и подготовка кадров (первых и вторых секретарей центральноазиатских республик), и начало Афганской войны, и распад Советского Союза.

Тема памяти и беспамятства занимает в творчестве русского писателя Казахстана особое место. В древней истории находит автор параллели с настоящим, подчеркивая, что история народы, к сожалению, ничему не учит... Ее уроки остаются незамеченными и проходят бесследно.

Коллективная память человечества – «до сих пор не изученная наукой категория как дальние птичьи перелеты к своим гнездовьям...».

Книга «Четвертый Рим» М. Симашко воспринимается как итог творчества...

Желаю участникам Международных литературных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко, интересной и плодотворной работы.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Добрый день, дорогие участники V Международных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана Мориса Давидовича Симашко!

Знаете, в первую очередь я хочу обратиться именно к Морису Давидовичу и поздравить его с Днем рождения. Давайте поаплодируем...

Морис Давидович, посмотрите, сколько собралось людей разных национальностей и разных возрастов. Вас помнят и чтут. Особенно мне нравится, что сегодняшние чтения проходят в здании Союза писателей. Почему? Мы привыкли к тому, что в этом фойе всегда проходят похороны. А «Простор» зачинает новую традицию – здесь мы будем чествовать писателей.

Казалось бы, о Морисе Симашко много сказано, его творчество хорошо изучено. И все же, каждый раз, слушая выступления, я открываю для себя что-то новое. Я тоже немножко подготовился. Не такой длинный доклад, как у Бигельды Габдуллина...

Творчество М. Симашко занимает знаковое место в казахстанской литературе. Прежде чем приступить к написанию книги, Морис Давидович изучал множество источников и фактов. К примеру, однажды он обнаружил в Пушкинской библиотеке десятитомник Великой Императрицы, написанный на французском языке. Валерий Михайлов помог ему перевести эти записи на русский. Много и кропотливо работал М. Симашко в ленинградских библиотеках и архивах. Его всегда волновали вечные вопросы: война и мир, устройство государства, отношения власти и народа, судьба культуры. Эти темы проходят через его творчество.

Однажды писателя спросили: «Почему вы постоянно обращаетесь к историческому материалу?». И он ответил: «Потому что история повторяется, она учит нас жизни».

Действительно, проводя параллели между прошлым и настоящим, Морис Давидович предупреждает читателя, помогает осмыслить происходящее, словно дает мудрые советы.

И, пожалуй, в этом одна из главных ценностей его прозы. И еще есть одно редкое качество его произведений. Он учит нас не забывать свои корни и в то же время оставаться открытыми большому миру.

Спасибо за внимание.

ШУПЕЙКИН ВАСИЛИЙ

ПРИВЕТСТВИЕ

Уважаемые участники Пятых международных литературных чтений! Сегодня мы в очередной раз говорим о творчестве М. Симашко, который, безусловно, отмечен и наделен Божьим благословением. В его литературных и художественных текстах яркие личности, запоминающиеся фигуры исторических деятелей, государственных правителей, писателей, поэтов разных стран и исторических эпох. Эрудиция автора, его знание истории, как дальней, так и современной, поражает.

Очень трудно быть не первым на подобном мероприятии, многое уже сказано. Биографию Мориса Давидовича рассказали, творческую составляющую перечислили, редкие случаи из жизни известного нашего прозаика назвали. О его организаторской деятельности на посту вице-президента Казахского ПЕН клуба вспомнили. Он был, как известно, и одним из его учредителей.

Божьей милостью писатель оказался М. Симашко, хотя бы в связи с тем, что родился евреем, писал по-русски, жил в Казахстане и нас всех учил истории той, которая начинается, как сказал в своем приветствии Олжас Сулейменов, задолго до XV века.

Если сохранен интерес к произведениям творца, это уже свидетельство признания его классиком. В его произведениях, действие в которых происходит на Великом Шелковом пути и на просторах Великой степи, философия истории и обращенность к нам.

Молодежь, читайте М. Симашко! Вы найдете в его художественных и публицистических произведениях ответы на многие вопросы. Уроки истории не должны быть забыты.

Герольд Бельгер обратился к казахскому языку, знал его, писал на казахском. М. Симашко обратил свой взор к корням кипчакским, чтобы вывести красную нить нашей с вами истории.

Михаил Виллер назвал Мориса Давидовича Симашко мастером иносказания. Его тексты требуют внимательного прочтения, всестороннего осмысления. Автор ведет диалог с читателем уже XXI века.

Я не возьмусь сравнивать себя ни с Морисом Симашко, ни с другими классиками, но, тем не менее, с большой благодарностью отнесусь к инициативе Вашей, Александр, и в вашу библиотеку подарю свой роман, в котором по еврейской общине много – много страниц, потому что главные герои романа – это алматинцы. Алматинцы – это что? Это большая группа многонациональных сообществ. И там, конечно, и белорус, и казах. Следуя традициям М. Симашко, мы создаем в своих художественных произведениях полилингвальную картину мира.

Участникам сегодняшних Чтений желаю сохранения преемственности в науке и интересной работы!

«Прежде чем писать, он жил...»

«Четвертый Рим» М. Симашко, алматинское издание 2013 года, предваряют статьи Г. Бельгера и А. Арцишевского.

Лейтмотив статьи Г. Бельгера «Аманат Мориса Симашко»: «Прежде чем писать, он жил...» [1, с.3]. Далее Герольд Карлович отмечает неравнодушие «к языковой стихии, музыке восточных языков, они звучат в его устных рассказах и писаниях причудливой мелодией. Не случайно герой его романа “Маздак” рассуждает: “Языки, как и книги, пахнут по-разному. Одни травой, другие – теплым молоком или морем. И цвет у каждого свой: синий, красный, золотой. Даже привкус от слов различный остается во рту. Спокойные и беспокойные бывают они...”» [1, с.3].

Русский писатель, который ни на кого не похож... Символично, что именно это определение своеобразия творчества М. Симашко, сформулированное критиком из Франции Аленом Боске, вспоминает Г. Бельгер, обращаясь и к изречению Экзюпери: «Слова не имеют ценности, если они не родились из долгого пути под звездами». Звездный мотив – один из ведущих в романе М. Симашко «Семирамида».

Путь русского писателя Казахстана был долог... «Благополучно одолев “возраст пророка”, взобравшись на вершину своего семидесятилетия, Морис Давидович по-прежнему неутомим. Отправив по белому свету свой новый исторический роман “Семирамида”, он пишет пьесу, сценарий, колесит по Средней Азии – спешит то в Ашгабат, то в Бухару, то в Самарканд, то в Нукус, а то и по дальнему зарубежью. И голова его полна планов и замыслов: то он заседает в Национальном совете по государственной политике при Президенте, то мечется по делам Казахского ПЕН-центра, будучи его вице-президентом. И вечно ему недосуг, и говорит бурно, шумно, увлеченно. Этим он и интересен» [1, с.4]. Написаны эти точные и образные строки Г. Бельгером в марте 1994 года.

Слушать М. Симашко было «маняще интересно. Рассказчик был отменный, память – поразительная... <...> ... Он обладал удивительным даром ассоциативного мышления, чувством историзма и умел как-то ловко, я бы сказал, грациозно, а то и парадоксально сопоставлять и осмысливать разрозненные факты и явления бытия, корни, выявлять главные звенья развития и видеть современность остро, неожиданно, сквозь призму давно прошедших событий, – размышляет Г. Бельгер. – О том ярко свидетельствуют его книги “Повести Черных песков”, “Хроника царя Кавада”, “Повести Красных песков”, “Маздак”, “Искупление дабира”, “Семирамида”, “Падение Ханабада”, “Колокол”, “Комиссар Джангильдин”, “Путешествие в Карфаген», “Дорога на Святую Землю”, многочисленные статьи, киносценарии, пьесы, очерки, фельетоны. Его произведения переведены на сорок языков мира» [1, с.5].

В коллективной монографии научных сотрудников отдела русской литературы Казахстана Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова «Творчество русских писателей Казахстана. Литературно-критические очерки» [2], написанной совместно с преподавателями вузов, определены и установлены связи И. Шухова, А. Сорокина, Н. Анова, М. Зверева, П. Кузнецова, Дм. Снегина, М. Симашко, И. Щеголихина, Г. Черноголовиной, Н. Корсунова с разными пластами жизни республики, рассмотрены их творческое своеобразие, уровень мастерства. Авторы коллективной монографии И.Х. Габдиров, А.Л. Маловичко, К.С. Курова, С.М. Сагалович, В. Кошанова, С.С. Акашева и автор данных строк пытались избежать однообразия в способах анализа, в подходах к оценке творчества художников слова.

Коллективный труд «является первой, хотя и скромной попыткой осмысления» евразийского сплава культуры Казахстана, формирующегося единого духовного пространства, «этого сложного и долговременного процесса». А.Л. Маловичко в работах об Н. Анове и И. Щеголихине – не послушный истолкователь всего ими сочиненного, он может не соглашаться с решением темы, спорить по поводу трактовки образов, откровенно говорить о художественных просчётах и неудачах, даже намекнуть плодовитому И. Щеголихину насчёт творческого кризиса. Такая же требовательность ощущается и в других очерках о

Н. Корсунове (автор – С.В. Ананьева) о Г. Черноголовиной (автор – И.Х. Габдиров). Всё это свидетельствует о том, что книга написана профессионально и всерьёз», – был убежден автор первой рецензии на коллективный труд доктор филологических наук, профессор Р. Нургалиев.

В составе редколлегии книги академик М.К. Каратаев, доктора филологических наук, профессора И.Х. Габдиров, Ш.Р. Елеукенов, кандидаты филологических наук А.Л. Маловичко и автор данных строк. Ответственный за выпуск издания и автор Введения – кандидат филологических наук, известный литературный критик Н.С. Ровенский.

Во Введении к коллективному труду М. Симашко упоминается как автор романа «Колокол», в центре которого «жизнь и деятельность казахского просветителя Ибрая Алтынсарина. Писатель прослеживает формирование характера и мировоззрения этой незаурядной личности, показывает благотворное влияние передовой русской интеллигенции на своего героя...» [3, с.7]. И еще: «Об известном революционере Алиби Джангильдине и событиях гражданской войны рассказывается в романах “Дерзкий рейд” Г. Свиридова и “Комиссар Джангильдин” М. Симашко» [3, с.8].

Упоминается русский писатель Казахстана М. Симашко в контексте активно проводимой переводческой работы. «Лучшие из переводов получают всесоюзное и международное признание: переводы М. Симашко трилогии И. Есенберлина “Кочевники” и второй книги Г. Мусрепова “Пробужденный край” удостоены Государственной премии Казахской ССР имени Абая» [3, с.10]. Автором раздела о творчестве М.Д. Симашко была кандидат филологических наук С.С. Акашева.

В кандидатской диссертации Н.С. Ровенского «Концепция личности в литературе Казахстана 60-70-х годов» (1992) на материале произведений разных жанров (романы, повести, рассказы) прослежены основные темы литературы Казахстана 60-70-х годов XX века: нравственное обновление личности как реакция на разоблачение «культа вождя» («Буран» Т. Ахтанова, «Схватка» И. Есенберлина, «Доктор Дарханов» З. Шашкина); утверждение нравственного максимализма (как альтернативы послушному «винтику») при оценке деятельности личности («Кто,

если не ты?» Ю. Герта, «Голубое марево» М. Магауина, «Пламя» З. Кабдолова и др.); выделение духовности как наиболее желательной черты личности («Пресновские страницы» И. Шухова, «Черное ожерелье» Ш. Муртазы, «Дом молодых» С. Муратбекова, «Серый ястреб» Т. Алимкулова и др.); рост национального самосознания как основа развития национальной самокритики («Пока хожу по земле» У. Канахина, «Отчий дом» Д. Исабекова и др.); попытка пересмотра национальной истории («Караван идет к солнцу», «Стрела Махамбета», «Возвращение Учителя» А. Алимжанова, «Кочевники» И. Есенберлина, «Маздак», «Емшан» М. Симашко и др.).

Коллективная монография Института «Евразийский талисман», раскрывающая казахскую тему как форму выражения евразийского склада русской литературы и культуры в целом, открывается статьей М. Симашко «Время собирать камни» об идее евразийства, вызревавшей «на огромных пространствах самого большого земного материка, омываемого с четырех сторон всеми четырьмя мировыми океанами» [4, с.4].

Концепция евразийства способствует, по мнению авторов сборника Ш.Р. Елеукенова, Н.С. Ровенского, М.Д. Симашко, С.М. Сагалович, С.С. Акашевой и автора данных строк, более убедительному объяснению неизбежной тяги русских писателей и поэтов к теме Востока как великих (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Короленко, Горький), так и скромных подвижников трудной литературной профессии.

«Талисман дружбы» и «Памятник неизвестному русскому писателю» В.В. Бадикова посвящены не только теме евразийства, но и «очень неоднозначному феномену русской окраинной литературы», судьбам русских писателей, в силу разных причин оказавшихся и оставшихся в национальных республиках бывшего СССР. Завершает «Новые ветры» В.В. Бадикова глава «Memoria», в которой с особой душевной теплотой критик пишет о Н. Тюрякулове, А. Жовтисе, И. Потахиной, О. Бокееве, М. Симашко, В. Мармонтове. «Подлинный литературовед, – отмечает В.В. Бадиков в “Предуведомлении для читателя”, – обращаясь к материалу прошлого, всегда рассматривает его и с позиции сегодняшнего состояния литературы. Он должен помнить, что и современность становится историей. Именно так возникает объективность,

то есть преемственность в построении истории национальной литературы. Потому во второй половине книги помещаю работы по истории и теории литературы, а также – “некрополь”, как это называл Вл. Ходасевич, то есть воспоминания об ушедших из жизни наших современниках» [5, с.8].

Каждый из них – это целый мир, непознанный до конца. Но остались их творения: романы, повести, стихотворения, яркая и острая публицистика. Для каждого из них В.В. Бадиков находит особые слова, раскрывающие своеобразие таланта и человеческой личности: блистательный художник О. Бокеев, пронизательный критик Н. Ровенский, светлый и печальный рыцарь поэзии В. Мармонтов. Настоящий магнетизм человеческого обаяния, удивительная чувственность, покоряющая читателя, без которой нет искусства слова – таков М. Симашко. А главная отличительная черта крупнейшего прозаика – умение увидеть изнутри любовно и дружески жизнь другого народа. «Литературная современность – это уходящее сегодня. У нас на глазах оно становится следствием завтрашнего дня. Не будем останавливать литературные мгновения, чтобы не отстать от истории, но сохраним их в нашей культурной памяти как предзнаменования будущего – ветры перемен», – звучит голос В.В. Бадикова [5, с.8].

Профессор, доктор филологических наук К. Рустемова (К. Нургали. – С.А.) в монографии «Поэтика прозы Ануара Алимжанова» считает, что А. Алимжанов «был изначально детерминирован в казахскую литературу, в казахскую культуру, в историческую науку казахского народа» [6, с.4]. Эти же слова, на наш взгляд, мы можем с полным правом отнести и к М. Симашко.

Основные направления развития русской литературы Казахстана периода независимости обобщены в десятом томе «Истории казахской литературы» в разделе Б.Б. Мамраева и С.В. Ананьевой «Қазақстан халықтарының әдебиеті», где речь идет и о творчестве М. Симашко [7]. Доктор филологических наук, профессор Б.Б. Мамраев, будучи заместителем директора по науке Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, принимал непосредственное и активное участие во встрече М. Симашко с научной и культурной общественностью южной столицы в Доме ученых Национальной академии наук, в открытии на карте Алматы улицы Н.С. Ровенского, друга и единомыш-

ленника М.Д. Симашко. В Институте были проведены Ученые советы к юбилейным датам известного писателя и литературного критика, раскрыт их вклад в литературу и литературоведение Казахстана.

Предысторией развития русской литературы Казахстана предлагает считать Б.У. Джолдасбекова «омский период»: «Думается, что одними из первых форм организации русской литературы были объединения молодых поэтов и писателей, выходцев из северных областей Казахстана, собравшихся в Омске: Ивана Шухова, Всеволода Иванова, Павла Васильева, Кондратия Урманова, Вивиана Итина, Сергея Маркова, Николая Титова и др. Несмотря на отдаленность от российских столиц, провинциальный Омск сыграл огромную консолидирующую роль в формировании русской ветви новой литературы Казахстана. Главными печатными органами русской литературы Казахстана в 20-е годы XX века были известные газеты и журналы, выходившие в российских и сибирских городах, в первую очередь, в Омске и Новосибирске. Одним из таких изданий является журнал “Сибирские огни” издававшийся в Сибири с 1922 года» [8, с.11-12].

Книга Б.У. Джолдасбековой «Русская литература Казахстана» – монографическое исследование проблем поэтики и изображения положительного героя, средств создания инонационального характера, своеобразия художественной структуры и принципов организации сюжета, проблем традиций и новаторства русской литературы Казахстана 20-х – 70-х годов XX столетия. В ней анализируются литературные тексты Ю. Домбровского, Дм. Снегина, М. Симашко, И. Щеголихина и других авторов.

В определенной степени русская литература Казахстана, литературоведение и критика стали объектом изучения в разделах А.С. Исмаковой «Тәуелсіздік кезеңіндегі әдебиетті танытудың теориялық мәселелері», Г.Ш. Елеукиной «Тәуелсіздік кезеңіндегі әдеби сын», Г.Ж. Пралиевой «Тәуелсіздік кезеңіндегі қазақ әдебиеті тарихын жаңаша жазу», У.О. Еркинбаева «Қазіргі әдебиеттану ғылымындағы герменевтикалық структуралық және семиотикалық зерттеу тәсілдері», А.Т. Ойсылбай «Тәуелсіздік кезеңіндегі әдебиеттеориялық байланыстар» во втором томе «Қазақ әдебиеттану ғылымының тарихы» двухтомной коллективной монографии Института литературы и искусства

им. М.О. Ауэзова «Қазақ әдебиеттану ғылымының тарихы (Тәуелсіздік кезеңі)» [9].

Как часть общелитературного процесса мультикультурной среды республики и в то же время самостоятельный творческий феномен, оказывающий существенное воздействие на духовную атмосферу Казахстана, исследуется русская проза Казахстана в монографии С.В. Ананьевой «Русская проза Казахстана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI века». Картина её развития дана в аспекте диалога национальных литератур республики и единого культурного пространства эпохи рубежа веков.

Русская литература республики «представлена яркими именами (П. Васильев, Н. Анов, И. Шухов, Н. Раевский, Дм. Снегин, М. Симашко, И. Щеголихин и другие», – указано в предисловии «От автора» [10, с.3]. Далее: «Русские писатели Казахстана предпринимают попытки философского осмысления эпохи в соотнесенностью с судьбой отдельной личности (Дм. Снегин, М. Симашко, Н. Раевский, И. Щеголихин и другие» [10, с.4]. Более подробно речь о творчестве М. Симашко идет в четвертом и пятом разделах книги «Евразийские мотивы в русской прозе Казахстана» и «Культурный концепт *память* в современной прозе».

В учебном пособии Л.Н. Демченко «Литература народов Казахстана и стран ближнего зарубежья. Современный период» [11] отражена авторская концепция данного курса. Материал распределен по двум разделам «Литература народов стран ближнего зарубежья» и «Литература народов Казахстана». «В 90-е годы XX столетия, – пишет Л.Н. Демченко, – наметилась тенденция индивидуализации национальной культуры. Территория Казахстана на современном этапе объединила разные народы и народности. Суверенный Казахстан отличает многообразие культур народов, их связь и взаимодействие» [11, с.3]. Л.Н. Демченко рассматривает творчество Ю. Домбровского, Н. Раевского, М. Симашко и Г. Бельгера.

Монографии и учебные пособия доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей Казахстана и Казахского ПЕН клуба А.Ж. Жаксылыкова, как и многие магистерские, кандидатские, докторские диссертации под его научным руко-

водством, посвящены разностороннему изучению прозы и публицистики М. Симашко, проблемам художественного перевода.

Успешно проведенные Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко (вот уже Пятые), изданные по их итогам научные сборники – новая страница в изучении наследия казахстанского автора. Авторы научных статей, прозвучавших на Чтениях докладов, думается, солидарны с мнением А.А. Арцишевского, так много сделавшего и для сохранения памяти о своем старшем друге, и для проведения Чтений... «Мы еще будем читать и перечитывать его книги. Сквозь строки звучит живой голос Мориса, его искристое мудрое слово согревает наши сердца, вселяя веру в будущее, даруя нам силы жить дальше – во что бы то ни стало жить...» [12, с.9].

О творчестве М. Симашко появляются новые работы школьников средних школ г. Алматы, участников Малой академии наук, студентов, магистрантов, докторантов, преподавателей вузов. Изучение его многообразного наследия продолжается.

Литература:

1. Бельгер Г. Аманат Мориса Симашко // Симашко М. Четвертый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. – С.3-5
2. Творчество русских писателей Казахстана. Литературно-критические очерки / Под редакцией И.Х. Габдирова и Ш.Р. Елеукунова. – Алматы: Гылым, 1992. – 312 с.
3. Введение // Творчество русских писателей Казахстана. Литературно-критические очерки / Под редакцией И.Х. Габдирова и Ш.Р. Елеукунова. – Алматы: Гылым, 1992. – С.3-13
4. Симашко М. Время собирать камни // Евразийский талисман / Под редакцией Ш.Р. Елеукунова. – Алматы: Білім, 1996. – С.3-7
5. Бадиков В. Новые ветры. Очерки современного литературного процесса Казахстана. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2005. – 336 с.
6. Рустемова К. Поэтика прозы Ануара Алимжанова. – Алматы: РИК, 1997. – 256 с.
7. Мамраев Б.Б., Ананьева С.В. Қазақстан халықтарының әдебиеті // Қазақ әдебиетінің тарихы. 10 т. – А.: ҚазАқпарат, 2006. – 352-367 б.
8. Джолдасбекова Б. Русская литература Казахстана. – Алматы: Қазақ университеті, 2008. – 358 с.
9. Қазақ әдебиеттану ғылымының тарихы. 2 т. – Алматы: ҚазАқпарат, 2009. – 658 б.
10. Ананьева С. Русская проза Казахстана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI века. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2010. – 365 с.

11. Демченко Л.Н. Литература народов Казахстана и стран ближнего зарубежья. Современный период. – Усть-Каменогорск, 2010. – 208 с.
12. Арцишевский А. Феномен Мориса Симашко // Симашко М. Четвертый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. – С.6-9

**АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА
ДЖУМАГАЛИЕВА УЗИМ**

**Произведение М. Симашко «Четвертый Рим»:
автобиография с тенденцией к документалистике**

Литературным жанровым образованием называют в литературоведении автобиографию. Петербургская филологическая школа и ее представители обращают внимание на то, что «в рамках автобиографического повествования писатели стремились открыто и вдумчиво рассказать “о времени и о себе”» [1, с.6], о себе в контексте времени.

Тенденцию обновления видовых модификаций автобиографической прозы авторы цитируемой монографии объясняют тем, что «жанровые границы художественных произведений стали более открытыми и находятся в постоянном движении, характеризуются интенсификацией авторского художественного поиска и творческого экспериментаторства» [1, с.6].

Автобиографичен «Четвертый Рим» М. Симашко. Проводимые ассоциацией «Мицва» совместно с Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК и Ассамблеей народа Казахстана Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана, конкурс школьных сочинений – эссе о его произведениях, квест для учащихся школ «Алматы глазами М. Симашко» – все мероприятия направлены на сохранение памяти, на перечитывание и переосмысление прозы, публицистики, драматургических текстов в аспекте движения от исторической ретроспекции к сравнительной нарратологии.

Голоса истории звучат в прозе и публицистике М. Симашко. Писатель включал свои произведения в широкий историко-культурный контекст, в полилог столетий, создавая культурные пространства разных исторических времен. Бродягой,

странником, кочующим в пространстве, во времени называл своего старшего друга М.М. Ауэзов. «И снова я для себя обнаружил: он не посланец из нынешних времен в те, прошлые, он к нам пришел оттуда. Он – человек библейских времен, их представитель...» [2, с.2].

В современной филологической науке наряду с историей литературы, литературной критикой отдельно позиционируется критика писательская и читательская. Автор сам размышляет о жанре «Четвертого Рима»: «Просто биографией это все же не назовешь, для исторических заметок тут слишком много личного, для политического исследования – мало серьезности, сатиру я тоже не собирался писать, назвать это “Повестью о жизни” – банально. Роман?...» [3, с.152].

В многочисленных эссе, набросках, заметках, статьях, раздумьях дневникового характера, эпистолярных признаниях, включенных в «Четвертый Рим», отчетливо сформулированы его личные и литературные пристрастия. Наблюдения точны, образны. И оживает история. «Туркмены в песках, куда мало кто любил заходить, сохранили в наиболее чистом виде знаки движения во времени. Для меня они уже не были тем, что однозначно именуется прошлым» [3, с.72].

«Одиннадцать легионов неудачливого консула Марка Красса были пленены парфянами в битве под Карамы и отправлены в Маргиану – Александрию, позже Маргиану – Антиохию, а точнее в Марыйскую область Туркменской ССР, где я работал корреспондентом, строить плотину на реке Мургаб. Она и поныне образует там водохранилище Султан-беит. И потомки римских легионеров давно уже туркмены, если не ушли с сельджуками завоевывать Византию и строить там Оттоманскую империю. В таком случае, сегодня они уже турки – такова генетика истории» [3, с.72].

Давно разбирался М. Симашко, почему у туркмен есть некий аристократический слой, не просматривающийся у других тюркских народов. Известны текинцы, ахалтекинцы, йомуды, сарыки, эрсари, гоклены, чоудуры, алиэли, нохурли и другие. Беседуя с представителями старшего поколения, слушая предания, сопоставляя их с историческими событиями, М. Симашко пришел к выводу, что те, которые назывались иг, «насколько

можно верить легендам и косвенным свидетельствам, это потомки древних степных вождей еще времен белых гуннов-эфталитов... Лишь тут, в Черных песках сохранялась память о них...» [3, с.72].

Излюбленные приемы автора – ретроспекции, смешение временных пластов; прошлое, переходящее в настоящее, и настоящее как предпосылка прошлого. В годы Великой Отечественной войны будущий писатель стремился попасть в авиацию, но был принят в снайперскую школу, «нечто вроде нынешнего спецназа» [3, с.31]. На границе с Ираном, в Бикрове под Ашхабадом учили стрелять из любого вида оружия. По Гауданскому шоссе проходил Большой пороховой путь, снайперов задействовали «в конвоях и особых мероприятиях, которые нынче именуются “зачистками”» [3, с.32].

В «Четвертом Риме», где биография, по мнению автора, «служит лишь канвой, смотровой площадкой, с которой видится время, нарратор предпринимает попытку разобраться в трагедии XX века на материале Евразии...» [4, с.23], – пишет К. Матыжанов.

В «Четвертом Риме» М. Симашко есть и воспоминания детства, творческие рассуждения и другие биографические моменты. Биографические сравнения одухотворяют литературные и / или публицистические тексты, делая их более живыми и читаемыми.

Литературный критик В. Бадиков считал главной отличительной чертой крупнейшего прозаика – «умение увидеть изнутри любовно и дружески жизнь другого народа». В главной книге – «Четвертый Рим», в центре ее – биография «неофициальная поверх официальной, т.е. прежде всего литературная биография... Биография не романная, но с элементами публицистики и фрагментами художественных произведений (“Ту-га”, “Падение Ханабада”, “Путешествие в Карфаген”). Произведение свободного, компромиссного или переходного жанра, которое не притворяется романом, хотя обладает романной “всеядностью”, или мемуарами, но берет собственно личный материал как субъект и объект истории» [2, с.2].

Впервые «Четвертый Рим» М. Симашко стали публиковать главные редактора журналов «Тан – Шолпан» и «Евразия».

Книги М. Симашко В.В. Бадиков называет синтетичными по своей литературно-художественной природе. «Четвертый Рим» – «живая и умная, разнообразно интересная книга» в плане стилистики и выразительности языка, пластичности повествования занимает в творчестве писателя особое место. Книга создавалась на протяжении полувека: Ашхабад – Алма-Ата – Москва – Бат-Ям, 1948-2000. И теперь воспринимается как духовное завещание М. Симашко. В своем главном произведении автор «художественно осмыслил собственно советскую историю, создал образ или мифологему “Четвертый Рим”, в котором еще не остывшая, трагическая эпоха СССР предстает как великий и страшный урок Большой истории» [2, с.2].

Для простоты и ясности, для установления контакта с читателем поясняет: «Поскольку каждая литературная биография так или иначе не обходится без очевидного или угадываемого самоутверждения автора, то постараюсь, чтобы это было как можно незаметней (слава богу, все-таки заметно!). А чтобы воздух эпохи сделался осязаемым, каждую главу буду заключать собственным видением происходивших событий, даже если не все читатели будут со мною согласны», – цитирует В.В. Бадиков «Четвертый Рим» М. Симашко. И далее поясняет: «Но “воздух эпохи” еще и в том, что он, назвавший себя “русским евреем” и “поменявший страну проживания на ту, с которой связаны начала моего народа”, – посвятил свою жизнь и творчество не только истории древнего, но и нового советского Востока (“Колокол”, “Комиссар Джангильдин”, “Падение Ханабада”))» [2, с.2].

Современные исследователи выделяют три генеральных направления автобиографической прозы: 1) автобиография с тенденцией к документалистике; 2) автобиография, сопряженная с типами художественной организации прозы и ее жанровыми вариантами; 3) собственно художественная проза, ориентированная на (авто)биографию писателя (в т.ч. псевдоавтобиография, “фиктивная автобиография” и многое другое» [1, с.11].

«Четвертый Рим» М. Симашко ближе к автобиографии с тенденцией к документалистике.

Литература:

1. Богданова О.В., Ван Ц. Имена и стратегии современной автобиографической прозы (Р. Киреев, А. Чудаков, Р. Сенчин). – СПб.: Алетейя, 2023. – 170 с.

2. ... И писатель, и друг, и учитель // Литературная газета Казахстана. 30 октября 2007 года. С.1-3
3. Симашко М. Четвертый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. – 407 с.
4. Матыжанов К. Типология жанрообразования и метапоэтика (на примере прозы М. Ауэзова и М. Симашко) // Морис Шамис (Симашко). Вторые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: VESTA, 2022. – С.17-23

ANANYEVA SVETLANA
ISSAYEVA AIGUL

Writing as a Craft

In Konstantin Paustovsky's *The Golden Rose*, we read: «This book is neither a theoretical study nor, even less, a manual. It is simply notes on my understanding of writing and on my own experience» [1].

Writing as a craft is one of the central themes of M. Simashko's *The Fourth Rome*. In this work, the author reflects on his own literary career, on Russian and Kazakh literature within the historical context of the country, and reconsiders his creative journey against the backdrop of the twentieth century, as well as the concepts of the greater and the lesser homeland. Simashko appears both as a literary critic, seeking to reveal the conception and history behind his own works, and as a political commentator who witnessed the tragic events of the twentieth century.

The mysteries of literary craftsmanship have always been a fascinating subject. Among contemporary prose writers, G. Pryakhin and Yu. Kozlov also write about and reflect upon the creative process. Their works are largely autobiographical. The protagonist of G. Pryakhin's novella *Concept. Intonations* is a publisher by profession who edits and revises book manuscripts.

«At heart he was an observer. That was his favorite, most intimate, and painfully all-encompassing occupation. It only seems as though it requires no effort – in reality, it exhausts and even turns one inside out. This obsession, ingrained since childhood, poisons life: you do not truly live, but merely drag yourself through each

day. To observe means more than to look and listen. It means to think» [2, p.75].

Kargin, the protagonist of Yu. Kozlov's novel *The Hostile Tailor*, reflects on what Mikhail Lermontov could offer contemporary Russia. Kozlov's prose has been described as «psychological, philosophical, eschatological, corresponding to the spirit of the twenty-first century» (*Nezavisimaya Gazeta*).

Kargin concludes: «The sky, Lermontov offers us the sky, the great battle (like «Borodino), and... the military overcoat! The overcoat with a white ribbon – a symbol of service to the Motherland even by the 'superfluous' heroes who conquered the Caucasus together with Lermontov! The overcoat with a red ribbon – a symbol of the revolutionary transformation of the Motherland!» [3, p.6].

The Golden Rose opens with two epigraphs: «Literature is exempt from the laws of decay. It alone does not acknowledge death» (M.E. Saltykov – Shchedrin).

«One must always strive for beauty» (Honoré de Balzac).

Outstanding prose writers and poets have continually reflected on the educational role of literature. Paustovsky writes: «Every minute, every casually spoken word and glance, every profound or humorous thought, every unnoticed movement of the human heart, just like the drifting fluff of a poplar tree or the reflection of a star in a nighttime puddle, is a tiny grain of golden dust. We writers collect these millions of grains over decades, often without realizing it ourselves. We melt them into an alloy and then forge from it our “golden rose” – a story, a novel, or a poem» [1].

M. Simashko's *The Fourth Rome*, a confessional work with autobiographical elements, enables readers to reinterpret much of the author's creative legacy. As noted in the summary of the scholarly proceedings from the Second International Literary Readings dedicated to Simashko's work: «The writer addresses us from the pages of his works and seems to engage us in an unhurried conversation about himself, about the fate of peoples in the twentieth century, and about ancient history, drawing profound and compelling parallels. His imagery...» [4, p.256].

Like Paustovsky, Simashko regarded writing as a vocation.

«When we pay close attention to certain words, to their very sound, we discover their original meaning. The word “vocation” was born from the word “calling”» [1].

Simashko, who worked as a journalist, screenwriter, and teacher, began writing fiction only after acquiring considerable professional and life experience. This was followed by a pause, but ultimately literary creativity took precedence over journalism.

Paustovsky asks: «What compels a writer to undertake this often painful yet beautiful labor?».

He answers: «First and foremost, it is the call of one's own heart. The voice of conscience and faith in the future do not allow a true writer to pass through life like a barren flower, without generously sharing with others the immense diversity of thoughts and feelings that fill his own soul. A person is not a writer if he has not added at least a little more clarity to humanity's vision. One becomes a writer not only through the call of the heart. We hear the heart's voice most clearly in youth, before anything has dulled or scattered the fresh world of our emotions. But with maturity comes another powerful call – the call of one's own era, one's own people, and of humanity itself» [1].

Simashko's novella *Gu-Ga* confirms Paustovsky's conclusion: «By the command of one's vocation, by the force of inner calling, a person is capable of performing miracles and enduring the most severe trials» [1].

The origins of literary mastery may lie in childhood: «Writing arises within a person as a state of the soul long before he begins filling pages with words. It begins in youth, and perhaps even in childhood. A poetic perception of life and of everything around us is the greatest gift bestowed upon us in childhood. If a person does not lose this gift over the course of many sober years, then he is a poet or a writer» [1].

For Simashko, the feeling that life is a continuous discovery guided his entire career, confirming Denis Diderot's observation: «Art consists in finding the extraordinary within the ordinary, and the ordinary within the extraordinary».

Furthermore, Simashko incorporated previously published essays and sketches into *The Fourth Rome*, creating a panoramic narrative that reveals the psychology of creativity. These include *Writing*

According to Bondar and essays from *The Road to the Holy Land* [5].

Both Konstantin Paustovsky and M. Simashko remain, above all, incomparable masters of artistic language. Paustovsky writes: «The gold of sunsets blazed in its gardens. Beyond the Dnipro, lightning flickered in the darkness. It seemed to me that beyond it lay an unknown land – stormy and damp – filled with the rushing sound of leaves. Spring scattered yellowish chestnut blossoms with red speckles across the city. There were so many that after heavy rains, dams of fallen flowers blocked the flow of water, turning some streets into shallow lakes. And after the rain, the sky above Kyiv glowed like a dome of moonstone» [1].

The flight of thought is paramount for Omar Khayyam, and this explains much about the stylistic world of Simashko's novella *The Pilgrimage of Khayyam*, where

«Numbers combined into endless variations, into immeasurable harmonies of color. They thundered, bursting beyond the barriers of pitiful precision. The boundless blue sky, the blazing sun, the warm earth, the black-and-red ant upon a yellow stalk – all were expressed through a mysterious symphony of changing values. Living blood pulsed within them...» [6].

Finally, the words of Nikolai Cherginets, Honorary Chairman of the Writers' Union of the Republic of Belarus and People's Writer of Belarus, resonate: «The book has not been lost today, nor will that ever happen. Today it is better than yesterday, and tomorrow it will be better than today».

It is likely that this was the aspiration shared by both Konstantin Paustovsky and M. Simashko.

References:

1. Paustovsky, K. *The Golden Rose* // <https://mybook.ru/author/konstantin-georgievich-paustovskij/zolotaya-roza/read/>
2. Pryakhin, G. *Concept. Intonations*. *Yunost*, No. 6, 2014, pp.70-96
3. Kozlov, Yu. *The Hostile Tailor. Corridor*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 2016.
4. Moris Shamis (Simashko). *Second International Literary Readings Dedicated to the Work of the People's Writer of Kazakhstan*. Edited by S. Ananyeva. Almaty: VESTA, 2022.
5. Simashko, M. *The Fourth Rome*. Almaty: Balalar Ädebieti, 2013.
6. Simashko, M. *The Pilgrimage of Khayyam*. In: *Mazdak. Tales of the Black and Red Sands*. Alma-Ata: Zhazushy, 1974, pp.339-368

**А в памяти моей никак не тают все те же,
те же белые снега**

Мое первое знакомство с именем М.Д. Симашко состоялось более тридцати лет назад. На заре Независимости Казахстана в школьную программу и в учебники литературы была включена знаменитая повесть «Емшан», написанная автором в далёком 1966-м году.

Школьники учились анализировать психологический портрет и внутреннее преображение султана Бейбарса, правящего Египтом в те далёкие времена, в образе которого воплощена глубина таинственности, непредсказуемости и неизведанности сложного пути к власти человека, ищущего смысл жизни в достижении совершенства. О. Сулейменов на одной из встреч подал Морису Давидовичу идею повести «Емшан», которая фактически открыла миру султана Бейбарса. История Средневековья, осмысление влияния тюрков на культурные процессы Евразии интересовали не случайно писателя, признававшего, что «литература не одни лишь звучные имена, это сложный процесс, тысячами нитями связанный с состоянием общества».

Спустя время лично меня тронул тот факт, что известнейший общественный деятель, Народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия, признанный мастер исторической прозы, классик русской литературы многонациональной республики так тонко и точно в сентябре 1996-го года отозвался о творчестве моего родного брата Амантая Ахетова: «В романе Ахетова «Три Георгия» я открыл для себя “планету Северный Казахстан” с особой ментальностью населяющих её людей».

Привлекает и сам факт необычной биографии писателя, родившегося 18 марта 1924 года в День Парижской Коммуны, поэтому и назван французским именем Морис. Не мог не взволновать, не потревожить и его ранний уход из жизни после отъезда в Израиль: сердце, не выдержавшее разлуки с любимой Алма-Атой, по которой Морис Давидович очень тосковал,

остановилось на Святой Земле. Он прожил там, на земле обетованной, всего один год.

Но, к счастью, душа писателя живёт, продолжает жить здесь, ибо его книги вернулись, возвращаются в Казахстан. А это значит, что интерес к мировой истории, истории Востока, переосмысление истории жестокого XX века, века-волкодава, не иссякает, и потому так важны нравственные уроки произведений Симашко, а в них запоминающиеся заповеди толерантности народов, населяющих земли на Востоке.

«Четвертый Рим» – духовное завещание писателя, в котором ощущается живое дыхание человека и истории, по мнению критика – литературоведа В. Бадикова.

Чтение и перечитывание «Четвертого Рима» буквально захватило меня, многое в истории человеческого противостояния будто открылось по-другому. Тема возвращения к корням, к истокам духовности, на мой взгляд, глубоко, заново и оригинально интерпретирована писателем.

Буквально ошеломило именно это откровение из проникновенного исповедального произведения: «Наступило время и православной церкви прямо сказать, что Богородица была еврейкой. Как были евреями и первохристиане. Когда их на аренах первого Рима скармливали диким зверям, “пипл”, нажравшийся привозного хлеба, ревел: “Смерть евреям!”. Этот вопль вперемешку с ревом зверей эхом отдавался два тысячелетия. Сегодня, когда Библия на русском языке в полном объеме имеется почти в каждом доме, слово Израиль у верующих приобретает кардинально иное звучание. Оно встречается там достаточно часто для того, чтобы рядовой верующий стал задавать вопросы по этому поводу. И православный праздник обрезания Христа перестает быть отвлеченным понятием. Негоже замалчивать корни собственной духовности. Тем более третировать взрастивший ее народ».

«Негоже забывать, затапывать корни собственной духовности, ибо первыми христианами были иудеи» – эта мысль Мориса Давыдовича особенно остро звучит на фоне последних потрясших планету людей событий в Израиле.

М. Симашко, тонко чувствовавший осиянное Слово, страстно влюблен в языковую стихию, в музыку восточных языков. И они звучат в его произведениях причудливой мелодией.

Вот как поэтично и лирично о мелодике человеческих интонаций рассуждает герой его романа «Маздак»: «Языки, как и книги пахнут по-разному. Одни травой, другие тёплым молоком или морем. И цвет у каждого свой: синий, красный, золотой. Даже привкус от слов различный во рту. Спокойные и беспокойные бывают они...».

Действительно, у М. Симашко были свои отношения с историей, которую он чувствовал особым чутьем и интуицией, и которая обступала его со всех сторон. История искусства и науки Востока пронизывает творчество М. Симашко: это цикл «Повести Красных и Черных песков» («Искушение Фраги», «Емшан», «Парфянская баллада», «В Черных песках», «Хадж Хайяма»); повесть «Гу-га», романы «Маздак», «Искупление дабира», «Комиссар Джангильдин», «Колокол», «Семирамида».

Отчего же мне дорога именно последняя книга М. Симашко «Четвертый Рим», начатая писателем в Алматы и завершённая в Израиле, своеобразная исповедь о жизни и судьбе человека Добра и Справедливости. Наверное, как человеку, сорок три года проработавшему учителем истории и усвоившему заповедь Цицерона: «Первый закон истории не бояться правды и бояться лжи!».

Недаром О. Сулейменов, на стихах которого взращивалась в несвободные времена нашей молодости совесть нации, писал: «Произведения Симашко раскрывают пласты истории Казахстана, истории Востока и воспитывают читательский интерес к истории».

Уникальные случаи из жизни, связанные с Казахстаном, казахским народом воплотило его творчество: сама идея о духовно-интеллектуальной общности лучших представителей казахского и русского народов в русле идей евразийства. Таков И. Алтынсарин, герой документального романа «Колокол», подвижник европейской формы образования для казахских детей, никогда не забывающий о национальном достоинстве.

Казахстан волею исторической судьбы вместил в себя «все Бастилии грешной земли», поскольку мировые религии и сопутствующие им конфессии представлены здесь и мирно соседствуют».

М. Симашко, автору многочисленных произведений на темы истории Центральной Азии, мы благодарны за перевод на русский язык трилогии И. Есенберлина «Кочевники».

В 1999 году за роман «Семирамида» М. Симашко был выдвинут Казахским ПЕН-клубом на соискание Нобелевской премии в области литературы.

Грустно, что горькое признание героя повести М. Симашко «Бейбарс»: «Лучше быть подошвой горы на родине, чем вершиной горы на чужбине» поневоле стали пророческими и для самого автора. «Четвертый Рим» пронизан глубоким чувством тоски по родине. Это «последнее прости», адресованное всем казахстанцам.

Как жизнь порой причудливо тасует
Пути и дни, года и берега...
Под небом Палестины я рисую
Далекие тянь-шаньские снега,
Седые поднебесные вершины
И утренних предгорий синеву.
Прохладу их я слышу наяву
В горячем дыхании хамсина.
Здесь тени затаившего дня
Как сумрак алатауских ущелий,
И сосны Галилеи для меня
Как сестры голубых тянь-шанских елей.
Здесь ранний зной расплавил берега,
И под окном лимоны отцветают,
А в памяти моей никак не тают
Все те же, те же белые снега...

Стихи, написанные поэтом, переехавшим из Алматы в Израиль Г. Брейгиным, словно и о тоске М. Симашко по любимому городу, окруженному великими белыми горами, призывающими идти к вершинам и достигать их.

Да будет светла и чиста память о писателе, оставившем свое «я» там, в Казахстане, в Азии, в любимой Алма-Ате.

Первые... О повести «Гу-га» Мориса Симашко

С каждым годом все меньше людей знает советскую классику. Я не претендую на ее отличное знание, хотя более полвека назад училась на факультете журналистики. Многое забылось... Но в эпоху манипуляций, мифов и совершенно выдуманных историй решила посмотреть в Интернет, что же есть на эту тему: штрафные батальоны и штрафные роты.

Сложилось мнение, что тема относилась к числу запретных, но как же было в действительности?

Попробую сложить тему и авторов, которые писали об этом по датам издания. Я не гарантирую всеобъемлемость вопроса, может, кого-то пропустила, кого-то не знаю, не читала, просто забыла.

Но вот какая картина сложилась у меня по вопросу писателей и их произведений, изданных в разные годы по теме штрафных батальонов и штрафных рот. Связано это с тем, что так много ярлыков навешано, так многие считают себя первооткрывателями темы, так много выдуманного находится в Интернет-пространстве, что становится страшно. И это не только по названной теме, а практически во всем.

Список книг:

1. Бакланов Г. Пядь земли. – 1959.
2. Бондарев Ю. Тишина. – 1962.
3. Евтушенко В. Баллада о штрафном батальоне. – 1962.
4. Твардовский А. Теркин на том свете. – 1963.
5. Высоцкий В. Штрафные батальоны. Авторская песня. Дата записи 1963. Дата исполнения – 1964.
6. Симонов К. Солдатами не рождаются. – 2 часть трилогии «Живые и мертвые». – 1964.
7. Нагибин Ю. Дело капитана Соловьева. – 1969.
8. Карпов В. Взять живым. – 1974.
9. Пикуль В. Мальчики с бантиками. – 1974.
10. Смирнов В. Тревожный месяц вересень. – 1975.
11. Иванов А. Вечный зов. – 1976.
12. Симашко А. Гу-га. – 1982.

13. Гольбрайх Е. Былой войны разрозненные строки. – 2006.
14. Пыльцин А. Правда о штрафбатах. Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. – 2016.
15. Сукнев М. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941 – 1945. – 2023.

Итого, 15 литературных произведений: три в стихотворной форме, остальные рассказы, повести, романы, воспоминания. И даже в этом перечне произведений, отметим, что тема штрафных батальонов и штрафных рот не была запрещена никогда. Еще отметим, что исследуемое мной произведение М. Симашко было действительно первым воспоминанием участника штрафной роты, изданным в 1982 году. Вместе с ним называю три опубликованных воспоминания тех, кто был непосредственным участником боев и событий (Е. Гольбрайх, А. Пыльцин, М. Сукнев).

Среди книг воспоминаний обязательно проговаривается следующее различие между штрафными батальонами и штрафными ротами в СССР.

Штрафные батальоны комплектовались исключительно из военнотружущих офицерского состава за самые разные поступки (дисциплинарные и нетяжкие преступления), которые были разжалованы в рядовые на несколько месяцев (от одного и выше) до «искупления вины». Затем они восстанавливались в прежнем звании с возвращением на прежнее место службы, что и происходит в повести «Гу-га».

Сталинский приказ № 227 от 28 июля 1942 года требовал от командующих фронтами: «Сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины» [1].

Штрафные роты комплектовались правонарушителями из числа военнотружущих рядового и сержантского состава, а также уголовными элементами, отбывавшими наказания за преступления малой и средней тяжести (кроме тяжких преступлений, за которые полагалась смертная казнь, и политзаключённых, которые не подлежали призыву) и досрочно освобождённых

ными из мест лишения свободы для возможности «кровью искупить свои преступления перед Родиной» (официальный термин советского времени).

Это разделение, выявляемое из документов эпохи, мало кто знает. К сведению, в немецкой армии подобные роты были созданы в декабре 1941 года [2].

Текст Приказа № 227 до 1988 года в полном виде не публиковался [3]. Полностью он был опубликован лишь в августе 1988 года в 8 номере «Военно-исторического журнала».

Этим и объясняются многие вопросы, которые затем появились на почве незнания, мифологизации, желания быть первооткрывателями, и главное того, что надо было как можно больше заработать денег на фальсификации фактов, а потом «хоть трава не расти». Увы, это наша капиталистическая действительность. И об этом надо знать и помнить, говоря словами известного историка А.М. Самсонова, правда, он писал так о приказе 227.

Держу в руках книгу М. Симашко «Падение Ханабада: Роман; Гу-га: Повесть; Литературные сюжеты», изданную в 1990 году в Алматы издательством «Жазушы» объемом 352 страницы.

Повесть «Гу-га» занимает страницы со 164 по 295. 131 страница текста посвящена «Моим товарищам из 11-й Военно-Авиационной школы пилотов». Воспоминания идут разные, по очереди: жизнь в авиационной школе, отправление в штрафную роту и месяц службы на фронте. Много описаний природы, жары, самолета, общения с товарищами и девушками во время учебы в школе, жизни на войне – это холод, страх, действия и тишина. Жара и холод все время сопровождают героя Тираспольского и его товарищей по учебе и службе.

Центральная Азия для него родная, хотя родился он в Одессе. Отметим, что герой повести неоднократно обращается к воспоминаниям и об Одессе. Описывает людей, находящихся рядом, в поезде с ними едут и уголовники.

Жизненные зарисовки характерны для того времени. Всех объединила война, и она же сдвинула всех с мест. Голод и недоедание, обменные базары, битком набитые вагоны, ожидания поезда многие дни, бедность и нищета. Везде беда, везде трагедия, а люди продолжают жить...

Появляются двое пацанов, попавшихся на воровстве. По законам военного времени они могли быть наказаны по полной программе, но, надбавив себе годов, попали в штрафную роту. Пацанов позже берегут все: и военные, и уголовники.

Поезд шел через Ташкент. Здесь следует описание природы и жизненных ситуаций: это все родное для автора, понятное.

Учеба и мирная жизнь в Азии – одно, а стрельбище – другое. Как военного, Тираспольского назначают командиром взвода, он учит уголовников.

Несколько суток лежат в болоте. Изучают обстановку. Все под прицелом. Уже научились знать места, где можно спрятаться.

Много лет назад Тираспольский бросил курить, но здесь не выдержал. От понимания, что все могут погибнуть, а все равно не выбить немцев из хорошо укрепленных позиций, у всех нервы на пределе.

И вот, «Даньковец разговаривает с капитаном Правоторовым. Оба понимают, что прорыв невозможен.

– Я так это вижу, капитан, что на «гу-га» придется брать. Ночью той посигналим им. Чтобы понимали, кто перед ними здесь...

– Гу-га, гу-га...

Это раздается слева от нас, потом – с другой стороны. Все делается так, как говорил Даньковец. Теперь и мы начинаем. Сначала глухо, едва слышно, сложив ладони перед губами, потом все громче:

– Гу-га, гу-га, гу-га...» [4, с.215].

Немцы, говорившие только между собой, сразу замолкают. Напряженная тишина стоит над болотом...

И вдруг словно огненная стена рушится на нас. Бьют из автоматов, бьют из пулеметов, с ноющим звуком обрываются мины. Сразу десяток осветительных ракет виснет над нами, слева и справа...

Только нас не достать. Слишком близко лежим мы к ним. И каким-то чувством определяем, что бьют как попало, руки дергаются у них...

Проходит часа полтора. Все молчат. И снова по сигналу Даньковца мы повторяем в такт:

– Гу-га, гу-га, гу-га...

Немцы стреляют уже вразнобой. Даже крики раздаются...

В третий, и в четвертый раз мы начинаем снова.

Даньковец удовлетворенно говорит:

– Ну, теперь знают, кто здесь. От Белого и до Черного моря они это знают...» [4, с.227-228].

В этом бою Даньковец гибнет, и Тираспольский с сожалением об этом думает.

Практически неразрешимая задача выполнена. Высота взята ценою гибели многих бойцов.

Четко прописан герой повести Даньковец, не раз бывавший в такой передрыге, могущий приспособиться к любой жизни. Он раздражает Тираспольского за враньё об Одессе, в которой никогда не бывал, но позже приходит осмысление и даже понимание и этого вранья.

Такие разные характеры у каждого его бойца, такие разные судьбы. Но в минуты испытаний и героизма встать и идти в бой под шквалом огня готов каждый из них. И практически все гибнут, исполняя долг перед Отчизной.

Тираспольский выжил, прошёл месяц в штрафной роте. И, получая приказ о возвращении в свою часть, едет уже другим человеком, побывавшим в боях, видевшим гибель бойцов, ставшим боевым офицером.

Это они, наши герои – победители!

Литература:

1. Приказ НКО СССР от 28.07.1942 № 227: О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций // История военного искусства: Курс лекций: в 6 т. – М.: Военная академия имени М.В. Фрунзе, 1958. – Т.5: Военное искусство первого периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.). – С.780-783
2. Кречетников А. Приказ «Ни шагу назад!»: на краю пропасти: [арх. 9 марта 2016] // Би-би-си. – 2012. – 26 июля. Обновлено 27 июля 2012.
3. Самсонов А.М. Знать и помнить. 1988. – 161 с.
4. Симашко М. Падение Ханабата: Роман; Гу-га: Повесть; Литературные сюжеты. – Алматы: Жазушы. – 352 с.

Архетип *дорога* в творчестве М. Симашко и Г. Бельгера

Литература XX века создала устойчивые формулы и модели, воспринятые на разных уровнях литературной иерархией. Общие тенденции распространились на весь литературный контекст, независимо от масштаба литературного дарования писателя. Основной эстетической категорией, как мы видим, становится идея *пути* как одна из форм самопознания.

Реализация концепта *пути – дороги* в литературе Казахстана одна из основных парадигм в моделировании художественного пространства. Архетип *пути – дороги* часто связан с мотивами путешествия, скитаний, поэтому сюжет художественных произведений и его событийное наполнение определяются маршрутом героев. Великий Шелковый путь, по авторитетному мнению Народного писателя Казахстана М. Симашко, «является продолжением человека как творенья Божьего, с назначенными ему помыслами и устремлениями» [1, с.43]. Мусульманский ренессанс, был убежден М. Симашко, происходил на полтысячелетия раньше европейского.

Ю.М. Лотман считал, что *дорога* – «некоторый тип художественного пространства, *путь* – движение литературного персонажа в этом пространстве. *Путь* есть реализация (полная или неполная) или не реализация *дороги*» [2].

Знаток Востока, М. Симашко «много внимания в своем творчестве уделяет Казахстану. Вспомним романы “Комиссар Джангильдин”, “Колокол”, пьесу “Чрезвычайный комиссар”. Или его переводческую деятельность, оцененную по справедливости Государственной премией имени Абая» [3, с.4], – пишет Г. Бельгер. И сам писатель, и герои его произведений постоянно в пути. Архетип *дорога* ярко выражен в творчестве М. Симашко: от повести «Хадж Хайяма» до «Дороги на Святую Землю». В пути его герои Маздак, Хайям, Ибрай Алтынсарин, султан Бейбарс и многие другие.

Сквозной лейтмотив творчества – путь к родине, проблема ее поиска. Султан Бейбарс, человек на вершине власти, рвет с нею, ставя превыше всего родину. «Слово опять шевельнулось в

горле. Он чуть не крикнул его, и горький вкус остался на губах. Оно всегда было с ним это слово. Не слово, а чей-то неясный плач. Словом оно стало сегодня утром, когда он открыл глаза, и у него вот так же сдавило горло. Откуда оно?...» [4, с.256], – пытается понять Бейбарс. Тяжелый жизненный путь султана Бейбарса, правителя Египта, бывшего некогда рабом, – в центре повести М. Симашко «Емшан».

Запах горькой степной травы как составляющий концепт Родины прозвучал во многих повестях писателя. Но именно в «Емшане» запах и горечь полыни на губах явились триггером героя, который вспомнил все. Мы разделяем точку зрения С.В. Ананьевой, сформулированную в монографии «Морис Симашко»: «Сыновняя любовь к родной земле, верность обычаям предков и запаху горькой степной травы – так выстраиваются основные концепты повести М. Симашко “Емшан”» [5, с.158].

В движении, в пути находятся многие герои М. Симашко. Фраги Махтумкули путешествует по стране. Авраам отправляется по поручению царя царей в Туран в поисках города Счастья. В пути и Екатерина Вторая. Она начинает свое путешествие, свой путь по заснеженной России...

Интересно, что и в фольклоре, в поэзии тюркских кочевых племён *степь* – образ земного, реального бытия, а *кочевье* как состояние движения – одно из универсальных состояний общечеловеческой истории, и не только прошлой. Проблема человек и пространство остаётся актуальной и для современных поколений. Идея *пути*, одухотворившая художественное творчество кочевников, не может оказаться архаичной в век, когда остро стоит проблема выбора и перемен. Были и есть народы, для которых перемещение в пространстве, постоянное преодоление дороги, пути – константа бытия.

Мотив *пути* концентрирует важнейшие экзистенциалистские представления и в творчестве Г. Бельгера. По нашим наблюдениям, мотив *пути*, *ухода*, *скитания* составляет основу сюжетно-тематической структуры произведений «Перед далью», «Дождь со снегом», «За шестью перевалами», «Я в этот мир пришел», «Дом скитальца» и других. Эпиграфами к своим произведениям писатель берёт строки, в которых заключен архетип *дорога*. Например:

Сюда я прибыл,
И отсюда начинается мой путь.
Э. Штримматтер

У дорог только одно направление –
Они мчатся в будущее.
Р. Вебер

Странничество, паломничество – характерное явление для человека Востока. Знакомо оно и человеку Запада. В контексте русской культуры *странничество, странник*, как правило, связаны с духовными исканиями. Космос странника состоит из света и земли, а *дорога* становится необходимой средой погружения в глубокую мысль.

Так, в основе романа Г. Бельгера «Дом скитальца» лежит описание сложного жизненного пути героя, соотносимого с исторической судьбой народа. Произведение характеризует сложность временной организации, для которой характерны нарушение строгой хронологической последовательности и синтез нескольких временных планов. В литературном тексте соотносятся планы прошлого и настоящего. Объективный рассказ о событиях прошлого сочетается с контекстами, в которых отражается эмоциональное переживание автором той или иной ситуации.

Например, в воспоминаниях героя о выселении немцев Поволжья время замедляется, останавливается. Действие застывшее. Пейзаж какой-то «сонный», навевающий тоску, грусть: осеннее солнце, отстраненно взирающее на людское горе; нагретая пыль; нагруженные подводы не едут, а «тащатся медленно и скорбно». «Не проронив ни слова, молча, будто все враз онемели» тянулись выселенцы на станцию. Время как бы растягивается.

Переезд (депортация. – Л.Б.) явился народной трагедией, равносильной смерти: «...со стороны казалось, что движется мертвый обоз в страшном нескончаемом сне... в неизвестность, в никуда». Люди ехали и шли по дороге в сторону станции «точно на Голгофу» [6].

Библейский мотив – «путь на Голгофу» вызывает определенные ассоциации с судьбой Христа, с одной стороны, и указывает на аналогичность судьбы немецкого этноса, с другой.

Млечный путь как путеводная звезда играет символическую роль в поэтике романа. Рефреном через все произведение проходит мысль о том, что главное богатство скитальца, его дом – память. Ее никто не в состоянии отнять. Она умирает вместе с человеком. «Где бы ни обитал. Где бы ни строил свой дом. Память – наша надежда, её всегда старались у нас отбить, отшибить. А мы всё сопротивляемся и храним бережно нашу память» [6, с.89].

Индивидуально-авторская картина мира Г. Бельгера своя, необычна. Пространство в его произведениях – это реальность, в которой живут и действуют герои, люди разных возрастов и разных национальностей. Архетип *дороги* как элемент мифопоэтического мироздания представлен в его прозе и публицистике. «Песчинки мы, размеченные бурей войны», – говорит о трагической участи немецкого народа один из героев романа Г. Бельгера «Дом скитальца».

Пространственно-временной континуум любого литературного произведения включает два уровня: поверхностный и глубинный. Поверхностный – это реальность, на фоне которой разворачиваются события. В прозе Г. Бельгера – это Казахстан, степь, аул, город, дом, сад, берег реки (чаще всего – Волга и Ишим). На втором – глубинном появляются образы-символы. Так, в романе Г. Бельгера, художественное пространство Дома может расшириться до космоса, до Вселенной, до звёзд. От дома в казахском ауле до «Млечного пути», где Млечный путь – символ жизненного пути героя. Таким образом, архетипы *дома, дороги, родины, памяти* – сквозные в наследии М. Симашко и Г. Бельгера. Они способствуют постижению времени, эпохи.

Обратим внимание и на совместную переводческую работу М. Симашко и Г. Бельгера. Они перевели рассказы и роман «Шелковый путь» Д. Досжанова на русский язык. Книга увидела свет в «Библиотеке “Дружба народов”» в Москве [6]. Сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и переводного текста – задача будущих исследователей.

Между писателями, к творчеству которых мы обратились в данной статье, было взаимопонимание и родственные чувства.

«Я пишу о Морисе Давидовиче с чувством братства. Это не дань вежливости. Дело в том, что мать Мориса Давидовича – в девичестве Шмидт из поволжских немцев, уроженка Катариненштадта. И история, культура, трагическая судьба российских немцев Симашко не чужды, о чем свидетельствуют его историко-публицистические эссе. И потому мы с ним являемся как бы “хальб-брудер” – двоюродными (или сводными) братьями. Связывает нас еще и общая восточная ориентация в литературе. А главное – человеческие контакты и симпатии» [3, с.4], – приходит к выводу Г. Бельгер.

Архетип *дорога* проходил через жизнь и творчество известных далеко за пределами Казахстана прозаиков, эссеистов, переводчиков, лауреатов Премии мира и духовного согласия Первого Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева – М. Симашко и Г. Бельгера.

Литература:

1. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.5-58
2. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1968. – Выпуск 209. – С.5-50
3. Бельгер Г. Аманат Мориса Симашко // Симашко М. Четвертый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. – С.3-5
4. Симашко М. Емшан // Симашко М. Повести Красных и Черных песков. – Алматы: Жазушы, 1974. – С.22-260
5. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: ЖК, 2014. – 220 с.
6. Бельгер Г. Дом скитальца. – Астана: Аударма, 2003. – 376 с.
7. Досжанов Д. Шёлковый путь. Роман. Рассказы / Пер.: Г. Бельгер, М. Симашко; худож. И. Урманче. – М.: Известия, 1983. – 605 с.

The Poetics of Genre in the Works of M. Simashko

The genesis of the genre of literary works, as well as that of folklore texts, is examined by contemporary scholars within the framework of genre theory and from the perspective of the historical development of genre poetics.

Contemporary national literary scholarship and criticism are developing in accordance with the general trends in the evolution of world literary studies as a branch of the humanities. They explore the relationship between tradition, innovation, and uniqueness. The assimilation of the latest achievements of the global literary process undoubtedly contributes effectively to the development of Kazakhstan's literary process.

Modern researchers write about the categories of artisticity and meta-artisticity in literature, the theory of the author as a scholarly problem, literary studies as myth, and literary vision.

Genre is characterized, on the one hand, by universality and, on the other, by specificity. The category of genre is universal because it encompasses various techniques and modes of representation that are common to many works, traditions, schools, and movements. At the same time, it is specific because every work –whether of folklore, literature, or art – is created and exists within the framework of a particular genre.

Each genre possesses its own distinctive features and governing principles, without knowledge of which it is difficult to comprehend and appreciate a literary work.

Regarding Kazakh literature of the 1990s, Doctor of Philological Sciences, Professor, and State Prize Laureate of the Republic of Kazakhstan Sh. R. Eleukenov identified the following promising directions for the development of literary art: «The rehabilitation and complete restoration of the spiritual heritage of the Kazakh people; the elimination of the 'blank spots' in the history of folklore and oral and written literature; the creation of an atmosphere of genuine creative freedom; the abolition of state censorship and liberation from arbitrary party control; overcoming rigid sociological didacticism, the mythologization of reality, the false idealization of the communist

system, artificial anti-human conflicts, and similar phenomena; addressing acute topics that had previously been prohibited, such as national themes; revealing the country's real history; advancing new ideological and aesthetic concepts; making use of previously inaccessible material; fostering a new, liberated artistic consciousness; opening broad and unrestricted opportunities for creative initiative; and portraying reality in all its objective complexity» [1, pp.18-19].

Universities in Germany have departments of intercultural literary studies (*Interkulturelle Literaturwissenschaft*) and laboratories that investigate the mechanisms of the assimilation of texts into foreign cultures (*les transferts culturels*). The Centre for East European and International Studies (ZOiS, Berlin) examines the Russian-language literature and culture of Kazakhstan, as well as the works of Kazakh, Korean, German, Tatar, and Belarusian authors from the perspectives of research strategies, hybrid identities, post-Soviet cultural narratives, and the interaction between literature and politics.

Issues relating to the genre of literary works remain central to the research of literary scholars and critics.

The contribution of the People's Writer of Kazakhstan, M. Simashko, to the development of the historical novel in the literatures of Central Asia is widely recognized.

The history of cultural and social movements in the East became the principal theme of Simashko's novellas. His primary artistic method is the utmost exposure of history, revealing it as a living, pulsating system that unites the past, the present, and the future.

The well-known literary critic N. Rovensky compared Simashko's style to the writing of Thomas Mann and Lion Feuchtwanger. Simashko's prose has also been highly praised by Lily Denis, Anne Philippe, A. Fischler, K. Sultanov, G. Pryakhin, and A. Karlyukevich.

A critic belonging to another national tradition, while analyzing the genre poetics of a particular work, also shares his or her perception of its culture and literature. Such a critic evaluates the phenomena of another literature from a detached perspective, within the broader context of world literature. This approach presents a wider picture of the literary process and demonstrates the influence of neighboring countries on the development of culture and literature.

M. Simashko's works were published in French in translations by Lily Denis and Anne Philippe. These include *Tales of the Red and*

Black Sands (1970), *Mazdak* (1973), and *Semiramis* (1992), translated by Lily Denis, as well as *Yemshan* (1973), translated by Anne Philippe.

Citing these publications, K. Galay, in the article «Maurice Simashko: In the Footsteps of the French Editions», draws attention to the reception of the Kazakhstani author's works in France and to the enthusiastic responses of translators and publishers. In Anne Philippe's interview with M. Simashko, French readers are introduced to the mysterious world of the East, its culture, and its history.

In France, the name of M. Simashko stands «among the most highly esteemed authors not only of Russian but also of world literature» [2, p.241].

In the twenty-first century, national literatures incorporate the finest achievements of world artistic culture into their development and attain a new level of understanding of the reality reflected in literary works.

Contemporary literary scholars and critics avoid rigid classifications of literary works, in which realism exists alongside postmodernism, and Romanticism alongside noir.

References:

1. Eleukenov, Sh. Kazakh Literature (The Period of Independence). In *Literature of the Peoples of Kazakhstan*. Almaty: «Gylym» Research Center, 2004, pp. 18-44.
2. Galay, K. Maurice Simashko: In the Footsteps of the French Editions. In *Maurice Shamis (Simashko): Fourth International Literary Readings Dedicated to the Work of the People's Writer of Kazakhstan*, Almaty: Mitzva, 2024, pp. 239-242

ГАЛАЙ КАРИНА

От факта к образу: журналистские корни прозы Мориса Симашко

Творчество Мориса Давидовича Симашко занимает особое место в русскоязычной литературе XX века прежде всего благодаря уникальному синтезу исторической эпики и психологической достоверности. Художественная проза Симашко выросла не в вакууме, а на плодородной почве репортажа, очерка и публицистики. Его

путь — это классический пример трансформации журналиста в большого писателя, где документальность становится не просто фоном, а мощным художественным приёмом. Как пишет А. Исмакова в исследовании, посвященном творчеству писателя, его романы — это «факт почтения к истории», где журналистская скрупулезность перерастает в глубокий художественный анализ [1, с.67]. А литературовед С.В. Ананьева в монографии «Морис Симашко. Опыт филологического прочтения» подчеркивает, что проза Симашко представляет собой уникальное «стилевое пространство», где автобиографизм и документальность играют структурообразующую роль [2, с.151].

Репортажная точность и «эффект присутствия»

Первое, что бросается в глаза при чтении романов Симашко, — это невероятная плотность деталей и ощущение подлинности происходящего. Читая «Искушение дабира» или «Гу-га», мы не просто следим за сюжетом, мы погружаемся в эпоху. Это ощущение «эффекта присутствия» — прямое наследие журналистской школы.

Работая в газете, Симашко приучил себя фиксировать реальность без прикрас: запахи, звуки, жесты, специфическую лексику эпохи. Сама его биография готовила к этому: в 1950 году он окончил заочное отделение факультета журналистики Казахского университета, а затем работал специальным корреспондентом «Туркменской искры» и собственным корреспондентом ТАСС. Однако журналистика была для него не просто работой, но и способом познания мира. Известно, что, работая корреспондентом, он специально приезжал на археологические раскопки к ученым Михаилу Массону и Сергею Толстову, чтобы из первых рук получить фактуру. Однажды в Каракумах он стал свидетелем уникального явления: ветер обнажил из-под песка древний караван, и Симашко, как настоящий репортер, зафиксировал эту деталь, которая позже могла превратиться в основу для литературного образа.

В его прозе нет случайных деталей. Каждая вещь, упомянутая в тексте, работает на создание атмосферы. Он переносит этот навык сбора фактуры из реальной жизни в вымышленный

мир романа. Документальная точность служит фундаментом, на котором строится здание художественного вымысла. Мы верим его героям именно потому, что мир вокруг них описан с дотошностью репортёра.

В рамках широкой дискуссии о документализме в литературе А.Ю. Большакова писала, что в литературе с преобладающим документальным началом автор «отнюдь не скромный фиксатор и обработчик фактического материала... он – центральная фигура, посредник между читателем и исторической реальностью, очевидец, наблюдатель и хроникер изображаемых событий. Это своеобразный летописец национальной жизни, пропущенной сквозь горнило автобиографического опыта и представленной читателю как нечто родное, бесконечно дорогое» [3]. Именно таким «летописцем» и предстает Симашко.

Особый интерес к творчеству М. Симашко вызывает повесть «Гу-га». Созданная в 1982 году, она не вписывалась в основные стилистики писателя, не описывала древние цивилизации, правителей и философов. В ней Симашко расписывал события из своей жизни, которые до этого не афишировал – чиновник в штрафной роте. А в штрафники он попал потому, что во время международных полетов поменял маршрут и улетел на самоволке к любимой девушке. Повесть появилась из воспоминаний о боевых товарищах и времени, когда он воевал в штрафбате. «Моим товарищам из 11-й Военно-авиационной школы пилотов», – так начинается повесть. В советской литературе это было первое произведение о штрафных батальонах. Позже эту историю экранизировали в Одесской киностудии.

В повести «Гу-га» Симашко мастерски использует детали для создания эффекта полного погружения. Это не просто описание штрафбата, это «репортаж с места событий». Как отмечает Л. Енисеева-Варшавская, «психологическая достоверность каждого эпизода, каждого момента добыта... страшным опытом» [4] самого автора. Это не вымысел писателя, сидящего в кабинете. Это результат наблюдения за реальностью, характерного для журналиста-очеркиста: «Чистяков еще в дотимошенковских, синих с голубым кантом галифе. У каждого довоенного летчика обязательно есть что-нибудь синее от старой формы, которая приказом наркома обороны была заменена в авиации на общевой-

сковую. Штаны или фуражка, или темно-синяя шинель с крыльями на рукаве. Это молчаливый протест. Когда-то перед войной я тоже пошел в восьмой класс военно-воздушной спецшколы из-за формы. На углу Дерибасовской и Ришельевской стоял летчик во всем синем и ел мороженое. Правда, были еще Дни авиации и фильм “Истребители”. А перед этим еще челюскинцы, еще и еще» [5].

Или: «Сапоги мои хлюпают в воде. Я вдруг задерживаюсь и смотрю себе под ноги. Вода эта красная, и какая-то догадка мелькает в голове. Слева и справа лежат убитые. Вспоминаю, как кто-то говорил, что не меньше, чем дивизию, положили уже в этом болоте. Так вот откуда запах. Торф пропитывается кровью, и она навсегда остается в нем, не делается прахом» [5].

Судьба человека как главный репортаж

Вторая важная составляющая – это фокус на человеке. Журналистика Симашко научила его видеть историю не через призму абстрактных идеологий или глобальных процессов, а через судьбу конкретной личности. Его герои – это не функции и не схемы, а живые люди со своими слабостями и силой.

В его произведениях мы видим тот же подход, что и в хорошем журналистском очерке: автор исследует внутренний мир человека, попавшего в жернова истории. Трансформация личности под давлением обстоятельств – центральная тема творчества Симашко. И здесь его опыт интервьюера и наблюдателя позволяет ему создавать психологически достоверные портреты. Он умеет слушать и слышать своих персонажей так, как журналист слушает героя своего материала.

В повести «Емшан» Симашко отказывается от пафосного изображения героя. Вместо этого он пишет психологический портрет уставшего человека. В повести султан, пройдя путь от раба до правителя Египта, внезапно вспоминает забытое слово «куке» и на протяжении дня перебирает в памяти всю свою жизнь, пытаясь понять его значение. «Слово опять шевельнулось в горле. Он чуть не крикнул его, и горький вкус остался на губах. Оно всегда было с ним, это слово. Не слово, а чей-то неясный плач. Словом оно стало сегодня утром, когда он открыл глаза и у него вот так же сдавило горло. Откуда оно?..» «Ку-у-ке... Слово

было связано с человеком в кожаных штанах. Но он никогда не мог вспомнить лица этого человека. Если бы он вспомнил, то знал бы, откуда в нем это слово...» «Куке-е!.. Словом вдруг разорвало ему горло. Горькими сразу сделались губы. И он все вспомнил...» [6, с.256].

Это чисто журналистский подход: найти человеческое в великом, показать власть как бремя, а не как привилегию. Симашко применяет метод «глубокого интервью» с историческим персонажем. Он пытается понять мотивы его поступков через призму человеческой физиологии и психологии, а не только идеологии.

Сюжет как расследование

Наконец, сама структура прозы Симашко часто напоминает журналистское расследование. Автор не даёт готовых ответов и не навязывает оценок. Он ведёт читателя по лабиринтам прошлого, собирая свидетельства, сопоставляя факты и предлагая нам самим сделать выводы.

Этот подход позволяет ему сохранять объективность при освещении самых острых исторических тем – будь то революция или становление советской власти на Востоке. Он выступает не как судья, а как беспристрастный хроникёр, реконструирующий события прошлого.

Роман «Комиссар Джангильдин» [7] – наиболее яркий пример того, как проза Симашко строится по законам журналистского расследования. Сам писатель называл роман «документальным по существу» и видел в нем «попытку разобраться», как простой казах из кипчаков стал одним из видных деятелей революции. Симашко работал над этой темой много лет, стремясь понять двойственность идентичности своего героя – человека неукротимого духа, путешественника, открытого миру, и одновременно революционера-подпольщика, христианина и мусульманина, семинариста и красного комиссара.

В романе нет линейного повествования «герой победил». Сюжет строится как мозаика, где воспоминания комиссара переплетаются с его действиями в степи. Судьба Джангильдина предстает перед читателем в своей противоречивости: он менял веру и фамилию, учился в православной духовной семинарии, обошел

пешком полмира, прежде чем вступить в партию большевиков. Автор постоянно сопоставляет версии событий: официальную (что должен был делать красный комиссар) и реальную (как приходилось выживать и договариваться с местными ханами).

Симашко выступает здесь не как идеолог, а как следователь-историк. Он реконструирует события, показывая сложность выбора Джангильдина, который вынужден был лавировать между интересами большевиков и традициями степняков. Как отмечает исследователь М. Шайкемелев, писатель создает «образ раздираемого противоречиями степного комиссара Алиби, ошибающегося, заблуждающегося, но упрямо идущего к своей цели и искренне желавшего лучшей доли своему народу...» [8, с.148].

Симашко не предлагает готовых рецептов оценки героев того времени; через идентификацию образа главного героя он пытается вместе с читателем разобраться в характере эпохи трагических трансформаций. Он предоставляет читателю факты («улики»), чтобы тот сам сложил картину эпохи. Эта особенность была отмечена и в рецензиях на его книги. Его прозу отличает «глубокое проникновение в быт, психологию и историческое своеобразие Востока».

Таким образом, журналистика для М. Симашко стала не просто этапом биографии или способом заработка, а настоящей творческой лабораторией. Она дала ему три бесценных инструмента: острый глаз для фиксации деталей, чуткое ухо для понимания человеческой души и аналитический ум для построения сложных исторических конструкций. Документальность, которую дает нам М. Симашко, как будто оживает в сознании читающего, когда автор дает только тот материал, который он почувствовал собственной «шкурой»: не только умом, не только сердцем, а каждым своим нервом. Поэтому его проза доказывает, что граница между фактом и вымыслом может быть не только размытой, но и чрезвычайно плодотворной. Именно на этой границе рождается большая литература.

Литература:

1. Исмакова А. Романы Мориса Симашко «Емшан» и «Колокол» как факт почтения к истории казахского народа // Морис Шамис (Симашко). Первые международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2021. – С.57-68
2. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. Караганда: ЖК, 2014. – 220 с.

3. Литература и документ: теоретическое осмысление темы: Материалы «круглого стола». М.: ИМЛИ РАН, 2008.
4. Енисеева-Варшавская Л. Морис Симашко. В обнимку с историей // <https://mysl.kazgazeta.kz/news/4794>
5. Симашко М. Гу-га // <https://lib.ru/PROZA/SIMASHKO/guga.txt>
6. Симашко М. Емшан // Симашко М. Повести Красных и Черных песков. – Алматы: Жазушы, 1974. – С.22-260
7. Симашко М. Комиссар Джангильдин. – Алматы: Жазушы, 1978.
8. Шайкемелев М. Образ комиссара Джангильдина в романе Мориса Симашко: уроки исторической памяти // Морис Шамис (Симашко). Первые международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2021. – С.147-153

ДЕМЧЕНКО ЛАРИСА

Образ императрицы в романе М. Симашко «Семирамида»

Создание образа «всесильных мира сего» занимает одно из ключевых позиций в мировой литературе, начиная с эпохи Античности. Еще французский драматург Пьер Корнель в своих трагедиях воссоздавал героические личности или представителей высокой знати. В литературе Востока Фирдоуси создал образ правившей династии иранских шахов, особое место в «Шахнаме» отводится прекрасной царице Ширин. В «Пятерике» азербайджанского фарсиязычного поэта Низами и узбекского тюркоязычного поэта Навои предстает царственная красавица Ширин. Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» посвящена грузинской царице Тамаре.

В русской литературе поэты блистательного века классицизма посвящают оды русской императрице. В оде «Фелица» Г.Р. Державина проецируется сказка о Богоподобной царевне Киргиз-Кайсацкия орды, написанная самой Екатериной.

В повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» предстает образ величественной императрицы, которой автор отводит, казалось бы, эпизодичную роль, но в то же время способную разрешить судьбу человека.

Эпоха правления Екатерины Великой привлекает внимание многих историков, поэтов и писателей различных веков и

литературных направлений. Ее образ воплотил в своем романе известный казахстанский писатель М. Симашко. Название романа «Семирамида» обращает читателя к мифологии и сохраняет в себе черты образа легендарной царицы Ассирии, супруги царя Нина, убившей его и хитростью завладевшей властью.

Роман вышел в 1988 году. Как известно, замысел романа зародился после знакомства Симашко с десятилетним Екатериной II в переводе с французского языка. Роман – «анти-Пикуль», роман, воплотивший в себе идею государственности, мощь могущественной управительницы, душа и помыслы который были поглощены идеей служения великой державе.

«Автором воссоздан духовный облик императрицы с ее детства и до того, как она стала Екатериной Великой» [1, с.36].

Как отмечает С. Ананьева, роман «Семирамида» «многопланов, мозаичен, с четко выведенными сюжетными линиями, пересекающимися в ткани повествования. Создавая образ Екатерины Второй в историческом полотне “Семирамида”, образ, отличный от исторической традиции XIX – XX веков, автор на основе детальных и кропотливых исследований дает точный портрет, воссоздает духовный мир героини, лирический облик её» [2, с.260].

Художественный текст романа уникален по своей архитектонике, в нем переплетаются историческая и лирическая линии. Историзм исходит от самого замысла романа, в основу которого входит описание фактов и событий, имевшие место быть в XVIII веке в России. Повествование охватывает период конца второй половины XVIII века, период правления Елизаветы Петровны, затем императора Петра III и воцарения на российском престоле Екатерины II. Действие романа раскрывается с момента приезда пятнадцатилетней принцессы в Россию, что датируется 1744 годом. Самому сюжету романа предшествует пролог, где говорится о последних днях жизни великого монарха, удрученного последующей судьбой величественной державы.

Автор набрасывает штрихи жизни и образа Петра I, подчеркивая непредсказуемость его характера, силу и мощь императора огромной, созданной им державы, поступок которой была сильна, как и сама фигура царя. Его мысли были тяжелы и сосредоточены на будущей судьбе России. Уходя в забытие, Петр

даёт последние указания. «Царю сделалось хуже. Пять дней назад по велению его поставлена была возле спальни подвижная церковь. Сегодня он исповедался и приобщился святых тайн. Сам владыка молился тут, с осторожностью посматривая через открытую дверь на лежавшего царя. Тот не двигался и лишь изредка коротко стонал. Через три дня над больным совершено было елеосвящение. И тут – по именному указу – освобождены были от каторги все преступники этой державы, кроме повинных в смертоубийстве» [3, с.15].

Роман начинается с описания пути в далёкую страну пятнадцатилетней Ангальт-Цербстской принцессы в сопровождении ее матери. В дороге она погружена в полудрёму, в воспоминания об отце, который перед дорогой давал ей наставления. По предсказанию монаха, девочку ожидала удивительная судьба: «Я вижу по меньшей мере три короны на голове у этого ребенка! – сказал он в наступившей тишине» [3, с.20]. Ее жизнь была наполнена радостью, ожиданием счастья и чего-то совершенно нового, пока ей не знакомого и непонятного.

Об этой далёкой стране она знала по рассказам: «Это была страна, куда уходили служить и растворялись в не имеющем очертаний пространстве. Оттуда редко возвращались и рассказывали странные истории. Некий барон, служивший в этой стране, ездил на медведях, выворачивал наизнанку волка, стрелял косточкой в лоб оленю, и вырастало вишневое дерево. Там даже звуки замерзали от мороза в почтовом рожке» [3, с.27-28].

Она помнила, какие были у неё учителя, лекари, наставники, её готовили к будущей жизни в этой стране, она знала о переписке, о письме с подписью «Елисавет» и портрете, с которого глядела величественная женщина с чуть выпуклыми глазами, она «держала в руках золотой скипетр» [3, с.29]. Принцесса помнила, как «мэтр Антуан Пэн поспешно писал ее портрет для отправки русской императрице в Петербург...».

Из первых глав романа мы узнаем, что события самой поездки Софии-Августы, принцессы Ангальт-Цербстской происходили в январе 1744 года.

Принцесса видела в пути только крыши, дома и снег. От станции к станции рефреном звучали слова: «Графиня Рейнбек с дочерью... Королевская подорожная!». Но принцесса знала о пе-

реписке матери, знала, что ее мужем станет Петр Третий, великий князь. Ее судьба была предопределена.

Невольно наплывали воспоминания. Она вспомнила и о Каролинхен, красивой и дерзкой, которая заявила, что юную принцессу она будет называть Фике. Многое ожидает в жизни юную принцессу, и один из таких шагов предстоявшее крещение. Ангальт-Цербстскую принцессу перекрестят, и будет она при наследнике Российского престола. Таковы первые шаги будущей императрицы Екатерины Великой, облик которой создан в романе. Приезд юной принцессы в Россию станет судьбоносным и для самой России. За этим стояла большая политика. Сея принцесса была из «незначительного дома». Развёртывалась большая европейская игра, у европейских держав были свои виды на Российскую империю. Велась тонкая дипломатия вокруг российского престола, все ждали совершеннолетия великого князя. Ангальт-Цербстскую принцессу доставляли в Россию инкогнито. Вскоре, минуя Ригу, она оказалась в российских пределах.

Интерес России был соблюден. После Константинополя Москва стала главенствующим центром мировой политической системы. И теперь решалась дальнейшая её судьба, предугаданная самим Петром.

Не случайным стал выбор Ангальт-Цербстской принцессы в качестве супруги Петра III. Возможно, сказалось глубокое чувство императрицы Елизаветы к голштинскому принцу, с которым она была помолвлена, но который рано покинул мир. Елизавета дала клятву, что ни за кого другого не выйдет замуж. Этим принцем был родной брат нынешней Ангальт-Цербстской княгини и дядя ее дочери, чем и объясняется особое расположение её императорского величества.

Во дворце ее встречают великий князь – будущий муж и во всем своём великолепии и могуществе Елизавета. Девушка увидела ее царственное облачение. «Безмерность красоты была сама по себе в стройной дородности, овальности плеч, мощной нежности высокой шеи. И темно-голубые навывкате глаза на широковатом лице не выделялись никакой особенностью» [3, с.57].

После аудиенции у Елизаветы она мельком встретится с вице-канцлером Бестужевым-Рюминым. Он заметил в ней особые знаки: взрослые глаза и глубокомысленный ход. Вице-

канцлер подметил, что шла она живым быстрым шагом. Великий князь подпрыгивал рядом, стараясь угодить с ней в такт. «Кильский ребенок» – так звали его остроумцы. Тем временем дворцовые порядки, установленные еще отцом Елизаветы, шли по привычному сценарию.

Какова же была роль Фике? Осознавая происходящее с ней, она помнила наставления своего отца: «не вмешиваться ни в какие правительственные дела». За церемонией крещения, которое она приняла, последовала масленица. Перед юной барышней всё больше раскрывалась эта незнакомая страна. Она с увлечением вовлекалась в её колорит и традиции.

Первое подробное описание Ангальт-Цербстской принцессы появляется в эпизоде, когда юная принцесса выбежала из кареты и случайно встретила с юношей. Первая встреча на российской земле стала для юной принцессы знаковой. Барышня была как из сказки: «в голубом с опушкой капоре, шитой золотом шубенке враспашку..., присела она в снег, потом встала, поправляясь, и тут увидела его. Глаза у нее тоже были темно-золотыми, и он все глядел ошалело, забыв про все. Она дрогнула верхней губой, чуть зарделась, поведя плечом. А он почувствовал, как пламенеет у него лицо. Верно, подумала она, что подсматривал за ней здесь. Даже пот выпал у него на лбу под жестким ободом кивера. Барышня вдруг высоко подняла голову и пошла, будто не видя его...» [3, с.43].

Этого юного гвардейца она встретит вновь по приезду к месту назначения. «Когда она садилась в карету, то увидела его в четырех шагах, как в лесу. Некое чувство поднялось у нее из глубины, прилило к сердцу. Она вновь ощутила сильные руки, поднимающие ее из снега. Выше, выше, к самому небу, в счастливую пустоту» [3, с.56].

Текст романа М. Симашко узнаваем по своему строению и структуре художественного образа. М. Симашко – обладатель удивительного письма и способности создавать своеобразную картину художественного мира, в котором сплетаются, сливаются разные сюжетные линии. Мастер слова как художник накладывает штрихи, придавая полотну замысловатость и глубину.

Интересен художественный текст, созданный писателем, в плане цепной связи в синтаксической конструкции. Излюбленным посылом в тексте явилось изобилие местоименной замены. В прологе, к примеру, преобладает этот вид цепной связи, что усиливает эффект орнаментальной прозы. Более сорока раз автор использует местоимение «он». Этот прием «скрытого образа» становится показателем авторского письма, и лишь в продолжении текста автор раскрывает, кто скрывается за местоимением «он», называя персонаж «царем». В заключительном предложении появляется имя «Великий Петр».

Грандиозный по своему охвату роман соединяет известные исторические личности. Сплетение исторических лиц, событий создает монументальность описанной действительности, что говорит о глубинном подходе к историческому материалу, требующему от автора максимум знаний и понимания содержания исторической ситуации. Эпоха Екатерины II длилась более тридцати лет. Не меньшим и не из лёгких был её путь к российскому престолу. Этому и посвящен роман М. Симашко.

Автор создал весомое полотно, на котором изобразил эпоху, целую галерею исторических лиц, политическую борьбу за интересы российской государственности. Писатель воссоздал значимые для истории государства Российского крупные фигуры. Среди них образ канцлера Бестужева, который прослеживал всю тайную дипломатическую переписку и представлял ее императрице Елизавете. Бестужеву «высочайше поручено составить правила для знатной дамы, призванной состоять при ея высочестве великой княгини, новообращенной Екатерине Алексеевне. Первым пунктом разумелось усердие к православной вере. Но то лишь оболочка дела, а суть в том, каковы влияния могут быть на наследника через жену его из Европы» [3, с.111].

Елизавета выразила своё негодование, узнав, что Цербстская княгиня ведёт двойную политическую игру. Российская императрица выслала её из страны, приказав при этом, что «будет человек, глаз не спускающий с княгини. Указано задерживать все, что захочет писать вперед, в Европу, или назад, к своим российским адресатам» [3, с.98].

Канцлер видел, как великая княгиня с супругом «шла к карете уезжающей из России матери, чтобы проводить ту до Петергофской заставы. Кильский инфант по простоте своей

прямо не скрывал радости по поводу отъезда тещи. Даже кричал что-то и в ладони хлопал. Зато на лице юной жены его нельзя было ничего прочесть, кроме известных наружных чувств» [3, с.98].

Переживания, душевное томление ни на мгновение не проступают в ее облике. Канцлер Бестужев замечает особую черту – умение правильно подать себя в глазах императрицы и всего двора. «К удивлению, свое правильное место сразу нашла и новосделанная великая княгиня: как будто сзади государыни, но неотделимо от нее. Для такого надо ум и особое чувство иметь. Кто бы мог направлять ее?» [3, с.96-97].

Один из персонажей романа рассказывает: «Великая княгиня такая, что и тени не позволит на себя упасть, а не то чтобы что... И ко всякому русскому очень привержена: все по-русски с нами училась говорить, и в церкви ни одной службы не пропустит. За то великий князь ее корил: мол, глупость все то одна. Ну, а с нами как получилось, то это противники есть у ее высочества» [3, с.115].

Отличительной чертой портрета великой княгини были глаза, что запомнил драгунский офицер Ростовцев-Марьин, когда впервые встретил её в лесу, «темные с золотом глаза». В ее воспоминании также время от времени всплывал образ юноши-гвардейца, приметным в его образе была прядь волос, которая падала у него на одну сторону. Это создает эффект узнавания образа, что часто используется автором при создании образа персонажа, более того становится чертой индивидуального стиля писателя.

Роман М. Симашко охватывает события с 1744 по 1796 годы. Сюжет включает эпизоды из жизни великой императрицы, которая была на российском престоле более тридцати лет с 1762 по 1796 годы. Автор романа создал психологический портрет будущей великой императрицы: от барышни Фике, Ангальт-Цербстской принцессы, великой княгини до супруги Петра Третьего, императрицы Екатерины II.

Литература:

1. Демченко Л.Н. Литература народов Казахстана и стран ближнего зарубежья. Современный период: Учебное пособие. 2 изд., допол. – Алматы: ЭСПИ. 2021. – 212 с.

2. Ананьева С.В. Русская проза Казахстана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI века. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2010. – 356 с.
3. Симашко М. Семирамида. – М.: Дружба народов, 1994. – 399 с.

ДЕМЧЕНКО АЛЕНА СЕЙТКАЗЫ ЭЛЬМИРА

Память о Родине: трансфер образа и авторский замысел

Творчество Народного писателя Казахстана М. Симашко является объектом внимательного изучения участниками Международных литературных чтений, которые проходят в Алматы по инициативе ассоциации «Мицва» и Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК в пятый раз.

Мы решили обратиться к повести М. Симашко «Емшан». Главный герой произведения султан Бейбарс возвращается в прошлое, чтобы с высоты прожитого переосмыслить свою жизнь. Импульсом выступает знакомое до боли слово «куке». «Слово опять шевельнулось в горле. Он чуть не крикнул его, и горький вкус остался на губах. Оно всегда было с ним, это слово...» [1, с.229].

В повести «Емшан» М. Симашко затронута одна из наиболее драматичных тем: гибель кипчакского этноса в результате монгольского завоевания. Бейбарс остановил гуннов.

Власть не меняет Бейбарса. И в невольничьем бараке, и в корабельном трюме, и на троне он остается верен суровому внутреннему кодексу. Жизнь, по его мнению, есть беспощадная борьба. Его не трогают слезы женщин и проявления слабости мужчин. Покорность воспринимается как слабость, достойная презрения. Единственное слово, которое вселило в сердце султана неведомую ранее горечь, – знакомое и позабытое «куке».

Слово «куке» становится своего рода аналептическим узлом нарратива, возвращая героя в события его драматичной, полной коллизий жизни. Свою жизнь Бейбарс вспоминает в седле – рождается художественный образ кентавра, человека, бывшего некогда кипчаком и несущем в себе отголоски ушедшей жизни – жизни в степи.

Вспоминая себя рабом; гонуэским гребцом и надсмотрщиком, назвавшимся Бейбарсом; воином-мамлюком, купленным на невольничьем рынке; славным героем Острова; Эмиром султана; человеком, не раз восстававшим против правителя; грозным и гордым султаном, главный герой повести «Емшан» не в силах разгадать, отчего слово «куке» рождает в его сердце небывалую горечь. И только в лучах вечернего солнца в его памяти рождается картина: в закатной пустыне над телом мертвого отца, пронзенного стрелой, сидит маленький мальчик, зовущий его, а вокруг во всю степь благоухает степная трава – емшан, полынь: «И он все вспомнил... Это высокая горькая трава пахнет так, красная от вечернего солнца. И красный песок становится чернее. А на песке лежит человек, и это его кукле. И плачет мальчик, и тянет своего кукле за большую руку. Только стрелу он боится трогать с черными жесткими перьями... Чернеет песок. И все вокруг чернеет. А запах становится гуще, и такой уже горький он, что нельзя облизать сухие губы. И зеленые точки совсем близко в горькой темноте. Их все больше вокруг, и все ближе они. И он прижимается к большому холодному кукле, и тепло ему, и не страшно так...» [1, с.256].

Образ Родины всегда наполнен особым смыслом в художественных текстах писателей Казахстана. Проведем параллель с прозой М. Симашко и наследием Шалкииз жырау, который считал, «что только тот человек, кто справедлив к друзьям, грозен к врагам, добр к родственникам, кто полезен для Отечества, может называться гражданином. Самое дорогое для человека – Родина, утверждает поэт», – пишет Народный писатель Казахстана М. Магауин в предисловии «Из глубины веков» к сборнику произведений казахской поэзии V – XIX веков «Озера степные» [2, с.8].

О том, что образ емшана коррелирует с темой памяти, тоски по Родине, свидетельствует один из претекстов произведения – эпиграф к повести: «Степной травы пучок сухой». Это важный интертекстуальный импульс.

В первой строфе голос лирического героя сливается с голосом автора. Возможно, перед нами воспоминания певца, отправленного ханом Сырчаном за братом, Отроком, ставшим владыкой Кавказа.

В запахе степной травы – память о некогда покинутом доме. Емшан, полынь становится фитонимическим кодом, который идейно коррелирует с архетипом Дома – онтологического центра мира. После поражения от войск Владимира Мономаха Отрок, бежавший в горы, сумел возвыситься до царя. Но Мономах умер. Сырчан посылает за братом певца,

«чтоб бросил все...
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи».

Предчувствуя, что брат не отзовется на песни родного края, Сырчан наказывает певцу связать пучок степной травы и дать Отроку – тогда он вернется. Предчувствие хана сбывается. Когда певца велют вывести из шатра, он подает Отроку пучок емшана.

Схожи в плане сюжетики оба текста – и Бейбарс, и Отрок скорее готовы умереть, чем оставаться на чужбине. Смерть Бейбарса знаменует возвращение в мир своего рода, в мир прапамяти. Возвращение Отрока – тоже своего рода смерть, но смерть социальная. Он возвращается, отринув титул и богатства Кавказа, с немногочисленной дружиной в родную степь.

Х.С. Мухамадиев причисляет полынь к базисным концептам казахской лингвокультуры, этнопоэтическим константам художественной литературы. Исследователь называет ряд произведений, для которых «веточка полыни» становится знаковым образом: «Веточка полыни» А. Хасанова, «Ветка дармины» Р. Насырова, «Горький запах полыни» С. Муратбекова, «Полынь и цветы» Д. Досжанова, «Полынь» Д. Исабекова, «Емшан» М. Симашко, «Полынь чужбины» А. Москаленко. «Для современной казахской повести полынная тема – своя внутренняя, которую она разрабатывает весьма настойчиво, обнаруживая цельность замысла ... <...> ... Полынь как степная трава неразрывно связана с образом степи. Степь, как зеркало, отражает, помнит и хранит человеческие радости и страдания» [3, с.146].

Полынь – концепт, который в ряде произведений казахстанской литературы применяется как аксиологема. Отсюда – концептуальные метафоры полынь *памяти*, полынь *чужбины*,

попынь *разлуки*, попынь *раздумий*. Горький запах емшана перекликается с попынным привкусом горечи Б. Канапьянова в книге-дневнике, книге-исповеди «Аист над Припятью», в которой «попынный привкус горечи одинаков – будь то трава чернобыль или степной емшан» [4, с.163].

Мы разделяем точку зрения доктора филологических наук, интересного прозаика из Кишинева М. Метляевой, рассуждающей о восприятии времени и пространства, о вечности и мгновении, любимых темах и М. Симашко: «Охват явления в пространстве есть одновременно и его временное выражение. И можно сказать, что самая характерная особенность восприятия времени и пространства в нашу эпоху заключается в утверждении относительного характера мгновения и вечности, маленького уголка земли и бесконечности. Мгновение и мельчайшее на земле – это самые яркие знаки безмерности времени и пространства» [5, с.121].

В прозе М. Симашко бескрайние степи, огромные пустыни, величавые долины... Красивые слова оборачиваются фальшью. Герои противостоят вызовам, вступают в борьбу за свои принципы, отстаивают свое видение мира.

За повесть «Емшан» признательна М.Д. Симашко доктор филологических наук, профессор Р. Алмухан. Она выражает автору за историческое произведение «особую благодарность» [6, с.26]. Современный исследователь пишет о том, как М. Симашко открывал Восток, «жил в Туркменистане, Таджикистане, Казахстане, бывал в Кыргызстане». Приглашал нашего писателя жить в Туркмении Туркменбаши С. Ниязов, с которым он был знаком еще по работе в комсомоле. Но М. Симашко считал себя русским писателем Казахстана и, уезжая в Израиль, планировал вернуться и работать в Алматы.

Главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», на страницах которого повесть «Емшан» увидела свет в год 100-летия со дня рождения ее автора, Ф. Тамендаров убежден, «что Бейбарс заговорил именно голосом М. Симашко. Благодаря ему мы узнали, о чем он думал. ...<...> ... Великолепно передан непростой образ Бейбарса. Он шел к власти... А его любовь к Родине выразилась в том, что запах травы емшан и интересное слово “куке” оказались важны для героя. Слово

волшебна и понятно. Любовь к Родине не покидала героя никогда» [7, с.22].

В поэтике повести М. Симашко «Емшан» семантика заголовка имеет особое значение, эксплицируясь в тексте в идею, символический образ, способствующий разворачиванию авторского замысла. Аксиологема аккумулирует в себе черты полыни-памяти; повторяясь в тексте. Образ становится символом памяти о Родине.

Автор выносит в название произведения тюркскую номинацию фитонима – емшан. Как видим, трансфер образа в совокупности его семантико-аксиологических значений становится одним из механизмов межкультурного диалога, в котором важен имагологический дискурс.

Мотив любви к Родине – один из важнейших в прозе и публицистике Народного писателя Казахстана М. Симашко, чья литературная известность преодолела границы и время.

Литература:

1. Симашко М. Емшан // Симашко М. Повести Черных и Красных Песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.22-260
2. Магауин М. Из глубины веков // Озера степные. – Алматы: Раритет, 2008. – С.5-10
3. Мухамадиев Х.С. Концепт природы, или «Веточка полыни» // Национальные образы мира в современной литературе Казахстана. – Алматы: Казак университеті, 2015. – С.139-155
4. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: ЖК, 2014. – 220 с.
5. Метляева М. Ориентализм в творчестве поэтов и графиков Бессарабии // Литературно-художественный диалог / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, 2008. – С.116-121
6. Алмухан Р. Философия жизни М. Симашко // Морис Шамис (Симашко). Четвертые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2024. – С.23-26
7. Тамендаров Ф. Любовь к Родине не покидала его никогда // Морис Шамис (Симашко). Четвертые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2024. – С.21-22

ДЖОЛДАСБЕКОВА БАЯН БАЯНБАЕВА ЖАДЫРА

Литературная культура и творчество как источник нового знания

Русская и казахская литература всегда были связаны особыми отношениями. В изучение казахской литературы внесли свой вклад московские литературоведы К. Зелинский, Г. Ломидзе, В. Новиков, З. Кедрина, Ф. Кузнецов, В. Озеров, Л. Новиченко, М. Сильченко и Н. Смирнова, Е. Ландау, М. Ритман-Фетисов и другие. О взаимодействии русской и казахской эстетических культур писали М. Багизбаева, Е. Лизунова, К. Курова, А. Жовтис, Н. Ровенский, В. Бадиков, П. Косенко, А. Маловичко, А. Арцишевский и многие известные критики и литературоведы.

Личность прозаика, переводчика, журналиста, эссеиста, драматурга, критика М. Симашко занимает в ряду писателей и исследователей особое место.

Мы принимали участие во всех проведенных ассоциацией «Мицва» и Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова Международных литературных чтениях, посвященных многогранному и разнообразному творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко. Изучали разные аспекты его неповторимой прозы: проблему текста в литературоведении, образ автора и концептуальный хронотоп прозы, локальный туркменский текст в его наследии, эволюцию концепта *колокол* в русской прозе Казахстана и архетипический мотив воды в мифопоэтике М. Симашко.

Считаем, что концепт «предстает в тексте художественного произведения как микромодель системы “литература”. Концепт может дополнять содержание рассказа, повести, романа, открывая и новые смысловые возможности» [1, с.85].

В предыдущих научных докладах на Чтениях нами проведены параллели между творчеством М. Симашко и Н. Анова, М. Симашко и Ю. Домбровского, М. Симашко и И. Шухова. Мир произведений малого жанра Ю. Домбровского и М. Симашко – это система, «в определенной мере соотносимая с реальным миром. Хроникальная последовательность в изложении событий и

построении сюжета встроена в определенные пространственно-временные координаты. В этот мир, продуманный в деталях и в конкретных топосах, мастер слова помещает своих героев. Хронологическая последовательность повествования позволяет создавать разные образы художественного пространства и времени, переходить от хронотопа к изображению событий и персонажей» [2, с.108].

Тайну творчества М. Симашко исследователи пытаются раскрыть на примере конкретных художественных произведений, найти в подробностях личной жизни, высветить неизвестные ранее грани. «Каждый раз текст истолковывается по-новому, продуктивно, применяется соответственно конкретной ситуации, но в то же время объективно, не допуская произвола. Как определить в таком случае подлинность истолкования и отличить от выдумки, фантазии, тенденциозного интерпретатора? ... <...> ... все, что говорится о произведении, должно согласовываться с каждым его словом, каждой частью, приемом, формой, содержанием, стилем и т.д., как у исполнителя-музыканта нота в ноту, как написано композитором и все же по-своему, как у всех и как ни у кого» [3, с.184-185].

Детство в жизни каждого из нас играет роль особую. В детстве ребенок учится понимать язык искусства. Слушая колыбельную песню, сказки, дети способны воспринимать язык искусства. В хронотоп счастливой и беззаботной детства главного героя повести М. Симашко «Бербека» (повесть автобиографична. – Б.Д., Ж.Б.), «где белые свечи цветущего каштана, а “я играл на полу со стертymi, еще с буквой *ять* кубиками, составляя из них разных зверей”, включается жизнь взрослых (“тут происходит некий провал в моей памяти”) ... <...> ... Мастерски конструируя пространство и включая разные временные пласты, Н. Анов и М. Симашко, ведя речь о настоящем, вспоминают о прошлом и реконструируют будущее» [4, с.49].

Многое в творчестве М. Симашко помогают понять «Четвертый Рим» и «Дорога на Святую Землю», книги, во многом, автобиографичные. В «Орнаментальной прозе» есть интересные наблюдения над своими коллегами по писательскому цеху, как говорили в то время. «Писатели по какому-то чуть ли не биологическому признаку делятся на тех, кто ездит на всяческие дека-

ды и сидит в президиумах, и на других, кто не ездит и не сидит. Причем, среди вторых могут быть живые классики, а среди первых находятся люди, не написавшие ни одной строчки за свою жизнь, но это не имеет ровно никакого значения. Если же случайно кто-то из второй категории вдруг попадает в президиум или оказывается включенным в делегацию, то литературную общественность охватывает волнение. Оказываются нарушенными некие таинственные законы, так сказать, организационные традиции социалистического реализма. Впрочем, уточняет далее автор очерка, попавший ненароком не туда писатель сам чувствует себя не в своей тарелке и стремится убраться оттуда, после чего волнение успокаивается» [5, с.483]. Психология коллег прослежена внимательно. Наблюдения продолжаются.

«Но если кто-то из первой категории вдруг оказывается не включенным в президиум или в какой-то представительный список, то это уже настоящая человеческая трагедия. Она оборачивается вызовом скорой помощи, тревожными и длительными телефонными переговорами, взволнованными заявлениями в ЦК и прочими активными акциями» [5, с.483].

Стиль М. Симашко в «Орнаментальной прозе» саркастичен: «Борьба за существование в литературе жестока, как и в природе. Выживают сильнейшие... в смысле президиумов и наградных списков» [5, с.483].

Неправильное толкование и неправильное понимание книги довольно распространены. Анализ текста заменяется пересказом содержания произведения. Понять смысл художественного текста способен не каждый читатель. Это сложная мыслительная работа, к которой надо приучать с детства и юности.

Чтение и восприятие исторической прозы требует кругозора, знания многих фактов. Читатель воспринимает смысл литературного произведения. Литература позиционируется как факт речевой деятельности.

Литературоведы исследуют литературный процесс, чтобы в его русле понять и оценить конкретное произведение конкретного автора. Изучают поэтику текста, жанровые системы и т.д.

Чрезвычайно важен взгляд самого автора на свое творчество и свою издательскую судьбу. Обратим внимание на дату

завершения М. Симашко «Орнаментальной прозы»: 9 ноября 1988 года, г. Алма-Ата.

Внимательно читаем: «Уже почти год идет подлая, какая-то шакалья атака на “Простор”. Штаб ее дислоцируется в вечерней городской газете, редактор которой, посредственный газетчик, метит в писатели и соответственно редакторы литературного журнала, кем вскоре и сделается» [5, с.488]. Автор очерка бесстрашен, конкретен и последователен в разоблачении интриг, каверз, в обесценивании литературного процесса.

М. Симашко объективен. «Простор» был широко известным изданием. На его страницах публиковались произведения Павла Васильева, Андрея Платонова, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама. В художественном произведении мы понимаем жизнь другого человека, поэтому важный аспект литературы – воздействие на читателя.

Ивана Петровича Шухова, «казака “Горькой линии”», большого русского писателя, состоявшего когда-то в переписке с Горьким, стали гласно и негласно обвинять, что он, будучи главным редактором, окружил себя “этими”, которые и толкают его на неправильный путь» [5, с.489].

«Другой несостоявшийся романист» (именно так у М. Симашко. – *Б.Д., Ж.Б.*) «кричал тонким голосом с трибуны литературного собрания, выводя меня на чистую воду: “Товарищи, дорогие, вы, наверно, не знаете. Он ведь не Симашко, он Шамис. Понимаете: Ш а м и с!...”» [5, с.489]. Страх инакомыслия определял в поведении некоторых знакомых многое.

М. Симашко освободили от работы в издательстве... С иронией автор очерка уточняет: «... за либерализм. Так оно было конкретно сформулировано, может быть, единственный раз в истории мирового книгопечатания. И опубликовано в официальном органе только что созданного Госкомиздата СССР...» [5, с.489].

Нелегко был творческий путь Народного писателя Казахстана. Все ли мы знаем об этом? Вчитаемся в размышления современного литературоведа и преподавателя вуза В.Я. Линкова: «Каждая идеология делит писателей на “наших” и “не наших”, врагов и друзей. На тех, кого надо “ругать” и “хвалить”. Пожалуй, это ее главное дело, совершенно не свойственное науке, прямо противоположанное ей. Она требует от своих верных слуг

дискредитации неугодных и неудобных ей писателей, если их никак уж невозможно представить в качестве сторонников» [3, с.195].

Свидетелями многих событий литературной и около литературной борьбы были Н.С. Ровенский, Ш.Р. Елеукенов, Г.К. Бельгер, Л.Ю. Гирш... Верные друзья и соратники по литературе и жизненному пути.

Искусство учит понимать другого, чужую жизнь и себя самого. Так, истинная сущность казахской интеллигенции «воплощается в образах, поступках, действиях Ибрая Алтынсарина, вобравшего в себя лучшие черты просветителей и целенаправленно исполнявших возложенную на них историческую миссию» [6, с.53].

М. Симашко в процессе художественного перевода произведений казахских авторов бережно передавал ключевые исторические понятия, ведущие концепты степной философии, образы героев и природные описания.

Учение о понимании художественного текста – герменевтика. Ее современные исследователи воспринимают и как науку, и как искусство, осознавая важность данной науки в гуманитаристике, и тот факт, что открыть законы, по которым создается художественное произведение, не представляется возможным. Но произведение должно иметь нравственное и воспитательное значение.

Литературовед и критик открывают миру, читателю писателя. Творчество М. Симашко в аспекте литературной культуры и герменевтики будет исследовано новыми поколениями ученых, критиками, переводчиками, читателями.

Литература:

1. Джолдасбекова Б. Эволюция концепта *колокол* в русской прозе Казахстана: от повести «Колокол» И. Шухова до романа «Колокол» М. Симашко // Морис Шамис (Симашко). Третьи Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: VESTA, 2023. – С.80-86
2. Баянбаева Ж. Хроникальная последовательность в жанрах малой прозы Ю. Домбровского и М. Симашко – отличительная черта поэтики // Морис Шамис (Симашко). Вторые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: VESTA, 2022. – С.104-108

3. Линков В.Я. Введение в литературоведение: История идей от Вико до Бахтина и Гадамера. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 232 с.
4. Джолдасбекова Б. Автор и концептуальный хронотоп прозы М. Симашко и Н. Анова // Морис Шамис (Симашко). Вторые Международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: VESTA, 2022. – С.43-49
5. Симашко М. Орнаментальная проза // Симашко М. Избранное в 3-х томах. Т. 3. – Алматы: Жазушы, 1993. – С.481-493
6. Джолдасбекова Б. Проблема текста в литературоведении (на примере прозы М. Симашко) // Морис Шамис (Симашко). Первые Международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2021. – С.47-54

ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА ДАРИЯ

Морис Симашко и его Бейбарс – урок для будущего поколения

«Морис Симашко – замечательный художник, мастер слова, обладающий особенным даром живописно передавать картины исторического бытия, оживляя сцены жизни восточных и европейских народов», – убежден доктор филологических наук, профессор КазНУ им. аль-Фараби, член Союза писателей Казахстана А. Жаксылыков.

М. Симашко внёс огромный вклад в литературу Казахстана, подарив нашему народу образ султана Бейбарса – человека, прошедшего путь от раба до правителя Египта. До сих пор идут споры: кем он был по происхождению, каких кровей? Но одно ясно: в его характере звучит сила степной души. Писатель обладал редкой способностью глубоко проникать в контекст исторической эпохи, воссоздавать психологию и внутренний мир героев. Его произведение «Емшан» пропитано ароматом степных трав, дыханием ветров, прошедших над землёй Казахстана.

Если бы государство уделяло больше внимания воспитанию подростков, возможно, мы не сталкивались бы сегодня с таким уровнем агрессии и буллинга. У каждой школы есть возможности для духовного развития детей, но мало фильмов и книг, которые помогают формировать характер и волю. Нам необходимы герои, способные вдохновлять.

Бейбарс – именно такой герой. Мальчик, вывезенный в трюме лодки, стал легендарной личностью. Он прошёл путь от раба до султана, сохранив внутреннюю силу, честь и стремление к справедливости.

М. Симашко с любовью проследил его судьбу, заставив читателя не только сопереживать, но и восхищаться.

Сегодняшняя молодёжь, к сожалению, часто не знает своей истории, не интересуется подвигами прошлого. В послевоенные годы всё было иначе. Мы, дети того времени, видели вокруг примеры мужества: ветеранов, инвалидов войны, людей, которые потеряли здоровье, но не дух. Мы играли в «войнушку», мечтали быть героями.

Теперь всё изменилось. Юные казахстанцы мечтают не о славе духа, а о богатстве. Но деньги не делают человека великим. Великим его делает сила воли, память и стремление к добру.

Герой, став султаном, не потерял человечности. Он принёс на трон боль и опыт рабства, превращённые в мудрость.

Жаль, что молодёжь перестала мечтать о возвышенном. Быть человеком, не утратившим достоинства, очень важно.

Повесть М. Симашко «Емшан» должна стать настольной книгой для подростков. В ней – история выживания, преодоления и памяти. Бейбарс, забывший родной язык и имя, сохранил в сердце запах травы, напомнивший ему о родной земле.

Если бы я была юношей, я хотела бы стать личностью, чьё имя не станет нарицательным, но останется в памяти людей.

Нам нужно растить детей на примерах настоящих героев. Только человек, который помнит, кто он и откуда, способен стать достойным своего народа.

ЖАКСЫЛЫКОВ АСЛАН

**Масштаб личности и художественный
дар Мориса Симашко**

Здравствуйте, дорогие друзья!

Поздравляю вас всех с этой прекрасной долгожданной конференцией. Моему авторству принадлежат несколько

монографических статей по творчеству М. Симашко. Они вышли в рамках сборников этой ежегодной конференции. Статьи были посвящены нарратологии писателя, то есть повествовательному искусству М. Симашко. Техника повествования у М. Симашко доведена до совершенства, она на грани поэтического сказа со всеми признаками ритмической и интонационной организации, и читаются его тексты как баллады или поэмы на одном дыхании. Должен сказать, что творчество М. Симашко изучается на стабильной основе в КазНУ им. аль-Фараби на кафедре русской филологии и мировой литературы. Пишутся статьи, дипломные и магистерские работы, ведутся исследования на уровне докторской диссертации, и так в течение многих лет. Можно сказать, что творчество М. Симашко – объект наших постоянных научных изысканий и исследований.

Думая над особенностями повествовательной техники, которая обращает на себя внимание отточенностью, поэтичностью, многоголосием, несомненным присутствием всезнающего автора, погруженного в гущу не только психологии личности-героя сказа, но и истории, культуры народов, живших столетия или тысячелетия назад, в конце концов, мы пришли к выводу, что это объясняется неповторимым единством художественного и научного мышления. У М. Симашко блестящий органический сплав научного и художественного мышления, проявляющий себя в единстве двух или даже трех потоков, – эстетического, гносеологического и нравственно-психологического.

Так нарратор погружается в объект повествования в синергию трех потоков, и познавая, и сопереживая, и оценивая создаваемый художественный мир, оттеняя каждую деталь, каждый предмет, не упуская из виду объем целого, рефлектируя на создаваемый мир как на прекрасный, изумительный, феноменальный космос. При этом в каждом произведении можно узреть в авторе черты большого учёного со сложившимся системным типологическим мышлением, востоковеда, историка, замороженного своим материалом, и ещё, конечно же, большого прекрасного художника, поэта.

В голос нарратора это сплелось удивительным образом, возникая как эпический континуум, нечто гомеровское. Читая произведения М. Симашко, видишь, что писатель каждый раз осуществлял огромную работу для всестороннего изучения темы, проблемы, колорита, логики того или иного исторического материала, например, восстания Маздака в Иране в V в. н.э. Тема Маздака, конечно, была взята из «Шах наме» Фирдоуси. Но сюжет фрагментарной, небольшой главы, созданной Фирдоуси, превращен М. Симашко в масштабный эпический и поэтический сказ впечатляющей силы и поразительной эспрессии. Он эстетически и художественно вполне самостоятелен и самобытен.

«Парфянская баллада» – это фрагмент из истории Парфии, то есть того самого народа, армия которого разгромила римлян (легионы Марка Лициния Красса), в I веке до новой эры, того самого Красса, победителя Спартака [1]. Затем постепенно произошло естественное смешение плененных римлян и местных народов, которые жили на территории Парфии.

В повести М. Симашко описываются знаковые события, которые потом будут иметь значение для искусства человечества. Что опять привлекает внимание исследователя? Удивительная точность изображения реалий Парфянского царства того времени. Реалии, как элементы поэтического рефрена, следуют одна за другой, например, в сцене описания пира, устроенного царем, шахиншахом, для самых знатных людей государства. «Слуги расстелили на коврах чистое синее полотно, расставили высокие узкогорлые кувшины с пахучим маргианским вином, разрезали на удобные куски тяжелые и звонкие золотые дыни – бахрман, набросали целые горы хорошо промытого в арыке винограда, персиков, сочного инжира. Кунжутная халва с орехами была заранее расколота, а густая и белая мешалда, которую делают из свежих куриных яиц с козьим молоком и пчелиным медом, слегка подогрета и взбита. Жаркими, как солнце, кругами лежали на полотне только что из тамдыра белые лепешки из бронзовой хорасанской пшеницы» [2, с. 360].

Интересно для читателя не только фактическое значение этих реалий, что, например, хорасанское зерно бронзового оттенка, но и поэтическое интонирование данных восточных

слов, создающих особый дискурс погружения в реальность происходящего и описываемого, из чего и возникает доверие к нарратору как свидетелю и очевидцу описываемого. Например, нам знакомо слово *шабдалы*, – это персик на нашем языке. Но в сказе мы узнаем, что *шабдалы* – это сорт именно плоского персика, сплюснутого с двух сторон. Мы все видели такой плод, и, оказывается, слово *шабдалы* относится к нему.

Такую характерную деталь может знать человек, который не по наслышке знает описываемую местность, обычаи, нравы народа, признаки его бытовой культуры, владеет историей этого народа, способен естественно и спонтанно погрузиться в эстетику и психологию народа, описать его культуру изнутри со всеми аспектами проникновенного и высокого переживания. Описание пира в царском саду – это поистине поэтический сказ. Он имеет особое значение. Именно в эту ночь в этом саду, по описанию нарратора, была зачата красавица из красавиц, известная на весь мир героиня Вис (из поэмы Фахриддина Гургани «Вис и Рамин»).

Поэма поразительная по экспрессивной силе, посвященная поистине безумной любви, текст, стоящий наравне с такими шедеврами как «Лейла и Меджнун», «Юсуф и Зулейха», «Фархад и Ширин». Для создания мира захватывающей любви и страсти в условиях восточной персидской экзотики и реалий, нужно было, конечно, знание культуры и психологии народа, жившего две тысячи лет назад, и еще преломление всего этого в высокой поэтической рефлексии, в накале страстей, в подлинности разворачивающейся любовной мистерии. Это поэзия самого высокого качества. Единство научного и художественно-эстетического и дает особый стиль, особую технику, особую нарратологию, которая характеризует именно творческую манеру М. Симашко.

Несколько ссылок на историю Ирана. С удивлением когда-то обнаружил, что, начиная с X-го века новой эры, то есть с появления Газневидского государства (Махмуда Газневи), почти X веков тюркские династии правили Ираном. И М. Симашко в романе «Маздак» показывает начало этой истории, то есть первые проникновения в V и VI в. н.э. на территорию Ирана тюркских огузских племен, приглашаемых иранскими царями в качестве наемной армии.

Или такой материал, о котором мы мало что знали раньше, в частности, в советское время. Северный Иран в тяжелейшем 1941 году контролировался войсками Советского Союза для защиты нефтяных месторождений от немецкого вторжения и организации ленд-лиза через эту территорию. Молодой М. Симашко служил в Туркмении на границе с Ираном [3].

Видимо оттуда, из ранней биографии писателя берут корни его восточное мышление, знание культуры, истории и психологии народов Центральной Азии. Очень глубокое, достоверное знание. Так, благодаря своей судьбе, острой наблюдательности и феноменальной памяти формировался М. Симашко, тюрколог, востоковед, большой поэт, мыслитель, философ, которому было дано дать свою оригинальную концепцию истории.

Литература:

1. Электронный ресурс:

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D1%84%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4_%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B0

2. Симашко М. Парфянская баллада // Симашко М. Избранное. – Алма-Ата: Жазушы, 1983.

3. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE_%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81_%D0%94%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

ҚАЛИАСҚАРОВА АЙНҰР

Морис Симашконың аудармаларындағы

ұлттық мәдени код

(І. Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясы негізінде)

Қазіргі филология ғылымында аударма тек тілдік трансформация емес, мәдениеттер арасындағы байланыстың бір түрі, қарым-қатынас құралы ретінде қарастырылады. Көркем аударма барысында түпнұсқа тілдегі ұлттық болмыс пен дүниетанымды өзге тілге бейімдеу басты проблема болып табылады. Әсіресе, тарихи романдарды аудару барысында ұлттық дүниетанымның өзегі саналатын мәдени кодтарды сақтау –

аудармашыдан үлкен шеберлікті талап етеді. Осы тұрғыдан алғанда, қазақ әдебиетінің інжу-маржаны – Ілияс Есенберлиннің «Көшпенділер» тарихи трилогиясын орыс тіліне аударған Морис Симашконың еңбегі ерекше зерттеуді талап етеді. Морис Симашконың Ілияс Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясын орыс тіліне тәржімалауы – мәдениеттанулық әрі лингвистикалық феномен десек те болады. М. Симашко 1986 ж. І. Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясын орыс тіліне аударғаны үшін Абай атындағы Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты атанды және оның аудармасы әлемге жол ашқан көпір болды.

Морис Симашко – Қазақстанның халық жазушысы, Орта Азия туралы тарихи романдарымен, әсіресе, Бейбарыс сұлтанның өмірі жайында жазылған «Емшан» повесінің авторы ретінде аса танымал. Жазушы шығармаларының басты тақырыбы – Қазақстан, Ресей, Орталық Азия және Таяу Шығыстың тарихы мен ежелгі мәдениеті болды. Белгілі прозаик, публицист әрі аудармашы Морис Симашко қазақ халқының ұлттық болмысын, көшпелілердің саяси-иерархиялық жүйесін және философиялық түсініктерін орыс тілді оқырманға жат қылмай, сонымен бірге оның ұлттық колоритін жоғалтпай жеткізе алды.

Морис Симашко аудармаларындағы мәдени код – бұл қазақ халқының тарихи жадын, көшпелілер философиясын және ұлттық болмысын орыс тілді оқырманға жеткізудің бірегей тетігі. Р. Баркибаева «Перевод как средство сближения культур и народов» деген мақаласында: «Историческую тему, ранее запретную, открыл И. Есенберлин трилогией “Кочевники”». Данное произведение достоверно отражает историю становления и жизнь казахского народа, а также особенности определенного среза казахской культуры. Поэтому от переводчика требовалось в точности передать все нюансы, по которым можно определить, насколько переводима культурно-бытовая деталь художественного текста и как перевод влияет на колорит и восприятие произведения в целом. Известно, что повседневную жизнь, обычаи, традиции, ремесло, культуру любого народа, живущего на земле на протяжении веков, описывает присущий ему материальный мир (посуда, одежда, орудия и труда). Исследовать этот материальный мир – значит узнать историю народа. Цель

переводчика, по нашему мнению, – передать культурную составляющую оригинала таким образом, чтобы впечатления представителей двух культур были максимально схожи» [1, 99-100 б.] – дейді. Яғни, Симашко қазақ әдебиетінің жауһарларын аудару арқылы екі мәдениет арасындағы «алтын көпір» қызметін атқарды, ол жай ғана аудармашы емес, екі мәдениеттің терең мағыналық қырларын тоғыстырған тұлға.

Мәдени код – бұл белгілі бір халықтың дүниетанымын, тарихын және болмысын кодталып жасырылған түрде жеткізетін ақпарат жиынтығы. Мысалы, «аруақ» – бұл жай ғана «өлілердің рухы» емес, бұл қазақ үшін жауапкершілік, бабалар алдындағы парыз және қиын сәтте күш беретін психологиялық тірек. Бұл ұран сөз Симашконың аудармасында өзге тілді оқырмандарға түсінікті болу үшін мағынасын ашатын тіркеспен бірге берілгенін көруге болады: «Аруах!.. Аруах!.. О дух усопших!... Яростный звонкий клич Акторгын разнесся по всему полю» [2, с.313]. Ал түпнұсқада: «Сөйткенше болған жоқ, бұлардың құлағына Ақторғын мен Тұяқ батырдың: – Аруақ! Аруақ! – деп айқай салған ұраны естілді» [3, 348 б.] – деп берілген. Яғни, аудармашы «өлілердің рухы» деген мағынаны аударып мәтінге қосқан. Сонымен қатар, «Они выкрикивали имена погибших сто, двести, триста лет назад знаменитых батыров и воинов, призывая на помощь их дух. Только в исступлении, идя на смерть, позволено воинам выкрикивать эти святыя для степняков имена» [2, с.313] – деп «аруақ» сөзінің мағынасын тереңірек ашып оны аудармадағы мәтінге қосқан. Бұл мәтін қазақ тіліндегі түпнұсқасында жоқ. Өзге тілді аудиторияның бұл сөздердің мағынасын түсініп қабылдауын жақсарту үшін шығармашылық түзетулер енгізген.

Ілияс Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясын Морис Симашко орыс тіліне аударғанда, ол жай ғана мәтінді емес, қазақ мемлекеттілігі мен рухының кодын көшірді. Ол аударма барысында қазақ хандығының қалыптасу кезеңіндегі тарихи кодтарды (билік институты, хандар мен билердің рөлі) орыс тілінде дәл беруге тырысты. Аудармада «хан» сөзі сол күйінде қалдырылып, оның айналасындағы кеңесу мәдениеті «құрылтай» ерекше мәнге ие болды: «Кто осмелился назвать себя ханом, не будучи избранным специальным курултаем, тому – смерть» [2,

с.11]. Орыс әдебиетіндегі «царь» түсінігінен бөлек, ол ханды «ел бастаушы» ретінде көрсетті. Ол қазақтың төл ұғымдарын орысша баламамен (мысалы, ханды – царь, биді – судья деп) өзгертпеді. Өйткені «судья» сөзі қазақ биінің қоғамдағы рөлін толық ашпайды.

Сонымен қатар, Симашко қазақ болмысына тән ұғымдарды орысша баламасымен ауыстырмай, сол күйінде қалдырды. Мысалы: «аул», «султан», «батыр», «беркут», деген үйреншікті сөздерден бөлек, ол «бий», «аксакал», «акын», «жырау» «кумыс», «шанрак», «тундик» сияқты сөздерді мәтінге батыл енгізді. Бұл оқырманды жат ортаға емес, нағыз көшпенділер әлеміне енгізу үшін жасалған «этнографиялық код» деуге болады.

Романдағы кейіпкерлердің тегін, руын, жеті атасын талдау да – қазақтың басты мәдени кодтарының бірі. Симашко аудармасында «ру», «жүз», «сүйек» ұғымдары жай ғана этнографиялық терминдер емес, адамның қоғамдағы орнын анықтайтын әлеуметтік код ретінде қызмет етеді. Бұл оқырманға қазақ қоғамының ішкі байланыс жүйесін түсінуге мүмкіндік берді. «Опору Синей Орды и правую руку Абулхаира представляют кипчаки, а Джаныбек с Кереем опираются на степное племя аргынов. И идут с ними стремя в стремя роды конрад, найман, керей, уак, таракты. Трудно не считаться с такой силой...» [2, с.14-15].

Сонымен қатар, тарихи трилогияда Шыңғыс ханның ұрпақтары (сұлтандар, хандар) мен қарапайым көшпенділер немесе батырлар арасындағы қарым-қатынасты көрсететін: «Да, что не говори, а Джанибек и Керей – султаны, белая кость» [2, с.117] – деген сөйлемдегі «ақ сүйек» ұғымын Симашко орыс тіліне тікелей «белая кость» деп аударып, оның қазақ қоғамындағы мемлекеттік биліктің басқару иерархиясын анықтайтын қатаң әлеуметтік сипатын сақтайды.

Жоғарыда аталған аударманың ұтымды тұстарымен қатар кемшін тұстарын да атап өтуді жөн көрдік. Ілияс Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясының «Алмас қылыш» кітабының алғашқы беттерінде кездесетін төмендегі мәтін: «Әбілқайыр тағы күрсінді. Кенет оның көз алдында, дәл бүгінгідей, сонау бір бабалар жыр қылған қанды оқиғалар елестей жөнелді.

Бір мың екі жүз отыз бесінші жылы, яғни Мешін жылы, Қарақұрымға бағынышты елге жар салып Үгедей бүкіл Шыңғыс ұрпағын жиды. Осы құрылтайда бүкіл Батысты жаулап алу мәселесі шешілді...

Сол бір жыл күн тұтылған бір мың екі жүз отыз алтыншы жылы еді ғой. Батухан бастаған қалың қол жаздың аяқ кезінде Еділ бойындағы бұлғарлардың астанасын алды. Үш жылдың ішінде Бату әскері Рязань, Владимир, Суздаль, Киевті шауып Батысқа жол ашылды. Қан судай ақты. Жанған қала, жылаған бала. “Шыңғысхан!”, “Батухан!”, “Сүбітай баһадур!” аттары әлемді түршіктірді. Бату әскерінің алдында Европа мемлекеттерінің бай өлкелері қалды. Монғолдың ақтангер тапал жылқысының тұяғы енді Польша, чехтар мен мадиярлардың жерін басты. Алдарынан Адриат теңізінің жағасын жайлаған тағы славян елдері көрінді.

Батухан ол араларға да жетер ме еді, қайтер еді, дәл осы кезде яғни бір мың екі жүз қырық бірінші, Доңыз жылы ұлы хан Үгедей өлді деген хабар келді. Бату кейін қайтты. Бөтен елдерді алу қуанышынан Қарақұрымдағы Шыңғыс тағына кімнің отыру қаупі күшті болды» [3, 6-7 б.] – деп аяқталатын оқиға Симашконың аудармасында мүлдем жоқ. Бұл аударманың кеңес заманында аударылғанын ескерсек, мәтін қызыл империяның саясатына оңтайландырылып өзгертілуі мүмкін. Себебі, дәл осы оқиғаларда Шыңғыс ханның ұрпағы Батудың Батыс пен Ресей жерлерін жаулап алғаны баяндалған болатын.

Сонымен қатар, түпнұсқа мен аудармада жылдардың айырмашылығы кездеседі. Түпнұсқада: «Иә, иә, Күйік өлгеннен төрт жылдан кейін, Батуханның өзі де дүние салды» [3, 8 б.] делінсе, аудармада «Лишь на восемь лет пережил Гуюк-хана сам Батый» [2, с.13] – деген айырмашылықтар бар.

Морис Симашконың бұл аудармасы «авторизованный перевод» деп берілгенін ескерсек, әдебиеттану терминдерінің сөздігінде «авторландырылған аударма» дегеніміз – бұл түпнұсқа мәтін авторының келісімімен жасалған және ол мақұлдаған аударма; көркемдік немесе өзге де тұрғыдан қажетті шығармашылық өзгерістер енгізілген, сондай-ақ аудармашыға әдеби еңбектің белгілі бір дәрежеде (ішінара болса да) тең

авторы болуына мүмкіндік беретін аударма» [4] – деп түсініктеме берілген.

Қорыта айтатын болсақ, Морис Симашко «Көшпенділерді» аудару арқылы қазақ тарихын орыс тілді кеңістікке экзотика ретінде емес, терең философиясы мен мемлекеттік дәстүрі бар өркениет ретінде енгізді. Ол түпнұсқадағы «қазақы рухты» сақтау үшін тілдік баламаларды өте ұқыпты таңдады. Ол қазақтың сөйлеу манерін, шешендігін, тіпті паузаларын орыс тілінде жеткізе алды. Оның аудармасын оқығанда орыс тілді оқырман өзін орыс романын оқып отырғандай емес, қазақ даласында жүргендей сезінеді.

Мақаланың мақсаты – аударма мәтініндегі мәдени кодтардың берілу ерекшеліктерін айқындап, Симашконың «мәдени аударма» концепциясын қалай жүзеге асырғанын талдау болған еді. Бұл тарихи трилогияның аудармасы терең талдауды, зерттеуді қажет ететін зерттеу нысаны болып табылады. Түпнұсқа мен аудармадан кейбір өзгерістер мен айырмашылықтарды да кездестіргендіктен, Симашко кей тұстарда мәтінді емес, контексті аударған деуге болады.

Әдебиеттанушы-ғалым, Морис Симашконың шығармашылығын зерттеуші С.В. Ананьева өзінің зерттеуінде: «Морис Симашко – великолепный переводчик и тонкий стилист прекрасно понимает важность научного подхода к проблемам художественного перевода и продумывает его оптимальные пути» [5, с.89] – деп М. Симашконы мықты аудармашы әрі талғампаз стилист деп жоғары баға береді. Яғни, бұдан Морис Симашко мәтіннің стиліне, сөз қолданысына өте жоғары талғаммен, мұқият қарайтын адам екенін көреміз. Симашко жай ғана көркем сөз аудармашысы емес, ол қиыннан қиыстырып жол тауып аударманың сапалы шығуына үлкен еңбек сіңірген жазушы.

Симашко жай ғана сөздерді аударып қоймай, қазақ халқының болмысын, тарихын және Шығыс мәдениетінің терең философиясын орыс тілді оқырманға дәл жеткізе білген. Соның арқасында «Көшпенділер» әлемдік деңгейдегі классикалық туынды ретінде қабылданды. Симашко аудармалары арқылы көптеген қазақы ұғымдар орыс тілі мен әлемдік әдеби айналымға термин ретінде енді. Морис Симашко қазақ

әдебиетінің «жабық» мәтіннен әлемдік деңгейдегі «ашық» мәтінге айналуына, оның мәдени кодтарын шетелдік оқырманның «оқуына» мүмкіндік берді.

Әдебиеттер:

1. Баркибаева Р. Перевод как средство сближения культур и народов // Морис Симашко. Вторые международные литературные чтения. – Алматы: Vesta, 2022. – 270 с.
2. Есенберлин И. Кочевники: Историческая трилогия / Перевод с казахского М. Симашко. – Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 672 с.
3. Есенберлин И. «Көшпенділер» трилогиясы. – Алматы: Книжный клуб баспасы, 2021. – 792 б.
4. Словарь литературоведческих терминов // <https://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/avtorizovanniy-perevod/?q=458&n=457>
5. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: ЖК, 2014. – 220 с.

**КАЛИЕВА АЛЬМИРА
АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА**

**Концептуальные взгляды и авторские стратегии
К.И. Сатпаева и М.Д. Симашко**

До возникновения получившего в последние годы широкого распространения когнитивного литературоведения при изучении мирового литературного процесса применяли понятийный аппарат когнитивной психологии и теорий искусственного интеллекта. В диахроническом аспекте на основе когнитивистики, компаративистики и сопоставительной концептологии исследуются факты, крупные явления современного мирового литературного процесса. Когнитивный подход к изучению художественной литературы сосредоточен на переосмыслении научной базы литературоведения путем актуализации междисциплинарного исследования, выявления инновационных методов и технологий анализа художественного текста, выстраивания качественно новых концептуальных взглядов на художественную поэтику в целом.

Но литературные тексты и литературные источники имеют более широкое применение. Как известно, Народный писатель

Казахстана М. Симашко увлекался историей, раскопками, исследованием древних цивилизаций. В «Четвертом Риме» он пишет о том, что история обступила его со всех сторон. Время преломлялось через призму современной жизни.

Известный археолог М.Е. Масон, автор книги «Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви» (1930), изучал Тараз и Сайрам, раскапывал Нису и Мервское городище. Именно он обратил внимание М. Симашко на вышивку на шароварах работающей в поле женщины: «Она в точности повторяла орнамент древнего парфянского хума, только что откопанного с пятиметровой глубины. Сухой воздух пустыни способствовал сохранению не только камней, но и традиций» [1, с.53]. В Парфянской Нисе найдены знаменитые фигурные ритоны, крылатый сфинкс и парфянская Венера греческой традиции, но с туранскими чертами.

Научные труды, дневники исследователей, посетивших Казахстан в составе экспедиций, оказывают существенную помощь ученым разных областей науки. Так, в статье «О некоторых специфических особенностях геологии медистых песчаников Атбасар-Терсакканского района» первого президента Академии наук Казахстана, геолога с мировым именем Каныша Иммантаевича Сатпаева упоминаются первые литературные сведения о медистых песчаниках в «Дневных записках» капитана Рычкова [2, с.174]. Это первые литературные сведения о рудопроявлениях, и относятся они к XVIII веку. Книга «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргизкайсацкой степи 1771 году» была издана в Санкт-Петербурге Императорской академией наук в 1772 году.

Привлекают внимание К.И. Сатпаева гигантские работы по преобразованию природы. Статья К.И. Сатпаева так и называется «Великий план покорения пустынь»: «Строительство Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций, Главного Туркменского канала, сооружение Каховской ГЭС на Днепре, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов по грандиозности масштабов планового преобразования природы превосходят все, что знала история человечества» [3, с.671].

Интересны воспоминания М. Симашко о его поездках на строительство Главного Туркменского канала: «При мне прорыли в Тахиаташе первых восемь километров обводного канала,

чтобы заложить на Амударье фундамент будущей ГЭС. А начальник строительства – генерал-майор госбезопасности Семен Константинович Калижнюк прямо сказал мне, что канал этот – утопия. Я был в затруднении, что мне писать» [4, с.42].

Будучи в те годы корреспондентом газеты «Туркменская искра», М. Симашко повествует в «Четвертом Риме»: «А пока что разворачивалось строительство. При мне отгородили колючей проволокой большой участок Каракумов, поставили вышки, привезли служебных собак. А затем и первую партию заключенных. Человек четыреста их сидело при свете прожекторов ровным черным прямоугольником. Прямо на песке. Через много лет известный казахский писатель Ильяс Есенберлин рассказывал мне, что как раз он и находился в той партии заключенных» [4, с.43].

Вопросы развития литературы, языкознания и искусства были в центре научных интересов академика К.И. Сатпаева, который называет исследователей казахского фольклора В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, А.А. Диваева и других. С созданием в структуре Казахского филиала Академии наук Сектора языка и литературы, реорганизованного в Институт языка и литературы АН КазССР, работа по изучению проблем теории и истории казахской литературы стала планомерной.

Безусловно, разные аспекты эволюции научного знания в Казахстане привлекали внимание М. Симашко, отец которого член-корреспондент АН КазССР Давид Лазаревич Шамис был известным микробиологом и вирусологом, основателем и первым директором Института микробиологии вирусологии Академии наук Казахстана.

В статье К.И. Сатпаева «Наука раскрывает богатства Казахстана», впервые опубликованной в газете «Известия» 30 декабря 1956 года, читаем: «Приятно отметить и тот факт, что в нынешнем году значительно расширилась сеть научных учреждений Академии наук республики. В составе Академии наук организованы Институт нефти и Институт микробиологии и вирусологии» [5, с.797].

Сам писатель наиболее подробно написал об отце в очерке «Писание по Бондарю»: «... крупный микробиолог, ученик Н.Ф. Гамалеи, работал заведующим кафедрой и ученым секретарем Одесского государственного университета имени Ильи Ильича

Мечникова, читал лекции по-украински, но в соответствии все с той же вехотворческой политикой случилось как-то вдруг, что он стал не нужен украинской науке. Зато он сделался организатором микробиологической науки в Казахстане, создал академический институт, десять лет был его директором. Разработанное им с учениками микробиологическое силосование кормов сыграло свою роль в освоении Целины и получило признание в США и Канаде» [6, с.455].

Краем великих возможностей называл Казахстан К.И. Сатпаев, подчеркивая, что в республике созданы необходимые условия для дальнейшего развития научных исследований. Казахстан – сокровищница неисчерпаемых минеральных ресурсов, «разведаны мощные месторождения угля, нефти, железа, меди, свинца, цинка, вольфрама, молибдена, хрома, ванадия, марганца, титана, калийных солей, фосфоритов, редких и рассеянных металлов, имеющих исключительное значение для современной техники» (сказано было с трибуны XX съезда КПСС. – А.К., С.А.) [7, с.789].

В тайны древних цивилизаций проникал М. Симашко – автор исторических романов и повестей. К.И. Сатпаев гордился ролью науки в разгадке тайн Вселенной, о которой давно мечтали лучшие умы человечества. «Великий русский ученый К.Э. Циолковский впервые создал эскизы ракетного снаряда принципиально нового типа двигателя, который способен преодолеть силы земного притяжения и обеспечить полеты в мировое пространство» [8, с.396].

Глубоко символично, что одна из последних встреч М.Д. Симашко с научной и культурной общественностью Алматы состоялась в Доме ученых Национальной академии наук. Запад и Восток как некая общность, их взаимосвязь и взаимозависимость, вопросы писательского мастерства были в центре научных дискуссий. Участников встречи интересовала история социальных и культурных движений Востока, художественно отображенная в романах и повестях писателя «Маздак», «Искушение Дабира», «Емшан», «Хадж Хайяма» и других.

Морис Давидович говорил о своем творчестве, отвечал на вопросы, делился планами... Многие стремились лично поговорить с писателем, выразить свое мнение о его романах и пове-

стях. Присутствующие вновь убедились в важности и необходимости подобных встреч для творческой интеллигенции. Они согревают своей удивительной атмосферой, дарят радость общения, устанавливают живые, творческие контакты между писателем и его читателями.

Народный писатель Казахстана, вице-президент Казахского ПЕН-клуба, член Национального совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан М. Симашко «убедительно выражает свое мироощущение, свой взгляд на жизнь, исторический процесс как в системе созданных им художественных образов, так и непосредственно через авторскую позицию. В его творчестве ярко воплотилась идея о духовно-интеллектуальной общности лучших представителей казахского и русского народов, независимо от их классовой и национальной принадлежности (“Колокол”, “Комиссар Джангильдин”))» [9, с.174].

М. Симашко, по мнению его друга и единомышленника, доктора филологических наук, профессора, лауреата Государственной премии Республики Казахстан Шериаздана Рустемовича Елеукенова – в одном ряду с Александром Затаевичем и Евгением Брусиловским.

Начиналась профессиональная деятельность Мориса Давидовича Симашко с педагогики. Выпускник Одесского учительского института по специальности – преподаватель русского языка и литературы работал учителем в селе Большое Плоское Великомихайловского района Одесской области. Затем завучем сельской школы на Украине и в г. Мары (Туркмения). «Одесский университет и оба института обосновались в туркменском городке Байрам-Али (старый Мерв), где им предоставили фундаментальное здание бывшего сельхозтехникума со всеми службами. Отец с семьей получил отдельную комнату, и это было неслыханное везение. Я, поскольку не имел законченного среднего образования, поступил в двухгодичный учительский институт на отделение русского языка и литературы» [4, с.31], – рассказывает о себе писатель в «Четвертом Риме».

И далее: «В Марыйской школе рабочей молодежи я преподавал русский язык и литературу. То ли сержантская хватка у меня была, то ли что другое, но ученики, во многом великовозрастная и разно национальная блатная шпана (их называли

“вечерняя молодежь”), меня слушались» [4, с.33]. Читал лекции по истории СССР, по психологии и педагогике в русских группах Марыйского женского учительского института. С отличием завершил обучение заочно на факультете журналистики Казахского государственного университета.

Профессиональными качествами настоящих педагогов называл К.И. Сатпаев душевную бодрость, активность, оптимизм, веру в людей. «Без них просто невозможно работать и вести детей от незнания к знанию, от забав детства к гражданским идеалам. Пусть ваши питомцы, – напутствовал учителей перед началом учебного года К.И. Сатпаев, – растут такими же человечными, скромными и отважными, как известные всему миру молодые советские герои – космонавты. И путь их тот же – к звездам!» [10, с.645].

Таким образом, авторские стратегии геолога К.И. Сатпаева и писателя М.Д. Симашко имеют свои социокультурные причины проявления стиля (научного у К.И. Сатпаева и художественного у М. Симашко) и направлены на поиск разнообразных «текстовых плоскостей», что, безусловно, обогащает новейшие стратегии научных исследований в аспекте когнитивистики, компаративистики и сопоставительной концептологии.

Литература:

1. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.5-58
2. Сатпаев К.И. О некоторых специфических особенностях геологии медистых песчаников Атбасар-Терсакканского района // Каныш. Полное академическое собрание трудов. Т.IV. – Алматы: Полиграфкомбинат, 2024. – С.174-196
3. Сатпаев К.И. Великий план покорения пустынь // Каныш. Полное академическое собрание трудов. Т.IV. – Алматы: Полиграфкомбинат, 2024. – С.671-674
4. Симашко М. Четвертый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. – 308 с.
5. Сатпаев К.И. Наука раскрывает богатства Казахстана // Каныш. Полное академическое собрание трудов. Т.IV. – Алматы: Полиграфкомбинат, 2024. – С.797
6. Симашко М. Писание по Бондарю // Симашко М. Избранное в 3-х томах. Т.3. – Алматы: Жазушы, 1993. – С.446-455
7. Сатпаев К.И. Наука в борьбе за развитие производительных сил Казахстана // Каныш. Полное академическое собрание трудов. Т.IV. – Алматы: Полиграфкомбинат, 2024. – С.789-793

8. Сатпаев К.И. С чувством гордости за нашу Родину // Каныш. Полное академическое собрание трудов. Т.V. – Алматы: Полиграфкомбинат, 2024. – С.396
9. Ананьева С. Встреча в Доме ученых // Ананьева С. Встречи, которые выбрали нас. – Алматы: Школа XXI века, 2004. – С.174
10. Сатпаев К.И. Их путь – к звездам! Каныш. Полное академическое собрание трудов. Т.V. – Алматы: Полиграфкомбинат, 2024. – С.643-645

КАРЛЮКЕВИЧ АЛЕКСАНДР АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА

Мир без границ в творчестве Исаака Иткинда и Мориса Симашко

Идея взаимодействия искусств остается приоритетной и отражена в формуле «*interart / interarts*», в понятии «всемирное искусство» («*Weltkunst*») [1, с.17], введенном Н. Луманом в 1990 году по аналогии с понятием «*Weltliteratur*» Гете [2, с.118].

Модель мира без границ, иллюзия «двойной родины» встраиваются в единую культурно-географическую парадигму, что демонстрирует творчество многих писателей, скульпторов, художников.

В XX веке «с возникновением семиотики как самостоятельной дисциплины открылись новые возможности неметафорического подхода к языкам нелитературных видов искусства и их влиянию на литературный код модернизма...<...> ... Современные теории текста позволяют уточнить метатекстуальный характер художественного кода модернизма, сопоставить традиционалистский литературный код, который опирается на принцип линейности и связности текста, с модернистической новой художественной моделью мира» [3, с.121-122].

Расширяются границы современного текста. Национальное явление «является сложнейшим сплавом разных культур и взаимовлияний. Объект теории культурного трансфера – изучение культурных и национальных составляющих тех феноменов, без которых невозможно изучение культуры: нация, гражданин, патриотизм, образование, просвещение, цивилизация» [4].

Наше внимание привлекли фигура и творчество И. Иткинда, и восприятие образа скульптора в «Литературных сюжетах» М. Симашко.

В этом году исполняется 155 лет со дня рождения неподалеку от Сморгони, примечательного городка на Гродненщине, И. Иткинда. Белорусского скульптора сравнивают с Ван Гогом, Модильяни и многими из легендарных художников и скульпторов. В 1930-е годы его называли в одной тройке с великими русскими мастерами деревянной скульптуры – С. Коненковым («русский Роден» жил в то время в США) и С. Эрзьей (он в 1927 – 1950-е жил в Аргентине, а сегодня в Москве работает культурный центр «Эрзя-центр»).

Звал в Америку И. Иткинда брат президента Рузвельта, впечатленный тем, как дерево способно отобразить характеры, существо художественных образов.

В 1937 году к 100-летию со дня смерти А. Пушкина И. Иткинд создал одну из своих самых знаменитых скульптур «Умиравший Пушкин». «Слава вознесла художника к новым вершинам. Но и привела к трагедии. Его арестовали, обвинили в продаже или передаче секретов о Балтийском флоте японской разведке. Почему о Балтийском флоте? И почему японской, а не германской? Об этом можно только догадываться», – пишет А. Карлюкевич [5].

Новая страница в биографии И. Иткинда, человека, одаренного великим талантом, началась в Казахстане.

Любимым материалом скульптора становится дерево. До 1917 года, который перевернул и социальный уклад, и художественное сознание, творца из белорусской глубинки заметили по работам «Горький смех», «Сумасшедший», «Моралист». Творчество сморгонца привлекло внимание и пролетарского писателя М. Горького, который требовал от полицмейстера разрешение на проживание скульптора в столице. В 1918 году он посодействовал проведению в Петрограде персональной выставки Иткинда. Вниманию зрителей были представлены 42 скульптуры. С того времени сохранилось только три произведения: «Мой отец», «Горбатый», «Мелодия». В разных источниках упоминается, что Иткинд – автор нескольких сотен, даже тысяч скульптур. Сохранилось до нашего времени только 50 из них.

Именно М. Шагал в Малаховке сказал Иткинду о достигнутых им высотах: «Твоя скульптура, Исаак, взошла на гималайскую вершину – вершину движения духа. Она витает, она очаровывает. У тебя получается соединить в единое пластическое и поэтическое. Фактура дерева у тебя звучит как музыка. Я всем говорю: Иткинд – это Ван Гог в скульптуре!».

Скульптор создает работы «Ленин» и другие, скульптурные портреты Ф. Ласалья, К. Маркса, Ф. Энгельса, три портрета А. Пушкина. Проявляет себя и как уникальный рассказчик. В восторг от его рассказов приходят В. Маяковский, Вс. Мейерхольд, С. Есенин. Создает немало прозаических произведений, к сожалению, несохранившихся. Лишь в 1934 году А. Толстой опубликовал несколько произведений И. Иткинда в литературном журнале «Звезда».

В 1937 году – арест и высылка. Все посчитали, что жизнь художника завершилась, что он умер в одном из лагерей. Называлась конкретная дата – 1938 год... Так считали до 1944 года. 1938 годом отметили год смерти в подписях к его скульптурам и в биографической, искусствоведческой литературе.

А И. Иткинд с 1938 года жил в селе Зеренда (административный центр Зерендинского района Акмолинской области Казахстана, за 45 км от областного центра – Кокшетау). Скульптор по мере возможностей и сил (а было ему уже давно за семьдесят!) работал как художник, как мастер. Исполнил скульптурные портреты «Абай», «Акын Джамбул», «Амангельды» и другие. Никто в его окружении не знал, что «казахскую» тему разрабатывает не просто политический узник, дикий старик-колдун, который живет в землянке, питается корешками, а всемирно известный скульптор.

В 1944 году И. Иткинда случайно «нашел» алматинский художник Н. Мухин. Помочь, правда, чем-то конкретным по возвращению скульптора к занятиям искусством тогда не удалось. Иткинд считался «врагом народа». Но Мухин помогал деньгами, рассказывал тем, кому мог довериться, о том, что Иткинд, которого хорошо знали в 1920 – 1930-е годы, живет в Зеренде.

Только через 12 лет, в 1956-м, зрелого возраста скульптор переезжает в Алма-Ату. Устраивается на работу в Алматинский государственный театр. Днем рисует декорации, ночами

вырезает из дерева скульптуры в подвале театра. Через два года, в 1958-м, молодой художник театра решил заглянуть в подвал, где и нашел портреты и композиции, которые позже стали знаменитыми: «Поль Робсон», «Дерево – мыслитель», «Смеющийся старик», «Паганини», «Моцарт»... О мастере стали писать в печати. Его приглашали к участию в выставках.

В «Казахстанской правде» 19 декабря 1958 года писатель А. Алданов-Семенов, бывший узник сталинских лагерей, написал об Иткинде такие прочувственные слова: «...жили и всегда будут жить на земле люди, создающие вокруг себя атмосферу доброжелательства, активной деятельности и сердечного внимания».

В записных книжках Алданова-Семенова сохранились высказывания Иткинда. Приведем некоторые из них: «Мои седины не позволяют мне изменять правде»; «Я хочу, чтобы каждый человек сам догадывался безо всяких подсказок по моим работам, что это “Поэт”, это “Музыкант”, это “Мыслитель”, это “Пророк”; «Мастерства, глубины не хватает нашему брату»; «Слава – временный успех на бирже жизни».

Ю. Домбровский в книге «Факел» напишет: «Я боюсь, я очень боюсь, что скоро начнут появляться воспоминания про Иткинда, про то, что он говорил об искусстве, о мастерстве художника, о его роли в общественной жизни. Исаак Яковлевич точно был многословен, он очень любил заводить знакомства, разговаривать с людьми, гулять с ними, обедать с ними, рассказывать о себе, пересказывать свои рассказы, но вот об искусстве он никогда ни с кем не говорил. Он, вероятно, оказался бы в серьезном затруднении, если бы его спросили, что такое, по его мнению, искусство, или заставили рассказать о его творческом методе. Он просто работал и все, и работал споро, самоотверженно и всегда с удовольствием, весело...».

Портрет скульптора И. Иткинда запечатлел М. Симашко. В самом начале очерка «Посещение мастера» найдены два самых близких слова о первом впечатлении от встречи: «...Из темных дверей маленького камышитового дома является вдруг патриарх и некий бог». Далее следует развернутое повествование: «Он мал ростом и крепок, необыкновенной, сказочной белизны волосы, окаймляющие лицо, ниспадают на какую-то кофту. И сияющие, обнимающие мир глаза» [6, с.472].

Портрет воссоздается по памяти от первой, удивительной встречи... Автор возвращается в иное время. Прошли годы или десятилетия. На длительный отрезок времени указывает повествователь: *я потом читал...*

Прозаик доверяет первому впечатлению от встречи: «Я потом читал, что они у него темные или даже зеленовато-желтые, но они явно голубые как небо, мудрое прощение всему живущему и радость жизни в них, глаза творца». Бог творчества – «маленький старик в стоптанных суконных тапочках, с вымазанными глиной руками... Сразу было видно, что ему лет сто, но крепкие, совсем молодые руки, лицо без видимых морщин и эта особая белизна волос говорили о некоем другом счете во времени» [6, с.472].

Еще одно невероятное потрясение: речь скульптора, это даже не акцент. «Это совершенно невероятное нагромождение польских, литовских, еврейских и каких-то еще неизвестных говоров, сцепленных русской стилистикой в некий абстракционистский порядок, и, тем не менее, все понятно» [6, с.473]. Причудливое смешение языков, говоров, слов продолжается.

Хозяин внимательно изучает своих гостей. Роли сменились. С мгновенной зоркостью он высвечивает каждого из пришедших «своими сияющими глазами». *Обнимающие мир* глаза, *сияющие* глаза, *полные неведомой* нам жизни – так восторженно подобраны определения. «Изумленно и влюбленно» смотрит на скульптора «крупными и близорукими, цвета зеленой сливы глазами», Иван Шухов, линейный казак Войска Ермака.

Другое в этом очерке выступает как «инонациональное и инокультурное» [7, с.16]. Интересно решена важная для имагологии проблема (и категория) идентичности. Национальная и культурная идентичности объединены в «этнокультурную идентичность» (Дм. Наливайко).

Вильно – Петербург – Москва... Российская семья художников приняла уже зрелого человека, посещающего уроки в художественном училище. О необыкновенном таланте скульптора-самоучки пишут газеты.

В небольшом очерке М. Симашко ретроспективно разворачивается жизнь героя. «Радостные и скорбные лики из темных корней виленского леса появляются на выставках в Петербурге,

Москве, Вене, Берлине, Венеции. В Париже выходит почтовая открытка “Скульптор И.Я. Иткинд за работой”» [6, с.476]. Дерево *живое*, источает *накопленное солнце*... В его работах «добрые, навеки очарованные образы», «полные внутренней углубленности лики, выражавшие всечеловеческую скорбь и радость жизни» [6, с.477].

Автор очерка признается, что относится к тому поколению, «чья юность была наживо отрезана от музыки, театра, лунных вздохов, чистой постели и многого-многого еще. В том числе от живописи и ваяния. Тем невероятнее ощущение от посещения мастерской И. Иткинда, из всех углов строения невероятного («крыша частью из гофрированного железа, частью из фанеры с толем или просто содранной пластами коры деревьев. Стены из старых досок, автобусных дверей, ящиков с фруктовыми наклейками...») «смотрели, улыбались, радостно проявлялись человеческие чувства, в мудрой скорби сияла мысль, торжествовало творчество» [6, с.474].

Автор любит своего героя как большим и добрым ребенком. Непосредственность и доброе отношение к окружающим так и сквозят в каждом слове и жесте: «Он вот такой большой и добрый! – старик совсем по-детски привстает на носки и показывает величину Горького». «Слово “добрый” главное определение у него для человека, – уточняет М. Симашко, – других нет. Когда разговор заходит о плохих людях, он замолкает и недоуменно смотрит на нас. Для него все люди живые, даже те, кто умер полвека назад» [6, с.477].

Революция, В. Маяковский, С. Коненков, скульпторы Трубецкой и Голубкина. Он рассказывает увлеченно о работе над памятниками Лассалю из цикла «Гиганты Революции», о знаменитом «Красноармейце», работниках «Большевички». Собственная жизнь художника осмысливается в «Талмудисте», «Погроме», «Автопортрете в тубетейке». «Я слушаю его, – резюмирует М. Симашко, – и еще не знаю, что использую образ старого мастера в одном из своих романов» [6, с.477].

Так причудливо в повествовании переплетаются прошлое (то, что было с художником), настоящее (визит писателей к нему домой) и будущее («использую образ старого мастера в одном из своих романов»).

Через всю жизнь мастера проходит тема – А. Пушкин. «Пушкин-лицеист», «Бюст Пушкина», «Умиравший Пушкин» выставлены в Пушкинском музее, в Санкт-Петербурге. «Вечная загадка гения в таинственном и ясном, как природа, изгибе дубового корня». И совершенно другое восприятие С. Есенина: «Его по дереву нельзя стругать. Он, как ветки, листья!» – мастер вскакивает с места и расставляет руки, будто держит охапку цветов». Поэт – это целый мир.

И. Иткинд кажется автору очерка «неким чудом», полным вечной молодости, отличающей мастеров. Прощаются после посещения мастерской возле машины. Рядом с М. Симашко писатели И. Шухов, В. Новиков («кристальной души человек»), «мой друг критик, родом из слободки», вернувшийся после проведения профилактической беседы с соседом скульптора, чей сын, долговязый подросток, ночью отпилил скульптуре «Девочка, или Весна» нос, «победно сверкая очками» (Н. Ровенский. – *А.К., С.А.*)... Пейзажное описание вносит нотки умиротворенности. «В спокойном синем небе шелестит опадающая листва. Над желтеющими карагачами, пожухлыми яблочными садами, над заросшей полынью степью слышится осмысленный стук мастера», который двумя минутами ранее «едва уловимым движением поворачивает старую с выбитой ручкой стамеску, с известной только ему точностью ударяет два-три раза молоточком, снова поворачивает. И при этом разговаривает о чем-то с корнем векового карагача, поет» [6, с.480].

«Однако нашли торфяные души, и позже в мировых каталогах появилась двойная дата: Скульптор И.Я. Иткинд. 1871-1937». А мастер говорил, что в раю «будет много дерева, и он будет работать»...

Он же чуть не дожил до своего столетия в Алма-Ате. Искренне жалел «бедных духом» и так же искренне радовался жизни, глаза искрились лукавством. О мудром мастере и очерк получился мудрым, раскрывающим уникальность скульптора, его богатый внутренний мир, детское, открытое восприятие жизни, доверие к людям и стремление понять их.

Умер скульптор со Сморгонщины, Заслуженный деятель искусств Казахской ССР в 1969 году. Остались работы И. Иткинда, которые он любил дарить с отметкой: «Подарено автором

такому-то». В Государственном музее искусств Республики Казахстан имени А. Кастеева – «Сказ о мире», «Песня».

В Сморгони, в краеведческом музее развернута выставка «Известный и неизвестный скульптор Исаак Иткинд». Экспозицию, которая складывалась из 25-ти фотографий его уникальных работ, помогли оформить Русский музей (Санкт-Петербург), Всероссийский музей А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), Государственный музей искусств Республики Казахстан имени А. Кастеева (Алматы, Казахстан). На выставке представлены портреты писателей, певца Поля Робсона, лауреата Нобелевской премии в области мира (первой из женщин!) австралийской писательницы Берты фон Зутнер, скрипача Паганини, серия портретов казахов, скульптурные композиции «Долой войну!», «Лицо фашизма», «Освенцим», «Иткинд в аду».

Литература:

1. Махов А.Е. Руководство по компаративистике: теории, исследовательские области, научная практика // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение. – 2016. – №2. – С.7-21
2. Руководство по компаративистике: теории, исследовательские области, научная практика / Под редакцией Цимнера Р. и Хельтера А. – Штудгарт: Verlag, 2013. – 405 с.
3. Кротенко И.А. Литературная семиотика «художественного кода» модернизма // Modernism in Literature. Environment, Themes, Names. – Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2016. – P.121-122
4. Дмитриева Е.Е. Теория культурного трансфера и ее отношение к цивилизационно-культурному пограничью // Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры / литературы. Материалы конференции, Москва, ИМЛИ, 4-6 июня 2012 года / Отв. ред. Земсков В.Б.; научн. ред. Гирич Ю.Н. // Новые российские гуманитарные исследования: Электр. журн. – 30.07.2012
5. Карлюкевич А. Ван Гог из Сморгони: две жизни Исаака Иткинда // <https://times.by/news/van-gog-iz-smorgoni-dve-zhizni-isaaka-itkinda>
6. Симашко М. Посещение мастера // Симашко М. Избранное в трех томах. Том третий. – Алматы: Жазушы, 1993. – С.445-484
7. Наливайко Д. Актуальні проблеми структури й стратегії літературної імагології // Літературна компаративістика. Випуск IV. Імагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигма. Часть I. – Київ: Видавничий дім «Стилос», 2011. – С.4-60

Полет Мориса Симашко

В доме у моего старшего товарища, фронтовика, почетного гражданина Алматы и Алматинской области гвардии полковника Леонида Юзефовича Гирша (1924 – 2020) было немало книг казахстанских издательств. Многих авторов он знал лично и сам активно печатался – издавал поэтические сборники и публицистику. Бывало, он брал со стола какую-нибудь книгу и начинал рассказывать об авторе, о тех событиях, которые послужили основой для написания книги. И рассказы эти были очень живыми.

Особенно Леонид Юзефович любил делиться воспоминаниями о своем близком друге, писателе, историческом романисте Морисе Давидовиче Симашко. Они тесно общались около 40 лет, начиная с послевоенного времени и до 2000 года, когда М. Симашко ушел из жизни.

Леонид Юзефович с удовольствием вспоминал историю их знакомства. Оно произошло в Марыйском педагогическом институте, где заочно училось немало действующих офицеров. «После войны кадровых офицеров поощряли к получению высшего образования, ведь начиналась мирная жизнь и страна нуждалась в специалистах гражданских профессий. Да и офицеры нужны были образованные. Я поступил, стал учиться на историка. Но на учебу времени катастрофически не хватало, бывало, что приходил в институт неподготовленным, но как-то умудрялся сдавать зачеты и экзамены», – делился Л. Гирш.

К зачету по профильной дисциплине, истории, подготовиться также не получилось. Ситуация осложнялась тем, что к тому времени у студента Гирша образовалась приличная академическая задолженность, и, чтобы не быть отчисленным, ему надо было ликвидировать «хвосты».

Преподавателя Леонид Гирш толком и не знал, потому что занятия не посещал: не удавалось вырваться. Однако в назначенный день пошел сдавать зачет, понадеялся на военную смекалку.

«Прихожу в деканат и спрашиваю: “Кому сдавать-то?”. В ответ слышу: “Есть у нас такой преподаватель, Шамис, ему и

надо сдавать"... Захожу в аудиторию, вижу – сидит за столом худенький парень в перетянутой ремнем линиялой гимнастерке. Видно по всему – вчерашний фронтовик. Думаю, надо как-то начать разговор. Спросил его, откуда он родом. Выяснилось, что одессит, а я из Кировограда – фактически земляки. Разговорились. Проговорили немало времени. В конце он спрашивает: "А чего ты, собственно, приходишь?". Я достаю зачетку и говорю: "Да вот, понимаешь, зачет сдать". Мы оба рассмеялись, и он не задумываясь поставил мне зачет», – с улыбкой рассказывал Л. Гирш. С того времени между фронтовиками завязалась дружба.

Они были людьми разного темперамента: Гирш – деятельный, энергичный организатор, Симашко – рефлексирующий философ. Но оба прошли войну, оба любили и ценили подлинную литературу, оба отличались честностью в жизни и не терпели фальши. Это их объединяло. Кроме того, позже их связала Алма-Ата, в которую они, каждый по своим причинам, переехали из Туркменистана.

Гирш делился, что следил за успехами своего друга, который печатался под псевдонимом Симашко, а псевдоним этот не что иное, как перевернутая фамилия Шамис с добавленным окончанием «ко».

А еще Леонид Юзефович рассказывал, что нередко наблюдал, как его друг, подняв вверх голову, вслушивался в рокот пролетающих кукурузников. Над Мары их летало немало: там размещался крупный военный аэродром. «Он очень хорошо разбирался в самолетах, знал их летные характеристики, чувствовалась его любовь к авиации. Но подробно об этом предпочитал не говорить», – вспоминал Гирш.

Однажды я увидел на рабочем столе Леонида Юзефовича книгу Мориса Симашко «Гу-га», сказал, что читал эту повесть еще в 1990-е и с тех пор она в числе моих любимых произведений о войне. Также я заметил, что эта повесть стоит в стороне от остальной прозы автора, посвященной древней истории и Средним векам. В «Гу-га», на мой взгляд, было что-то особенное, создавалось ощущение, что события, рассказанные в ней, довелось пережить самому автору.

«Ты понимаешь, во время нашего общения с ним я всегда чувствовал, что в его душе скрывается какая-то боль, сильная,

глубокая. Даже иногда казалось, что он хочет ею поделиться, но что-то его останавливает. Он ничего не рассказывал, а я не настаивал, только смотрел, как он провожает взглядом пролетающие самолеты», – делился Л. Гирш.

Впоследствии Симашко все же доверил свою тайну. Правда, сначала – бумаге, написав повесть «Гу-га». Это автобиографическое произведение, в котором, по сути, впервые в литературе во всей полноте открывалась правда о штрафных подразделениях Великой Отечественной войны. Позже от самого М. Симашко мы, читатели, узнали, что он завершил повесть к 1982 году, пытался напечатать, но везде ему отказывали. В то время такая правда о войне была не нужна. Произведение удалось напечатать лишь с наступлением перестройки, во второй половине 1980-х.

В повести «Гу-га» рассказ ведется от лица Бориса Тираспольского, своеобразного альтер эго писателя. Молодого курсанта отправили в штрафную роту за самовольный полет на учебном самолете к любимой женщине в другую часть.

В составе штрафроты Борис и его товарищи оказались на передовой, в болотистой местности. Они пребывали в тяжелых условиях, постоянно находясь под угрозой смерти. Штрафники вели ожесточенные бои, пытались прорвать оборону противника.

Особенно запомнилась сцена атаки на вражеские доты. Штрафники использовали тактику устрашения, издавая пугающий клич «гу-га». Что же означает «гу-га»? Это не что иное, как переименованное «ура». Призыв к атаке помогал солдатам заглушить собственный страх и напугать врага, деморализовать его.

«Морис и был тем самым курсантом, который по сюжету отклонился на самолете от заданного направления, чтобы увидеться с любимой женщиной. Я хорошо знал Мориса, он был очень честным, искренним человеком, и, если он так поступил, значит, так надо было, значит, по-другому он не мог», – рассуждал Л. Гирш.

В том нашем разговоре Леонид Юзефович сравнил Мориса Симашко с французским летчиком и писателем Антуаном де Сент-Экзюпери. Жизнь того и другого была настоящим творческим полетом, позволявшим увидеть мир с высоты, но при этом остаться верным земным ценностям. «Когда книга была издана, я понял, почему он так смотрел на самолеты... В своей повести он

обо всем написал», – вспоминал Л. Гирш и добавлял, что в душе Морис всегда был романтиком. Мысленно тянул штурвал на себя и устремлял свой самолет ввысь. «И даже когда он перестал летать, то все равно благодаря писательской фантазии поднимался вверх. Это позволяло ему переноситься воображением в разные эпохи и писать исторические романы», – делился Гирш.

Я спрашивал Леонида Юзефовича о том, как М. Симашко оценивал фильм «Гу-га», снятый на Одесской киностудии режиссером Вилленом Новаком (1938 – 2026) вскоре после издания повести.

Леонид Юзефович охотно делился подробностями истории, связанной с фильмом. Начиная с того, что, как только вышла повесть М. Симашко, сразу две киностудии выразили желание ее экранизировать – «Ленфильм» и Одесская киностудия. И хотя «Ленфильм» обладал большими ресурсами, Симашко выбрал Одесскую киностудию.

«Он уже хотел было дать согласие “Ленфильму”, но тут поступила просьба из Одессы предоставить право на экранизацию им. Это его очень взволновало, ведь Морис – одессит и готовность “Одесской киностудии” снять фильм по его повести выглядела как привет с родины, как что-то очень близкое и очень важное для него», – рассказывал Гирш.

По воспоминаниям Леонида Юзефовича, уже к готовому фильму Симашко относился сдержанно, в частности потому, что в отличие от повести картина содержала натуралистические сцены. Тем не менее он считал ленту важной работой, раскрывающей трагическую правду о штрафных подразделениях, которая умалчивалась в советское время.

Мы обсуждали характеры персонажей повести и фильма, а также сюжетные линии. Л. Гирш считал, что фильм популяризировал творчество Симашко и отразил все главное, что есть в повести. Он одобрительно говорил об игре актеров, отмечал Андрея Толубеева, сыгравшего командира штрафроты «с человеческим лицом»; Алексея Волкова, правдоподобно воплотившего роль Бориса Тираспольского, к которому вдруг в разгар войны нагрянула юношеская любовь; и Веру Сотникову, сыгравшую ту самую возлюбленную Бориса – учительницу Тамару Николаевну,

жену офицера, которая оказалась не в силах противостоять нахлынувшему чувству.

«Понимаешь, Симашко описал романтическую историю с учительницей Тamarой Николаевной не только для того, чтобы в повести была лирика, а чтобы через красоту и женственность героини создать противовес войне, показать, какая война чудовищная, подлая штука. И, кажется, актрисе Сотниковой удалось передать то, что было заложено в повести», – рассуждал ветеран.

В наших разговорах Л. Гирш, порой, с сожалением говорил о том, что в последние годы жизни М. Симашко покинул родной Казахстан и переехал в Израиль – к семье. Там, к слову, он был востребован как литератор и активно печатался в русскоязычных периодических изданиях, которые в конце 1990-х выходили большими тиражами.

«Он, как и его герой, султан Бейбарс из повести “Емшан”, проделал путь из степей на Ближний Восток, и это было для него важно, он хотел ощутить ту землю, где жили его герои. Но при этом, переехав в Израиль, в душе он остался настоящим казахстанцем и очень скучал по Алматы», – был убежден Л. Гирш.

Незадолго до ухода из жизни М. Симашко прислал другу свой автобиографический роман «Четвертый Рим», который называл произведением всей своей жизни. В нем через историю своей семьи Симашко осмыслил ключевые события XX века.

Получив разрешение от семьи М. Симашко, Л. Гирш сделал все возможное и невозможное для того, чтобы «Четвертый Рим» был издан. Его усилия потребовали времени, но увенчались успехом – роман увидел свет и стал живым свидетельством эпохи, летописью, созданной настоящим знатоком истории, подлинным литератором и гуманистом.

Как-то, в преддверии очередных Чтений, я прочитал очерк «Отец» дочери писателя – журналиста, публициста Риммы Черненко, написанный специально для этого проекта. Она начала его с детского воспоминания о том, как вместе с отцом совершила полет на маленьком самолете.

«...Полет на самолете ПО-2 над городом Мары, центром военного округа в Туркменской ССР. Мне было четыре года, и я болела коклюшем. Тогда считалось, что для выздоровления ребенку необходим холодный воздух. Отец договорился со знако-

мыми военными об этом полете. В открытом самолете было всего два места: пилот сидел впереди за штурвалом, а отец со мной на коленях – сзади. Меня укутали в одеяло. Отец о чем-то говорил с пилотом, и тот спросил: “Откуда ты знаешь?”. Отец сказал, что летал здесь во время войны», – делилась Римма Черненко.

Этот эпизод освежил в моей памяти разговор с Л. Гиршем о повести «Гу-га», особенно сравнение автора с Экзюпери.

К слову, с легендарным французом М. Симашко сравнивал не только Гирш. Так, казахстанский литературовед, заведующий отделом критики журнала «Простор» Николай Ровенский (1926-1995) в своей литературоведческой публицистике отмечал, что писателей роднила «мудрая печаль».

Мне подумалось, что это сравнение и эта характеристика были очень точными. Да, они писали в разных жанрах, у каждого из них был свой уникальный творческий мир... Но оба в своем творчестве искали ответы на вопросы о долге, чести и месте человека в истории и превращали свой личный жизненный опыт в высокую философскую прозу, исполненную подлинным гуманизмом.

КРИВОЩАПОВА ТАТЬЯНА

Бродячие сюжеты в произведениях Мориса Симашко

Личность и творческое наследие Народного писателя Казахстана М. Симашко на протяжении конца XX – первой четверти XXI века продолжает оставаться в поле зрения историков литературы, журналистов, писателей нашей страны. Однако отдельные вопросы его творчества до настоящего времени продолжают оставаться малоизученными, в том числе и заявленная проблема бродячих сюжетов.

Бродячие (или вечные) сюжеты в литературе – устойчивые комплексы сюжетно-фабульных мотивов, составляющие основу произведения, которые переходят из одной литературной традиции в другую, а также обретающие новый художественный облик в зависимости от среды бытования. В их числе произведения о подвигах богатырей. Достаточно популярны и мифологи-

ческие тексты, в основу которых легли сюжеты, популярные в былинах и волшебных сказках. Распространены и бродячие сюжеты бытового характера о мачехе и падчерице, о глупцах, о женах-изменницах и так далее.

Применительно к творческому наследию М. Симашко принято говорить о вечных сюжетах, в первую очередь, связанных с судьбами Востока. Это цикл повестей, в который входят «Искушение Фраги», «Емшан» и «Хадж Хайяма». В Казахстане наиболее популярна повесть «Емшан», доминирующей в которой является проблема возвышения мамлюка от раба до султана Бейбарса [1]. Повесть имеет посвящение Олжасу Сулейменову, а эпиграфом служит первый стих из одноименного стихотворения А. Майкова «Степной травы пучок сухой..» [2, с.544]. Однако при ближайшем рассмотрении полного текста стихотворения и сравнения с повестью М. Симашко можно обнаружить ярко выраженные элементы совпадений на уровне образной системы и сюжетов.

Историкам литературы известно, что А. Майков создал стихотворение «Емшан» в 1874 году. Оно вошло в стихотворный цикл «Отзывы истории». Центральный образ произведения – емшан – душистое степное растение, скорее всего полынь. Жанровая природа этого произведения близка балладе, а в основе сюжета лежит предание из Галицко-Волынской летописи. Видимо, это и есть исходный источник сюжета, главными героями которого являются братья – половецкие ханы, бывшие в эпоху средневековья врагами Руси. Но поэт стремился через поэтически обработанный сюжет передать силу любви к своей Родине, которая заложена в каждом человеке на генетическом уровне.

Итак, А. Майков переработал текст летописного предания из документального материала в художественное сочинение, придав ему философское звучание. Поэт использует такой приём как глубокий психологизм. Представление о героях у нас складывается не через описание внешнего вида, а через эмоциональное воздействие, через раскрытие чувств, переживаний и эмоций:

И взял пучок травы степной
Тогда певец, и подал хану –
И смотрит хан – и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят:
Он – грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, –
Пучок травы целую, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне! –
Воскликнул. – Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван –
Отрок с немногую дружиной.

Минуя гору за горой,
Всё ждет он – скоро ль степь родная,
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

Согласно сюжету, на поиски брата Отрока хан Сырчан отправляет певца в надежде, что именно песни родного края напомнят ему о его земле. Посланнику дали и пучок емшана, который здесь не просто растение, а символ любви и преданности к отчему краю, символ исторической памяти.

Ему ты песен наших спой. –
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему – и он вернется.

А. Майков в подробностях описывал все, что предстало взору певца у хана Отрока: золотой шатёр, серебряная и золотая

утварь, рой прекрасных абхазянок. Сюжет построен так неслучайно. Таким образом автор описывает значимость того, от чего отказался герой ради своего наследия. И после всей этой роскоши трогательное повествование о вручении пучка емшана и возвращении «памяти». Эти строки передают глубокую горечь от разлуки с родной землёй. Чувства сильны настолько, что могучий и грозный правитель «пучок травы, целую, плачет».

Для реализации задуманной идеи А. Майкову удалось полностью раскрыть тему разлуки с родным краем и с близкими людьми. Автор показал, что каждый человек до конца жизни помнит об отчем доме, что в мыслях каждого есть что-то важное, что способно воскресить память. В этом произведении огромное значение придано обычному степному растению, запах которого вернул в чувства героя страстную любовь к родине: «Воскликнул: “Смерть в краю родном милей, чем слава на чужбине!”» [2].

Таким образом, роль эпиграфа к повести М. Симашко «Емшан» весьма значительна. Хотя ее главный герой султан Бейбарс, человек на вершине власти, но он рвёт с нею, ставя превыше всего родину. Любопытно, что писатель хорошо знаком с арабской историей средневекового Египта, именуемого в повести страной Миср, а в поле зрения автора находятся последние дни жизни султана.

Центральной в повести является история превращения мамлюка, бывшего раба, во всемогущего султана. Невольничий барак, корабельный трюм становятся истоком для возвышения на трон, где Бейбарс сохраняет свои привычки, приобретённые им в рабстве. Вечным сюжетом является философия истории, где прошлое – это своеобразное зеркало настоящего, а власть на фоне человеческих страстей остается неизменной во все времена. А основным вечным сюжетом в повести является своеобразное столкновение Востока и Запада, где в поле зрения поиск взаимопонимания между разными цивилизациями разворачивается на фоне Шелкового пути и степных просторов. Путешествие и возвращение к истокам является доминантным в «Емшане»: это мотив «возвращения домой» (по аналогии с Одиссеей) часто встречается в произведениях М. Симашко о кочевниках. Запах степной травы (емшана) становится тем триггером,

который запускает механизм памяти и возвращает героя к его истинной идентичности. А слово «көке» становится символом родного очага, Родины. Оно передаёт изменения внутреннего мира героя, показывает нарастание его духовной драмы. Бейбарс осознаёт, что главное для человека – обретение Родины.

Напомним, что в повести «Емшан» действие происходит во второй половине XIII века в стране Миср, а сюжет обращается к историческому периоду правления мамлюков кипчакского происхождения в Египте (1250-1382 гг.). Главный герой, султан Бейбарс Первый, благодаря личной отваге и мужеству, смог из раба, купленного на базаре в мамлюкское войско, стать султаном Египта.

В ряде других исторических романов и повестей М. Симашко акцентирует внимание на специфике природы власти и судьбе личности в истории («В песках Каракумов», «Искупление дабира», «Маздак») он исследует вечный сюжет противостояния поэта, ученого и правителя, а также цену, которую человек платит за участие в «большой игре» истории. Многие герои – странники, ученые и летописцы, которые через путешествия по Центральной Азии совершают духовный поиск, что отсылает нас к вечному сюжету «путешествия за знанием».

Столь же популярными являются сюжеты о вине, предательстве и последующем покаянии, которые проходят через многие произведения М. Симашко. Писатель достаточно активно использовал «бродячие сюжеты» (мировые мифологические, исторические и литературные мотивы) для осмысления власти, судьбы и истории Востока. Его тексты не просто пересказывают предания и легенды, а переосмысливают их через призму современности.

Так, в основе романа «Маздак» лежит исторический сюжет о древнеиранском реформаторе-утописте. Писатель исследует «вечную» тему революции, равенства и неизбежной тирании, которая следует за попыткой насильственного установления справедливости (сюжет о «мудром правителе» и «справедливом обществе»). Автор романа обращается к истории древнего утопического движения в Иране. Здесь прослеживается бродячий сюжет о поиске идеального государственного устройства, который неизбежно сталкивается с человеческой природой и насилием.

А повесть «Искупление дабира» посвящена жизни великого поэта и ученого Омара Хайяма. Автор также использует сюжет о противостоянии Личности и Системы, мудреца и властителя, характерный для многих мировых культур. В повести этот мотив реализуется через внутренний кризис героя, осознающего цену своих деяний. Сюжет о философе или поэте, который оказывается чужим в своем времени, – центральный для многих «восточных» повестей М. Симашко (например, о Хайяме или Фирдоуси). Это классическая драма непризнанного гения, вписанная в суровую иерархию восточного деспотизма. В «Искуплении дабира» речь идёт о событиях конца XI века в империи турок-сельджуков, одной из величайших держав мусульманского Востока. В отличие от романа «Маздак», в котором события растягиваются на десятилетия и охватывают всю Переднюю Азию, в «Искуплении дабира» действие происходит в городе Мерв, старой столице династии Сельджуков, в течение примерно пятидесяти дней в конце лета – начале осени 1092 года.

В центре повествования – борьба за власть и политические интриги при дворе султана Малик-шаха параллельно с деятельностью террористов-ассасинов, готовящих убийство великого вазира Низам аль-Мулька. Обращает на себя внимание структура произведения, которая выстроена как чередование внутренних монологов четырех главных действующих лиц: великого вазира Низам аль-Мулька; старого устада Наср Али – мастера цветов и одновременно руководителя подпольной ячейки террористов в Мерве; его молодого ученика Реза-шагирда и придворного имама Омара Хайяма. Каждая глава разбита на короткие подглавы. Таким образом текст подаётся плотно, но небольшими порциями, «по законам очень короткого рассказа».

В цикле «Повести Черных и Красных песков» содержится множество притчевых элементов и архетипических образов восточного фольклора.

Следует признать, что исследований о бродячих сюжетах в текстах М. Симашко немного. Однако есть сведения о некоторых произведениях писателя, в которых легенда и история тесно переплетаются. Творчество М. Симашко характеризуется глубоким интересом к истории Востока и переплетением исторических фактов с универсальными, «бродячими» сюжетами мировой

культуры. Писатель часто использовал мифологические и литературные архетипы, адаптируя их к восточному контексту.

Симашко не просто пересказывал классические сюжеты, а показывал, что за «бродячим сюжетом» всегда стоят реальные социальные процессы и психологическая правда. Он довольно часто опирался на восточный фольклор и эпос (например, мотивы «Шахнаме» в «Маздаке»), вписывая их в контекст мировой культуры. Его «бродячие» сюжеты лишены этнографической декоративности. Они служат инструментом для анализа философии истории и цикличности человеческих ошибок.

Если разобрать, как конкретный сюжет – например, противостояние мыслителя и тирана раскрывается в романе «Маздак», то в этом романе М. Симашко использует концепцию «бродячих сюжетов», переосмысливая исторические и мифологические архетипы через призму социально-философской драмы Ирана V–VI веков. Симашко не просто пересказывает хронику восстания маздакитов, а вписывает её в глобальный контекст повторяющихся человеческих сценариев.

Итак, М. Симашко сознательно сближает события Сасанидского Ирана с современными ему реалиями XX века, превращая исторический роман в философскую притчу о цикличности истории и опасности радикальных утопий.

Интриги соперников побуждают великого вазира Низам аль-Мулька – фактического правителя империи Сельджуков при безвольном султани Малик-шахе официально оставить свой пост. На самом деле он намерен удержать все нити правления в своих руках, будучи атабеком – воспитателем молодого султана с юных лет, а главное – самым опытным администратором в империи. На досуге великий вазир намерен выполнить своё давнее обещание султану – написать книгу об управлении государством, а тем временем осуществить свой главный план – подготовить поход против горной крепости Аламут, захваченной террористами-ассасинами во главе с Хасаном ибн Саббахом.

Великий вазир приступает к работе над книгой, рассчитывая написать её в течение пятидесяти дней, по главе ежедневно. Его мудрые и циничные советы по управлению великой державой облекает в изящную форму придворный поэт Магриби. Так рождается знаменитая книга «Сиасет-намэ». Сам Низам аль-Мульк лишен литературного таланта и вообще чувства прекрас-

ного. Его идеал – старательный писец (дабир), высшее удовольствие он находит в ежедневной и кропотливой чиновничьей работе. Великий вазир – сторонник строгого порядка и враг всякого свободомыслия. Он консервативен во всём и с недоверием относится к чужому легкомысленному поведению, будь то распутство любимой жены султана или ночные похождения придворного звездочета Омара Хайяма.

Но при этом Низам аль-Мульк искренне желает пользы государству, султану и народу. Он нередко снисходителен к подчиненным и способен на великодушие. Давно одинокий в своей большой и шумной семье, старый вазир с отеческой нежностью относится к молодому садовнику-шагирду, которого некогда спас от голодной смерти. Он не знает, что шагирд завербован ассасинами, уже давно и тщательно готовящими убийство великого вазира.

Шагирд Реза носит в себе воспоминания о страшных днях своего детства, когда от голода вымер весь квартал, в котором жила его семья, о бродячих собаках, которые на его глазах сожрали тела всех его родных и хотели загрызть его самого. Всегда мрачный и молчаливый, шагирд ненавидит весь мир и вспоминает о райских садах, в которых он однажды очутился, когда в горной крепости ему дали отведать конопли. По вечерам он посещает дом, где живет уstad Наср Али, мастер цветов, с которым шагирд общается как с собратом по профессии, а на самом деле как со своим куратором, выполняющим задания тайного братства ассасинов.

Мастер-устад собирает и передает в Аламут информацию, которую приносит ему шагирд из дворца султана, наставляет своего ученика и в то же время сам терзается сомнениями. Он принадлежит к поколению старых борцов за правду, стоявших у истоков движения. Уstad не одобряет методов террора, одурманивания молодых новобранцев наркотиками и имитацией райских наслаждений, для которых приглашаются жрицы любви из языческих храмов.

Итак, бродячие сюжеты – устойчивые комплексы сюжетно-фабульных мотивов, составляющие основу устного или письменного произведения, переходящие из одной страны в другую и меняющие свой художественный облик в зависимости

от новой среды своего бытования. В текстах М. Симашко встречаются как бродячие, так и вечные сюжеты.

Литература:

1. Симашко М. Маздак. – М.: Советский писатель, 1975.
2. Майков А. Сочинения в двух томах / Под общей редакцией Ф.Я. Приймы. Составление и подготовка текста Л.С. Гейро. Т.І. – М.: Правда, 1984.

**KUNDAKHBAYEVA ASEL
ANANYEVA SVETLANA**

**Symbolic Images in the Prose
of M. Simashko and Vl. Vladimirov**

M. Simashko and Vl. Vladimirov were contemporary writers connected not only by their creative friendship but also by shared interests, particularly their passion for aviation.

In *Return to the Origins*, dedicated to S. Muratbekov, Vl. Vladimirov writes about M. Simashko: «He recalled the war years. He said he had been a military fighter pilot. “Well, I’ll be damned – that’s how it turns out. Nothing but aviation!”. I silently said to myself. But I did not interrogate my neighbor Simashko about the techniques of performing complex and advanced aerobatic maneuvers—how each maneuver is executed in the sky or what movements of the control stick and rudder pedals are required. Moris Davidovich could have shown me» [1].

G. Belger described Vladimirov's enthusiasm in the following way: «He was also a glider pilot, an airplane pilot, and a parachutist with an official sports qualification (a side of him I can hardly imagine)».

M. Simashko's novella *Gu-Ga* [2], written in 1982, occupies a special place in the writer's creative biography. Unlike his historical works devoted to philosophers, rulers, and ancient civilizations, this novella has a distinctly autobiographical foundation. It is based on the author's experience of serving in a Soviet penal company during the Great Patriotic War. It is known that Simashko was assigned to a penal unit after changing the route of a training flight without authorization. For many years, the writer did not publicize this episode of

his life and only in his mature years transformed these experiences into literature.

The author does not seek to glorify war or create a romantic image of the front. War is presented as a space of extreme moral tension, where a person is confronted daily with decisions that determine not only their own fate but also the destinies of those around them.

The artistic structure of Simashko's novella is built not so much upon the development of an external plot as upon the revelation of profound symbolic meaning through the analysis of symbolic images.

VI. Vladimirov explores the causes of the emergence of Italian Fascism, which subsequently led to the rise of German Nazism and the struggle against it. Vladimirov consistently relied on precise dates and factual accuracy, a characteristic clearly evident throughout his works. The author demonstrates that fascism does not emerge suddenly. Rather, its development is associated with the gradual erosion of society's moral values, the individual's renunciation of personal responsibility, and voluntary submission to authority.

Vladimirov repeatedly emphasized that the principal foundation of his work is artistic truth. This approach brings him close to M. Simashko, for whom personal life experience served as the basis for an artistic exploration of his characters. In both authors' works, the system of symbolic images plays a particularly significant role. Symbolism enables the writers to transcend the boundaries of specific historical material and elevate their narratives to the level of philosophical reflection on history.

In Simashko's *Gu-Ga*, symbolism reveals the inner world of a person confronted with war. In Vladimirov's *Face to Face* [3], symbolic images help explain the mechanism by which society is transformed into an instrument of violence.

In Simashko's work, the principal symbols are the penal company, the swamp, and the road leading to the front line. These images emphasize the dehumanization of individuals during wartime. The atonement of guilt through blood, at the cost of life itself, unfolds before the reader's eyes. Despite inhumane conditions, the soldiers preserve their moral resilience.

For these Kazakhstani authors, the primary object of artistic inquiry remains the individual confronted with a profound moral trial.

A comparative analysis of these works by national prose writers leads to the conclusion that M. Simashko and Vl. Vladimirov employ different artistic methods and expressive means, yet both arrive at the same central idea: the necessity of preserving human dignity.

In Simashko's *Gu-Ga*, this idea is expressed through the symbolism of war and front-line brotherhood, while in Vladimirov's *Face to Face*, it is conveyed through the symbolism of the individual resisting the destructive influence of ideology.

Thus, symbolic images perform not only an aesthetic function but also a philosophical one, enabling readers to comprehend historical events through the fate of the individual.

References:

1. Vladimirov, V. *Return to the Origins*. Niva, №12, 2008.
2. Simashko, M. *Gu-Ga*. In: *Semiramis. Gu-Ga*. Moscow: Soviet Writer Publishing House, 1990, pp.373-506
3. Vladimirov, Vl. *Face to Face*. Almaty: Balalar Ädebieti Publishing House, 2012. 488 pp.

**МАМРАЕВ БЕЙБУТ
АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА**

Творчество Мориса Симашко и Чингиза Айтматова в современных парадигмах гуманитарной науки

В современном литературоведении в аспекте нарративного анализа актуален междисциплинарный синтез. Слово интерпретируется как свернутое произведение. Феномен художественного подражания (стилизация, вариации, реминисценции и т.д.) дистанцируется от индивидуального стиля мастера слова. Вводятся концептуальные понятия стилевого пространства и конфигурации стиля. Художественные, как и публицистические произведения обусловлены эпохой создания, мастерством художника слова.

«В основе художественного познания жизни всегда лежит неизбывное стремление людей понять природу человека, понять и воспеть уникальность, неповторимость человеческой жизни на

земле», – был убежден величайший писатель современности Ч. Айтматов.

Народный писатель Казахстана М. Симашко утверждал: «...Ни для кого нет какого-то особого пути. Только соединение народов, никак не теряющих своего национального имени, своей души, в единую человеческую общность» [1, с.85]. М. Симашко придерживался «теории в большинстве случаев автохтонного бытия народов на занимаемой ими территории. Они зачастую меняли способ жизни, верования, смешивали языки, вбирали в себя другие этнические элементы, часть их уходила в иные пределы, но основа оставалась. Об этом, помимо археологических исследований, свидетельствуют топонимы. Москва, Цна, Мста, Ока, Муром – угро-финские языковые понятия, естественно вошедшие потом в великорусскую цельность. Так же в западном степном Приднепровье мы вдруг обнаруживаем местечко Бершадь – прямо производное от древнего могучего проказахского, хазарского рода Берш. Того самого, к которому причислял себя знаменитый египетский султан Бейбарс. Таких примеров неисчислимое множество...» [2, с.4].

История культурных и социальных движений Востока становится главной темой произведений М. Симашко. Основной метод писателя – предельное обнажение истории, когда становится видной ее живая пульсирующая система, связывающая воедино прошлое с настоящим и будущим.

Символично, что наш известный литературный критик и литературовед Н. Ровенский сравнивал стиль М. Симашко с манерой письма Т. Манна и Л. Фейхтвангера.

Интересные и актуальные вопросы задают авторы коллективной монографии «Мультилингвизм и обратный перевод»: «Какие потери и приращения смыслов переживает литература при переводе / переносе в иной культурный контекст, в иную языковую картину мира? В чем состоит специфика мультилингвизма как способа существования художественных текстов?» [3, с.184].

Художественные и публицистические произведения М. Симашко и Ч. Айтматова переведены на многие языки мира и на язык кино, что расширяет их читательскую и зрительскую ауди-

тории. Художественное мышление неповторимых мастеров художественного слова медиагибридно.

«Я отношу себя все-таки к писателям консервативного склада, в смысле традиционности манеры и повествовательного сюжета» [4, с.396], – подчеркивал Ч. Айтматов, отвечая на вопросы Ирины Ришиной в интервью «Зачем человеку совесть», опубликованном впервые на страницах «Литературной газеты» 20 декабря 1989. «Но отчего художнику не сказать нечто большее, чем в пределах строго ограниченных идеологических координат?» [4, с.398], – размышляет Ч. Айтматов далее.

Нарастающий интерес к феномену культуры, усиление стремлений интеллектуалов пробиться к современному пониманию культуры, осмыслению ее роли и перспектив определяются, по мнению Ч. Айтматова, высказанному им в докладе на Иссык-Кульском форуме в Бишкеке 16 июля 1997 года, многими обстоятельствами.

Многие видные теоретики «связывают судьбы мира с постижением культуры в целом или культуры отдельных народов». Знаменитое определение «культура – это вторая Вселенная, создаваемая веками человечеством» прозвучало на историческом для нас форуме.

Ч. Айтматов говорил о процессах интернационализации общественной жизни и усилении национального самосознания отдельной нации и каждого этноса, о феномене национальных культур.

Восточные модели объединения человечества в единую социокультурную целостность «показывают возможность сочетания традиций и новаций» [5, с.275]. Для Ч. Айтматова были важны актуализация исторической памяти народов, выдвижение на первый план общечеловеческих ценностей: «Каждый этнос вносит свой уникальный вклад в планетарную культуру. Национальная культура сейчас не может развиваться вне общего исторического контекста данной эпохи. Способность одной нации осваивать достижения другой – важный критерий жизнеспособности ее культуры. И это качество, обогащая свою нацию, позволяет щедро делиться своими духовными ценностями с другими, обеспечивать взаимопонимание людей, их восприятие национальных ценностей» [5, с.276].

В современных парадигмах гуманитарной науки соотношение этнического и национального дифференцировано. Этничность обретает особое значение, поскольку «является одним из исходных компонентов поликультурного пространства, служит основанием выделения этнокультурной отличительности» [6, с.83]. Изменение мира детерминирует трансформацию принципов диалогичности под влиянием единого глобального коммуникативного пространства.

К нам обращено слово Ч. Айтматова: «Необходима серьезная стратегия по дальнейшей консолидации и гармонизации национальных культур. И параллельно программам национально-культурного развития необходимы научные программы межнационального культурного сотрудничества» [5, с.276]. И уточняет далее: «Национальное своеобразие культуры – это не только совокупность национальных черт, идущих из глубины веков. В понятие национальное входит не только устоявшееся и проверенное временем, не только сложившийся опыт минувшего, но и новое, рожденное современной действительностью» [5, с.277].

Уровень развития национального самосознания обозначает меру цивилизованности нации. Величайший писатель современности Ч. Айтматов призывает быть осторожными с понятием этнического патриотизма. «Путь к гармонизации межнациональных отношений лежит, таким образом, в значительной степени через культуру. Сегодня, как воздух, нужно воплощение в практику извечной формулы Гёте: “Превыше народов – человечество”».

Исследуя нарративы в постсоветской культуре и транслингвизм как необходимое условие формирования транснациональной идентичности, обращаем внимание на продвижение литературы Казахстана в мировое литературное и гуманитарное пространство.

Центральноазиатский регион издревле служит культурным источником Ренессанса. Свобода мысли преобладала в учениях и творчестве Хайяма, Аль-Фараби, Баласагуни. В менталитете проживающих на этой территории народов остался след великих караванных путей, кочевий. «Философией жизни, путем через века и цивилизации» называл Великий Шелковый путь М. Си-

машко. Не придуман он людьми, а является «продолжением человека как творения Божьего, с назначенными ему помыслами и устремлениями. На этом пути, когда пульсировал он без препятствий, вспыхивали в космической тьме костры человеческого духа. Именно тогда, когда день и ночь двигались по нему караваны, на всем протяжении его являлись имена Авиценны, Бируни, Фирдоуси, Хайяма, Хорезми, Рудаки, Рашидаддина, Улугбека, Саади, Фараби, Яссави, Навои, Фраги и много других, без которых распадается связь времен. Большинство их произошло от названий станций и караван-сараев на этом пути. Имена эти иранские, туранские, арабские, еврейские, индийские, тибетские, китайские и те, о которых не ведаем: белых гуннов – эфталитов, саков, тангутов, кушан. Тут, в непрерывном движении, сохранены были от европейского сумрачного застоя Аристотель, Платон, Гиппократ. Костры разгорались от сквозного, дующего через всю ойкумену ветра и меркли, когда закрывались двери» [7, с.43]. Мусульманский ренессанс, был уверен писатель, происходил на полтысячелетия раньше европейского.

Говоря о будущем Центрально-Азиатского региона, Ч. Айтматов был убежден: «Начиная с античности и раннего Средневековья, здесь сталкивались в конфликтном противоборстве римская и степная, тюркская и иранская, арабская и китайская цивилизации. При этом с геополитической точки зрения этот регион всегда выступал предметом завоеваний как “промежуточный пояс”, “буферная”, “срединная” зона, которая предохраняла бы от непосредственного соприкосновения» [5, с.280].

Мы считаем, что перспективы дальнейших литературоведческих исследований прозы и публицистики М. Симашко и Ч. Айтматова будут интересны, безусловно, в контексте мирового литературного процесса как «динамической системы, по определению Д. Дюришина, междисциплинарных (interliterary) связей» [8, с.141].

Эпистемология и герменевтика в западной генеалогии исследуют и регулируют принципы познания, с одной стороны, и принципы интерпретации, с другой. Художественному слову М. Симашко и Ч. Айтматова интерпретации, на наш взгляд, абсо-

лютно не нужны. Оно ждет внимательного и вдумчивого прочтения, а далее – осмысления в XXI веке.

Литература:

1. Симашко М. Прообраз Евразии и искушения Президента // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.83-100
2. Симашко М. Время собирать камни. – Евразийский талисман / Под ред. Ш.Р. Елеукенова. – Алматы: Білім, 1996. – С.3-7
3. Егорова Л.В. Мультилингвизм и обратный перевод / Отв. ред. Е.Е. Дмитриева, М.В. Черкашина. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 920 с. // Вопросы литературы. – 2026. – №3. – С.184-189
4. Зачем человеку совесть. Интервью Ирины Ришиной с Ч. Айтматовым и Кэндзабуро Оэ // Иссык-Кульский форум: пути к глобальному миру. 1986-2026. – Бишкек: ИМАК офсет, 2026. – С.394-402
5. Айтматов Ч. Национальное и глобальное в культуре // Иссык-Кульский форум: пути к глобальному миру. 1986-2026. – Бишкек: ИМАК офсет, 2026. – С.274-281
6. Покасова Е.В. Соотношение этнического и национального: современные парадигмы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – Т.3. – Выпуск 3. – С.81-87
7. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.5-58
8. Шайтанов И.В. Почему Дюришин? // Вопросы литературы. – 2026. – №3. – С.132-141

ОРАЗБЕКОВА ЗЕЙНЕ

Историческая память и византийское наследие в творчестве Мориса Симашко

В современном гуманитарном знании категория исторической памяти рассматривается как важный механизм сохранения и интерпретации прошлого. Вместе с тем, историческая память формируется не только через академическую историографию, но и через культурные тексты: литературу, искусство, философию. В этом смысле художественная литература способна выполнять функцию своеобразного «архива культурного опыта», в котором сохраняются представления общества о собственном прошлом.

Творчество М. Симашко демонстрирует именно такой тип работы с исторической памятью, так как занимает особое место в нашей литературе, литературе XX века, что во многом связано с обращением к историческим темам и образам выдающихся личностей прошлого. Писатель стремился не только воспроизвести исторические события, но и показать внутренний мир исторических деятелей, их роль в судьбах народов и культур. Через художественное осмысление истории М. Симашко поднимал вопросы духовности, власти, культуры и ответственности человека.

Многими учеными, в том числе А. Жаксылыковым, Б. Джолдасбековой и Н. Сарсекеевой [1] и другими исследованы особенности выражения авторского сознания и специфика повествования в произведениях М. Симашко. В научных работах Л. Ахметовой затронуты методы исторической реконструкции, которые применял писатель для воссоздания прошлых веков [2]. Многими учеными высоко оценено творческое наследие М. Симашко, особо акцентировано внимание на его мастерстве в исторической романистике. И, на наш взгляд, творчество М. Симашко по праву высоко оценено литературоведами и критиками. Его называют одним из основателей школы нового исторического романа в Центральной Азии.

М. Симашко во многих произведениях объединял элементы исторической реконструкции и философского размышления о судьбах культур, обращаясь к переломным моментам истории, когда происходили глубокие трансформации цивилизационных систем. А в литературе историческая память нередко становится основой художественного осмысления истории, где через образы прошлого писатели стремятся не только реконструировать исторические события, но и выявить их значение для современности. В этом контексте особый интерес представляет творчество М. Симашко, писателя, чьи произведения посвящены судьбам народов Евразии и осмыслению исторического взаимодействия культур. Он обращается к различным эпохам: от античности до средневековья, исследуя влияние исторических событий на духовную жизнь общества.

В числе ключевых элементов художественного мира М. Симашко – обращение к византийской традиции. Одним из важных аспектов византийской цивилизации, на которые обращает

внимание писатель, является сохранение и передача античного культурного наследия, так как после падения Римской империи именно Византия стала хранителем греческой философии, науки и литературы. Через византийских ученых и переводчиков труды античных мыслителей продолжали распространяться и оказывать влияние на последующие эпохи, и, как принято, в историко-философской перспективе византийское наследие связано с идеей преемственности цивилизаций.

Естественно, различные культурные центры в разные эпохи воспринимались как наследники предшествующих имперских традиций. Именно в рамках этой культурной парадигмы возникает символическая концепция Рима как центра духовной и политической универсальности. Писатель обращает внимание и на дипломатическую роль Византии, так как благодаря своему географическому положению она находилась на пересечении торговых путей и политических интересов разных народов. Византийские правители вели сложную дипломатическую игру, взаимодействуя как с европейскими государствами, так и с восточными державами. Это и способствовало активному обмену культурными ценностями, идеями и технологиями.

Как уже отмечено выше, в произведениях М. Симашко византийская традиция проявляется прежде всего через изображение культурных контактов между народами. Писатель показывает, что история Евразии формировалась в результате сложного взаимодействия цивилизаций. В историческом сознании Византия занимает особое место как цивилизация, которая соединяла античное культурное наследие, христианскую традицию и элементы восточных культур. И благодаря этому Византия часто рассматривается как своеобразный культурный мост между Востоком и Западом.

В художественном мире М. Симашко Византия предстает не только как государство с богатой политической историей, но и как центр духовной и культурной жизни. Она выступает своеобразным мостом между античным наследием и культурами Востока. Писатель подчеркивает, что именно через Византию многие идеи, знания и культурные традиции распространялись на огромные территории от Европы до стран Ближнего Востока и Центральной Азии. В его произведениях Византия также изобра-

жается как важный центр религиозной культуры. Огромную роль в её духовной жизни играло христианство, которое формировало мировоззрение общества и распространялось на соседние регионы. Через византийские миссии и культурные контакты христианские традиции проникали в различные страны, оказывая влияние на формирование их духовной культуры и государственности. Таким образом, византийская культура выступала посредником между античным миром и средневековыми обществами.

Безусловно, особое место в этом контексте занимает «Четвертый Рим» М. Симашко. В нем писатель обращается к теме исторической преемственности и культурной памяти. Произведение можно рассматривать как философское размышление о судьбах империй и о том, каким образом культурные традиции переходят из одной эпохи в другую. Здесь история предстает не как линейная последовательность событий, а как сложная система культурных трансформаций. И каждая новая цивилизация, по мысли автора, не возникает изолированно, а наследует определенные элементы предыдущих культурных систем, где историческая память становится важнейшим механизмом культурной преемственности [3].

Особое значение в контексте культурного посредничества имеет взаимодействие византийской культуры с исламским миром. В произведениях М. Симашко подчеркивается, что обмен знаниями происходил в обоих направлениях. Византия передавала элементы античной философии и науки, тогда как мусульманские ученые развивали и дополняли эти знания. Культурный диалог способствовал развитию науки, медицины и философии в средневековом мире. Таким образом, в художественном и историческом осмыслении М. Симашко византийская цивилизация выступает важным связующим звеном между культурными традициями. Она объединяет античное наследие, христианскую духовность и культурные влияния Востока. И писатель показывает, что именно благодаря таким цивилизациям –посредникам происходило развитие мировой культуры и формировались новые культурные традиции.

История Евразии формировалась в результате сложного взаимодействия цивилизаций. Так, в романе «Искупление Дабира» автор обращается к эпохе сельджуков, когда происходили

активные политические и культурные контакты между исламским миром и Византией. «Искупление Дабира», можно сказать, переносит читателя в сложную и динамичную эпоху средневековой истории, связанную с возвышением Сельджукской державы. Это время характеризовалось активными политическими, военными и культурными контактами между исламским миром и Византийской империей, а, обращаясь к тому историческому периоду, писатель стремится показать не только борьбу государств и правителей, но и более глубокие процессы культурного взаимодействия между Востоком и Западом.

В центре произведения фигура Дабира, придворного секретаря, дипломата, человека образованного, принадлежащего к миру политики и культуры. Через его судьбу М. Симашко раскрывает сложность эпохи, в которой дипломатия, военные конфликты и культурный обмен переплетались между собой. Как известно, эпоха сельджуков переживала значительные исторические перемены. Тюркские правители постепенно укрепляли своё влияние на огромных территориях Ближнего Востока и Передней Азии. При этом их государство находилось в постоянном взаимодействии с Византией, одной из самых развитых цивилизаций средневекового мира.

В романе показано, что отношения между державами не ограничивались только военными конфликтами. Наряду с войнами существовали дипломатические миссии, торговля, обмен знаниями и культурными традициями. Писатель обращает внимание на то, что именно в такие периоды напряжённых отношений особенно ярко проявляется необходимость культурного посредничества. Люди, обладавшие знаниями языков, традиций и законов разных народов, становились важными фигурами международной политики. Дабир в романе символизирует именно такую личность – человека, который способен понимать разные цивилизации и находить точки соприкосновения между ними.

Особое значение в произведении имеет изображение культурного многообразия эпохи. Мир романа включает представителей различных народов, религий и традиций. Здесь встречаются мусульманские учёные, византийские дипломаты, военные, купцы и путешественники. Важной темой становится проблема личной ответственности человека перед историей. Глав-

ный герой вынужден принимать решения в условиях сложной политической борьбы, где каждое действие может повлиять на судьбы государств и людей. Через внутренние переживания персонажа автор показывает, как исторические события отражаются в судьбах отдельных людей. Таким образом, обращение М. Симашко к эпохе сельджуков в романе «Искупление Дабира» позволяет ему раскрыть более широкую идею – идею диалога цивилизаций. Даже в периоды конфликтов между государствами сохраняется пространство для культурного общения и взаимного влияния.

Одной из ключевых тем произведений писателя является диалог культур Востока и Запада. Он рассматривает историю как процесс постоянного взаимодействия народов, обмена знаниями, традициями и духовными ценностями. Через художественные образы и исторические сюжеты М. Симашко показывает, что развитие мировой культуры невозможно без взаимного влияния цивилизаций. В его произведениях Восток и Запад представлены не как противоположные миры, а как взаимодополняющие культурные пространства. Автор подчёркивает, что между ними на протяжении веков существовали тесные связи: торговые, научные, религиозные и культурные. Эти контакты способствовали распространению знаний, развитию философии, науки и искусства.

Особое значение в этом диалоге, по мнению автора, имеют великие мыслители и учёные, которые соединяли культурные традиции разных регионов. Одним из таких символов культурного взаимодействия является Абу Наср аль-Фараби. В художественном осмыслении автора он выступает как человек, стремящийся объединить достижения античной философии и интеллектуальные традиции Востока. Аль-Фараби изучал труды древнегреческих философов, прежде всего Аристотеля, и развивал их идеи в рамках восточной научной традиции. Через этот образ писатель показывает, как знания, рожденные в одной культурной среде, могут быть творчески переосмыслены в другой. Именно в творчестве аль-Фараби, Омара Хайяма и Махмуда Кашгари доминировала свобода мысли. Он называл Аль-Фараби одним из интеллектуальных истоков великой евразийской культуры.

Произведения М. Симашко демонстрируют, что исторические события нельзя рассматривать изолированно от культурных и духовных процессов. Через художественные образы автор раскрывает закономерности исторического развития и показывает роль личности в истории. Художественный мир М. Симашко демонстрирует, что культура человечества формируется благодаря взаимодействию многих традиций. Восток и Запад обогащают друг друга, создавая общее культурное пространство. Писатель стремится показать ценность взаимопонимания между народами и необходимость уважения к различным культурным традициям.

Как видим, тема диалога культур Востока и Запада занимает важное место в творчестве М. Симашко. Через образы исторических личностей, описания цивилизаций и культурных центров писатель раскрывает идею о том, что развитие человеческой цивилизации основано на сотрудничестве, обмене знаниями и духовном взаимодействии народов. Диалог Востока и Запада в произведениях М. Симашко проявляется и в изображении исторических городов, центров науки и культуры.

Такие города становились местами встречи разных народов, религий и языков. Здесь происходил обмен идеями, переводились научные трактаты, формировались новые культурные традиции. Благодаря взаимодействию, создавались условия для развития науки, философии и литературы. Важную роль в культурном диалоге играли и великие цивилизации прошлого. Среди них особое место занимала Византийская империя, которая соединяла античное наследие с культурой христианского и восточного мира. Через Византию происходила передача знаний и культурных ценностей между европейскими и азиатскими народами.

М. Симашко показывает, что такие цивилизации выполняли роль посредников, способствуя развитию взаимопонимания между различными культурными традициями. Писателем особо подчеркнуто и то, что диалог культур не всегда был простым и гармоничным. История знает немало конфликтов, войн и противостояний между государствами и народами. Однако даже в периоды напряженности культурный обмен не прекращался. Торговля, научные контакты, путешествия и переводы книг продолжали связывать разные регионы мира. Обращение к визан-

тийскому наследию позволяет автору показать сложность исторических процессов и взаимное влияние разных цивилизаций. И это свидетельствует о том, что культура способна преодолевать политические и географические границы. А историческая память в произведениях казахстанского прозаика выступает как средство осмысления прошлого и формирования культурной идентичности.

В заключении следует отметить особо: творчество М. Симашко представляет собой важное явление в литературе исторической прозы XX века. Его произведения отличаются глубоким философским осмыслением истории и вниманием к проблемам культурного взаимодействия. Таким образом, художественный мир М. Симашко можно рассматривать как пространство диалога культур, в котором история становится источником философского осмысления человеческой цивилизации.

Литература:

1. Джолдасбекова Б.У., Сарсекеева Н.К. Авторский дискурс в прозе М. Симашко // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия филологическая. – 2013. – №2.
2. Ахметова Л. Первый исторический роман об эпохе Сасанидов // Морис Шамис (Симашко). Четвертые международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2021.
3. Симашко М. Четвертый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. – 308 с.

ОРДА ГҮЛЖАҢАН

Морис Симашко шығармаларындағы ұлттық болмыс пен тарихи жады

XX ғасырдағы көпұлтты әдеби кеңістікте тарихи тақырыпты терең меңгерген қаламгерлердің бірі – М. Симашко. Жазушының шығармашылығы Орталық Азия халықтарының тарихы мен мәдениетін көркемдік тұрғыдан жаңаша пайымдаумен ерекшеленеді. Оның С. Бейбарыс, Ә. Жангелдин, Ы. Алтынсарин тәрізді тарихи тұлғалар туралы «Дала комиссары», «Емшан», «Маздақ», «Комисар Джангильдин», «Колокол» туындыларында тарихи оқиғалар жалаң баяндалмай, сол дәуірдің рухани атмосферасы, адам тағдыры, мәдениетаралық байланыстары нанымды бейнеленген. Симашко

прозасының басты ерекшелігі – тарихи тұлғаларды адамдық болмысымен көрсету. Ол тарихи деректерді көркемдік интерпретация арқылы жаңа мазмұнмен байыта отырып, өткен дәуірлердің әлеуметтік-философиялық мәселелерін бүгінгі заманмен байланыстырады. Жазушының шығармалары кеңестік кезеңде жазылғанымен, олардың тақырыптық аясы кең әрі мәдени-өркениеттік мәселелерді қамтиды. Сондықтан М. Симашко шығармашылығы тек әдеби құбылыс ретінде ғана емес, тарихи-мәдени феномен ретінде де маңызды. Жалпы алғанда, жазушы шығармалары ұлттық болмыс, тарихи жады және мәдени сабақтастық мәселелерін көтеруімен ерекшеленеді. Бұл тұрғыдан алғанда оның туындылары тарихи сананы қалыптастыруға ықпал ететін көркем мәтіндер ретінде бағаланады.

М. Симашко XX ғасырдың екінші жартысында кеңінен танылған жазушылардың бірі болды. Оның әдеби шығармашылығы тарихқа деген ерекше қызығушылық негізінде қалыптасты. Жазушы Орталық Азияның бай мәдени мұрасын зерттей отырып, тарихи тақырыптағы прозаны жаңа деңгейге көтерді. Симашко шығармаларында тарихи кеңістік ерекше маңызға ие. Ол өз туындыларында Шығыс пен Батыс өркениеттерінің тоғысқан аймағы болған Орталық Азияны мәдени диалогтың орталығы ретінде бейнелейді. Бұл аймақтың көпұлтты мәдениеті мен тарихи тағдыры жазушының негізгі тақырыптарының бірі болды. Жазушы шығармаларында ұлттық болмыс мәселесі тарихи жадымен тығыз байланыста қарастырылады. Ұлттық болмыс белгілі бір халықтың мәдениеті, тілі, дәстүрі мен дүниетанымының жиынтығы ретінде көрінеді. Ал тарихи жады сол халықтың өткен тәжірибесін сақтайтын рухани механизм ретінде қызмет етеді. Симашко шығармаларында осы екі ұғым бір-бірімен тығыз байланыста бейнеленеді. Әдебиеттанушылардың пікірінше, Симашко шығармаларындағы тарихи кеңістік тек географиялық ұғым емес, ол мәдени және рухани кеңістік ретінде көрінеді. Жазушы тарихи уақыт пен кеңістікті көркем бейнелеу арқылы халықтардың тарихи тәжірибесін жаңғыртады.

Симашко шығармаларының маңызды ерекшеліктерінің бірі – тарихи жад мәселесін көркемдік тұрғыдан бейнелеуі.

Жазушы өткен тарихты тек деректер жиынтығы ретінде емес, халықтың рухани тәжірибесі ретінде көрсетеді. Бұл тұрғыдан алғанда жазушы шығармалары тарихи сананы қалыптастыруда ерекше рөл атқарады. Өйткені көркем әдебиет тарихи оқиғаларды эмоционалдық және философиялық тұрғыдан қабылдауға мүмкіндік береді. Симашко шығармаларындағы маңызды мәселелердің бірі – тарихи шындық пен көркемдік қиялдың арақатынасы. Жазушы тарихи деректерді дәлме-дәл көшіріп беруді мақсат етпейді. Керісінше, тарихи фактілерді көркемдік тұрғыдан қайта пайымдап, жаңа мазмұн береді. Әдебиеттануда мұндай тәсіл «көркемдік интерпретация» деп аталады. Бұл тәсіл арқылы жазушы тарихи деректерді сақтай отырып, оларды көркемдік жүйеге енгізеді. Соның нәтижесінде тарихи мәтін жаңа көркемдік сипатқа ие болады.

М. Симашко прозасында тарихи тұлғалар ерекше орын алады. Жазушы белгілі тұлғалардың өмірін суреттеу арқылы сол дәуірдің рухани және әлеуметтік мәселелерін ашады. Мысалы, оның әйгілі шығармаларының бірі – Емшан. Бұл шығармада тарихи тағдыр, туған жерге деген сағыныш және ұлттық болмыс мәселелері көркем бейнеленеді. Шығармада туған жер ұғымы ұлттық идентификацияның маңызды элементі ретінде көрінеді. Зерттеушілер бұл шығарма туралы айта келе, оның негізгі идеясы тарихи жады мен ұлттық тамыр мәселесіне байланысты екенін атап көрсетеді. Шығармадағы басты идеялардың бірі – адамның туған жермен рухани байланысының үзілмеуі. Сонымен қатар жазушының «Гу-га» шығармасы да ерекше танымал. Бұл шығармада тарихи оқиғалар мен кейіпкерлердің тағдыры арқылы мәдениеттердің өзара байланысы көрсетіледі. Жазушы тарихи тұлғаларды тек батыр немесе билеуші ретінде ғана емес, күрделі психологиялық әлемі бар адам ретінде көрсетеді. Оның кейіпкерлері тарихи жауапкершілікті сезінетін, өз дәуірінің тағдырын арқалаған тұлғалар ретінде бейнеленеді.

М. Симашко шығармашылығының тағы бір маңызды қыры – мәдениетаралық диалог идеясы. Жазушы Орталық Азия халықтарының мәдениеттерін өзара байланыстыра отырып, олардың ортақ тарихи тағдырын көрсетеді. Бұл тұрғыдан алғанда Симашко шығармалары тек ұлттық әдебиет шеңберінде ғана қарастырылмайды. Олар жалпыадамзаттық мәдени

құндылықтарды насихаттайтын туындылар болып табылады. Жазушы шығармаларында түрлі халықтардың мәдениеті, дәстүрі және дүниетанымы өзара тоғысып жатады. Бұл оның прозасын ерекше көпқырлы етеді. Мәдениетаралық диалог идеясы ұлттық болмыстың қалыптасуында да маңызды рөл атқарады. Себебі, әрбір мәдениет басқа мәдениеттермен байланыс арқылы дамып жетіледі.

Қорыта айтқанда, М. Симашко – тарихи прозада өзіндік қолтаңбасы қалған көрнекті жазушылардың бірі. Оның шығармалары Орталық Азия халықтарының тарихын, мәдениетін және рухани әлемін көркемдік тұрғыдан терең бейнелейді. Жазушы шығармаларында ұлттық болмыс пен тарихи жад мәселелері ерекше орын алады. Тарихи тұлғалар бейнесі арқылы автор халықтың рухани тәжірибесін, мәдени кодын және тарихи санасын көрсетуге ұмтылады. Симашко прозасы тарихи дерек пен көркемдік қиялдың үйлесімінен туған ерекше әдеби құбылыс болғандықтан, шығармалары қазіргі әдебиеттану ғылымында ұлттық болмыс пен тарихи жады мәселелерін зерттеуде маңызды.

Әдебиеттер:

1. Симашко М. Маздақ. – Алматы: Жазушы, 1968.
2. Симашко М. Комисар Джангильдин. – Алматы: Жазушы, 1978.
3. Симашко М. Колокол. – Алматы: Жазушы, 1982.

РАҚЫШ ЖҰМАШАЙ

М. Симашконың повесі мен Ғ. Жайлыбайдың поэмасындағы «Жусан» концептісі

Қазақ әдебиетінде жусан концептісі туған жер тақырыбымен тығыз байланысты. Жусан – даланың иісін, туған елге деген сағыныш пен махаббатты бейнелейтін ерекше символ. Оның кермек дәмі мен аңқыған иісі әрбір қазақ баласына өз туған топырағы мен балалық шағын еске түсіреді. Сондықтан жусан образы арқылы ақын-жазушылар туған жерге деген сүйіспеншілікті, ұлттық рухты және атамекенге деген сағынышты терең суреттейді. Дулат Исабековтің «Дермене»,

Дүкенбай Досжановтың «Жусан мен гүлдер», Сайын Мұратбековтің «Жусан иісі» повестерінде, Сырбай Мәуленов, Жұбан Молдағалиев, Серік Тұрғынбеков, Темірбек Медетбектің «Жусан» өлеңдерінде туған жердің символына айналған жусан жырланады.

Ипатьев жылнамасы құрамындағы Волынь жылнамасында ел-жұртынан алыстап кеткен жігітке қыпшақ даласынан әкелінген бір түп жусанды иіскеткенде, туған жерге деген сағынышы оянып, еліне қайтқаны баяндалады. Тарихи жад пен туған жерге деген сағыныш сарыны көптеген көркем шығармаларда көрініс тауып, символдық образға айналған. «Сказание о траве емшан» аңызында Владимир Мономах туған жерінен қыпшақтарды талқандап, Отрок ханды Темір Қақпалардың ар жағына Кавказға қуып жібереді, Сырчан хан Донда қалады, көп қиындықты бастан өткереді. Владимир өлген соң Сырчан хан бауырына жыршыны жіберіп, туған жерге қайтсын деп шақырады, қыпшақ жырын айтуды, туған жердің шөбін иіскеуге беруді тапсырады. Отрок қайтқысы да келмейді, жырды да тыңдамайды. Жыршы жусанды Отроктың қолына ұстатқанда ол шөпті иіскеп, көзіне жас алып, «бөтен жақта даңқты болғанша өз жерімде ұлтан болайын» деп еліне қайтады [1, 390-391 б.]. Жусан иісі туған топырақты еске салатын рухани код қана емес, адамды өз түп-тамырына жетелейтін символдық белгі қызметін атқарады, тарихи жадты сақтау, ата мекенге оралу идеясы сөз болады.

Ш.Қ. Сәтбаева Шоқан Уәлиханов Ипатьев жылнамасындағы емшан (жусан) шөбі жайындағы аңызды ақын досы А.Н. Майковке айтып береді деген мәлімет келтіреді [2, 29 б.]. Орыс ақыны Аполлон Николаевич Майков (1821-1897) адам баласының туған жерімен рухани байланысы жөнінде 1874 жылы «Емшан» деген баллада жазған. Осы тақырыпқа назар аударуы ақынның 1860-1870 жылдардағы ұлт-азаттық қозғалыстардың тарихи кезеңін, соның ішінде татар-моңғол шапқыншылығы мен Киев Русінің дала көшпенділерімен соғысын зерттеуі себеп болған деп те айтылады. Шынында да 1201 жылғы Ипатьев жазбасында айтылатын туған жердегі бір түп шөптің қасиеті туралы әңгіме А.Майковтың «Емшан» өлеңінен соң кеңінен таралады [3].

Ақселеу Сейдімбектің «Бетпақдала» әңгімесінде ертегінің композициялық және стильдік белгілері мекеншак (хронотоп) сипатынан («Ерте, ерте, ертеде, ешкі жүні бөртеде, қырғауыл жүні қызыл екен, құйрық жүні ұзын екен» дейтін заманда және «жері шүйгін, оты-суы мол, ғажайып бір өңірде») көрінеді. Оқиғаға берекесі мен байлығы шалқыған елде жұртты аузына қаратқан бір хан, ханның қиянат тірлігін жөн көрмеген бір ақылгөй қарт, шабармандар, ел-жұрт сынды кейіпкерлер қатысады. Елді билеген хан табанына жусанның тікені кіргеніне ашуланып, барлық жусанды жойғызуы салдарынан табиғи тепе-теңдік бұзылады: зиянкестер көбейеді, кейін оларды құрту құстардың азаюына әкеледі, құстар қырылып, тышқандар шамадан тыс көбейіп кетеді. Табиғат заңдылығын түсінбей, ханның ойланбай жасаған әрекетінің салдары үлкен апатқа ұласады. Шығармада экология мәселесі, адам мен табиғаттың тығыз байланысы суреттеліп, әрбір тіршілік иесінің маңызын түсінуге үндейді [4].

Морис Симашконың «Емшан» повесі [5] мен Ғалым Жайлыбайдың «Бетпақдала аңызы» поэмасында [6] туған жер архетипі жад категориясымен тығыз байланыста көрінеді. «Емшан» повесінде Мысыр мен Сирияда билік құрып, Мәмлүк мемлекетін басқарған Бейбарыс сұлтан өмірінің соңғы кезеңі суреттеледі. Бұл шығармаларда мекеншак ұғымы арқылы кеңістік пен уақыт тұтастығы бейнеленіп, туған жердің тарихи жады, халықтың рухани әлемі терең ашылады. Ғалым Жайлыбайдың «Бетпақдала аңызы» поэмасында көкжиегі құммен астасқан, ғасырлардың ізі жасырылған («жүз ғасырдан, болмаса мың ғасырдан із жасырған», «көзіне мұң, ішіне сыр жасырған»), жусанды әрі мұңды Бетпақдала бейнесі ерекше поэтикалық сипатта суреттеледі. Ақын дала табиғаты арқылы халықтың қилы тағдыры мен көне тарихын жеткізеді. Поэманың он бөлімі өзара мәтінаралық байланысқа құрылып, ортақ идеялық желіні дамытады.

М. Симашко шығармасында ес, жады концепті «есіне түсіре алмады, есіне түсті, бұл оның есінде» деген жолдармен беріледі. Ғалым Жайлыбай поэмасында: «Есте бар ескі сөзді ел естиді», «есте бар ескі сөздер санада жаңғырады», «есте жоқ ескі кезеңді ескі сөздер айтады» деген жолдардағы дыбыстық

үйлесім, сөз қайталауы мен терең пәлсапалық астар Мағжан поэзиясына тән сөз өрнегі мен поэтикалық дәстүрінің әсерін еске түсіреді. Ақын өткен мен бүгінді жалғап, халық жадындағы оқиға арқылы қазіргі таңдағы кейбір саяси-әлеуметтік жағдайларға екпін түсіреді. «Түс көремін, қанаттары қырқылған құс көремін», «жан жаралы», «іштен тынып үн-түнсіз тұрған алап», «ақиқатын жасырған астарына», «Сол күндері мәз боп жатты қараша – Хан қолынан марапат ап шетінен».

Поэмада Бетпақдала бейнесі ерекше метафоралық реңкте бейнеленеді. «Бедеудей безерген», «тіршілікке саусағын кезенген», «бетсіздеу әйел сынды» деген теңеулер арқылы даланың қатал табиғаты мен мұнды тағдыры айқындалады. «Жалғызы өлген анадай безерген Бетпақдала» тіркесі – поэмадағы аса әсерлі суреттеулердің бірі. Ақын даланы адам кейпінде бейнелеп, кейіптеу тәсілі арқылы терең эмоциялық мағына береді. Бұл образ арқылы даланың қасіреті мен табиғат экологиясындағы ауыр күй көркем түрде жеткізіледі. Дала бейнесі ел-жұрттың қайғысы мен тарихи қилы кезеңдердің символы ретінде көрінеді. Осындай образды суреттеу ақынның ой көркемдігін, поэтикалық шеберлігін айқын танытып, оқырманға терең әсер қалдырады.

Шымға қадаған құрықтың таң ата бүрлеуі сияқты аңыздық сипаттар дала кеңістігінің киелі болмысын танытады. Шығармада Бетпақдаланың табиғат әлемі де кең қамтылады: құм ішінде малға азық, тіршіліктің берекесі саналатын сексеуіл, жыңғыл, тораңғы, жусан сияқты өсімдіктер, қасқыр, елік, арқар, киік тәрізді жануарлар дүниесі мен жылан, кесіртке секілді жәндіктер аталады. Ақтау, Ортау, Желтау, Жерұйық секілді топонимдер арқылы поэманың кеңістік ауқымы тереңдей түседі.

Поэмада мәтін ішіндегі мәтін тәсілі жиі қолданылады. Сәкен Сейфуллиннің «Ақсақ киік» өлеңіндегі «Жәндіктің киік деген баласы бар Арқаның бетпақ деген даласында» деген жолдарына, орыс ақыны Апполон Майков поэзиясына, Қазтуған жыраудың «Жатып қалған бір тоқты жайылып мың қой болған жер» дейтін толғауына, «Айтар кезде айтпасаң сөз өледі» деген мақал-мәтелге, Мысырда билік құрған Бейбарыс оқиғасына, Айшырақтың айдынды айлы түні Ақселеу Сейдімбек айтқан аңызға сілтеме жасалады. Бұл мәтінаралық байланыстар

поэманың идеялық мазмұнын байытып, тарихи-мәдени жадты күшейтеді.

А. Марков шығармасының сюжеттік қаңқасы мен негізгі идеясы сақталғанымен, Ғалым Жайлыбай туындысында ұлттық дүниетанымға сай мағыналық өзгерістер енгізіліп, Бетпақдала қазақ руханиятының символына айналады. Ақселеу Сейдімбектің әңгімесіндегі ақылгөй қарт бейнесі Ғалым Жайлыбайдың поэмасында даналығы мен беделі жоғары Абыз тұлғасына айналған. Абыз халық жадын, дала даналығын сақтаушы ретінде көрініп, шығармадағы философиялық ойдың негізгі тірегіне айналады.

Морис Симашконың шығармасында кейіпкерлердің портреттік сипаттамасы айқын емес, нақтылықтан гөрі жалпылық басым. Ғалым Жайлыбайдың «Бетпақдала аңызы» поэмасында оқиға «есте жоқ ескі кезеңде», «бақыт құшқан байтағы, тайпалы бір жұртта» өтеді, кейіпкерлері де ертегі жанрына тән жағымды-жағымсыз бейнеде: ынсабы жоқ бір хан және абырой мен ақылы асқан Абыз. Поэмадағы хан бейнесі айрықша экспрессивті сипатта беріледі. Ол ынсапсыз, әпербақан, қатігез билеуші ретінде суреттеледі: «ұйытқыған құйынды да, кісінеген құлынды да сыбайтын», «қабағына мұз қатқан», «ашуы ақ борандай борайтын», «жауа алмаған бұлттардай түнерген» деген теңеулер арқылы ханның қатігез мінезі мен ішкі рухани жұтандығы ашылады. Бұл бейне табиғат заңдылығын мойындамайтын озбырлықтың символы ретінде көрінеді.

Шығармада белгілі бір сөздер мен образдардың қайталануы көркем ойдың эмоционалдық-экспрессивтік әсерін күшейтеді. Әсіресе жусан, дала, мұң секілді ұғымдардың қайталануы туған жерге деген сағыныш пен рухани байланысты тереңдетіп, оқырманға әсерлі көркем атмосфера қалыптастырады. Шығармада «сөздің киесі», «жусанның киесі» ұғымдарының бірнеше (бес) рет қайталануы ерекше мәнге ие. Қайталау тәсілі арқылы ақын сөздің қасиетін, жусанның киелі ұғым ретіндегі маңызын тереңдете түседі. Поэмада жусан жай ғана өсімдік емес, ұлттық жадтың, туған жердің және рухани тамырдың белгісі ретінде көрінеді.

«Бұлдыр-бұлдыр дүние», «күңгір-күңгір күмбездер» тіркестері арқылы автор өмірдің өткіншілігі мен дүниенің бұлдыр болмысын астарлап жеткізеді. Терең көркемдік пен ой астарын білдіретін бейнелі қолданыстар, осындай қайталау тәсілі мәтіннің әуезділігін арттырып, бейнеленіп отырған дүниенің көмескі, белгісіз, сырлы сипатын күшейтеді. «Күңгір-күңгір» дыбыстық қайталау кеңістікке мистикалық реңк беріп, күмбездер бейнесін терең символдық деңгейге көтереді. Бұл қолданыстар тек тілдік өрнек емес, философиялық мәні бар көркем бейнелеу құралы ретінде қызмет атқарады.

«Жусан» сөзі 13 рет, «бозжусан» 5 рет қолданылған, барлығы 23 қолданыс кездеседі, оның ішінде «жусан иісі» тіркесі 1 рет, «жусан жұлу» тіркесі 5 рет («Жусан жұлу күннен-күнге өршіп тұр»), ал «жусан жұлу науқаны» тіркесі 3 рет қайталанады («Жусан жұлу науқаны басталыпты», «Басталыпты жусан жұлу науқаны», «Жусан жұлу науқанынан ұққаным, Аямапты марапатты көл-көсір»). «Бозжусандай боздақтарым боздайды».

Жусан иісі бейнелік деңгейде Отан мен еркіндіктің символы ретінде көрініс тауып, эмоциялық тұрғыдан туған жерге деген сағыныш пен өткен күндерге қатысты естеліктерді оятады [7]. Жусан образы қазақ әдебиетінде ұлттық болмыс пен атамекенге деген сүйіспеншілікті танытатын терең символға айналған.

Поэмада «аңыз» сөзі 13 рет, «дала» сөзі 30 рет, ал «Бетпақдала» 15 рет қолданылады. Сонымен қатар «бар» сөзі 11 рет, «жөк» сөзі 6 рет кездеседі. «Ел» ұғымы 12 рет, «жұрт» 7 рет қайталанады. Ал «бір» сөзі 30 рет, «біреу» 4 рет қолданылған. Табиғат пен кеңістікке қатысты «күн» сөзі 14 рет, «аспан» сөзі 5 рет, «түн» 4 рет кездессе, «түнек» пен «түнөру» сөздері 2 реттен қолданылған. Сондай-ақ «жер» сөзі 11 рет, «Жерұйық» ұғымы 2 рет кездеседі. Шығармадағы түр-түс категорияларына қатысты «боз» сөзі 7 рет, «қара» 6 рет қолданылған.

Қазақ дүниетанымында жусан ұғымы атамекеннің, туған жердің қасиетті символы ретінде танылады. Ол дала мен еркіндіктің, ел мен естеліктің, сағыныш пен рухани байланыстың бейнесін білдіреді. Қазақ танымында жусанның аңқыған иісі туған жердің иісімен астасып, адамның туған

топырағына деген сүйіспеншілігін оятады. Сондықтан жусан концепті ұлттық кодтың, ұлттық рухтың қастерлі этномәдени символы ретінде көркем әдебиетте кеңінен бейнеленеді.

Шығармаларда елден жырақта жүрген кейіпкердің жан дүниесі туған жерге деген сағынышы арқылы ашылады. Жусан иісі оған туған елін, жусанды кең даласын, еркін өмірін еске салады. Осы арқылы жусан туған жердің бір бөлшегі, адамның рухани тамыры ретінде танылады. Оның иісі өмірдің қиындығына төтеп беру, ұлттық болмысты және рухани негізді жоғалтпау идеясын білдіреді. Әсіресе ағасының туған жерге қайта оралады деген үмітінің ақталуы жусанның тек табиғи өсімдік емес, адамның жүрегін елмен байланыстыратын рухани күш екенін аңғартады. Сол себепті жусан образы қазақ әдебиетінде Отанға деген махаббаттың, азаттықтың және ұлттық жақтың терең көркем символына айналған.

Атамекен, ата қоныс, туған жер, қасиетті кеңістік ұғымдары арқылы Отан ұғымы қалыптасқан. Өтүкен, Жерұйық, Жиделі-Байсын, Еділ-Жайық, Алтай, Сарыарқа сияқты киелі мекен ретінде символдық мән иеленеді. Кеңістік антропологиясы, түркілік мифопоэтикалық дәстүр, архетиптік ұғым, Алаш әдебиетіндегі «Отан» архетипі және ұлттық тарихи сананың трансформациясы көрініс тапқан [8].

Қорытындылай келе, қазақ әдебиетіндегі жусан концепті – ұлттық дүниетанымның терең мағыналы көркем символы. Жусан образы арқылы туған жер, атамекен, еркіндік, сағыныш, ел мен ұлттық рух идеялары бейнеленеді. Оның кермек иісі мен жусанды дала көрінісі адамның туған топырағына деген сүйіспеншілігін, рухани тамырын және тарихи жадын еске түсіреді.

Морис Симашко мен Ғалым Жайлыбай шығармаларында жусан табиғат пен адам арасындағы байланысты, туған жердің киесін және ұлттық болмысты танытатын маңызды образ ретінде көрінеді. Жусан иісі кейіпкердің ішкі жан дүниесін ашып, оны туған елімен рухани тұрғыдан байланыстыратын символдық қызмет атқарады. Жусан концепті Морис Симашконың повесі мен Ғалым Жайлыбайдың поэмасында жай ғана өсімдік атауы емес, халықтың тарихи жады мен мәдени

кодын сақтаған, Отанға деген сүйіспеншілік пен еркіндік рухын бейнелейтін қастерлі этномәдени символ дәрежесінде көрінеді.

Әдебиеттер:

1. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские сказки / Авторы вступительных статей, составления и комментарии В.П. Аникин, Д.С. Лихачев и Т.Н. Михельсон. – М.: Детская литература, 1989. – 640 с.
2. Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: Историко-филологические очерки. – Алма-Ата: Жазушы, 1987. – 184 с.
3. Майков А.Н. Емшан // Майков А.Н. Избранные произведения / под ред. Л.С. Гейро. – Л., 1977. – С.376-378
4. Сейдімбек А. Бетпақдала аңызы // Oinet.kz 23.04.2020.
5. Симашко М. Емшан // Симашко М. Колокол. Исторический роман и повести. – Астана: Аударма, 2011. – С.446-479
6. Жайлыбай Ғ. Бетпақдала аңызы // Жұлдыз. – 2025. – №11. – Б.26-32
7. Шкурская Е.А. Семантические особенности фитонима «полынь» в современной калмыцкой лирике: английский перевод в аспекте имагологии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2020. – №1. – С.183-195
8. Жылкыбайұлы Ж., Тұрысбек Р.С. Алаш әдебиетіндегі «Отан» архетипі және ұлттық тарихи сананың трансформациясы // Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі. – 2026. – №1. – Б.50-62

РЫБЧЕНКО-ДЕМЬЯНЕНКО ЕВГЕНИЯ ДОЛГУШЕВА ТАТЬЯНА

Лицо и маска в романе М. Симашко «Колокол»

Роман «Колокол», относящийся к исторической прозе, был написан в конце 80-х годов XX века и удостоен премии Союза писателей. В центре внимания события середины девятнадцатого века, происходившие на окраине российского государства в киргизской степи. Повествование начинается с описаний ощущений царя Николая Павловича, когда тот, будучи ребёнком, наблюдал следующую сцену, которая произошла на плацу: солдата возмутил кулак фельдфебеля за какую-то незначительную оплошность; солдат побежал за фельдфебелем и заколол его штыком. С тех пор государь ищет это лицо, этого солдата, когда наблюдает за строевой подготовкой на плацу. Видим, что категория лица и маски заявлена с первых страниц

романа и представлена как борьба отдельного «солдатского лица» за свою честь и справедливость.

Художественный приём маски используется многими писателями как в русской, так и зарубежной литературе. Б.В. Томашевский характеризует маску «частным случаем» характеристики персонажа [1]. Разумеется, данный приём в первую очередь работает на создание образа, очерчивает характерные признаки его личности, обнажает психологические её черты. Ю.Н. Тынянов считает, что маской может выступать и внешность персонажа. Наиболее ярко это реализуется в произведениях русских писателей [2]. Так, у Ф.М. Достоевского представлена маска в раннем творчестве, в частности, в романе «Неточка Незванова». Супруг Александры Михайловны, старшей дочери князя, перед тем, как войти в кабинет к жене «строит перед зеркалом маску» (т.е. играет роль оскорблённого мужа и строгого воспитателя Неточки). А талантливый скрипач Ефимов в кругу своей семьи также надевает маску непризнанного гения. Прохарчин играет роль бедного и несчастного человека, а после его кончины в перине находят много денег («Господин Прохарчин»).

Действенность приёма осуществляется через лексику, речь, авторские пояснения, что в совокупности и образует маску. По В.М. Жирмунскому, приём «приобретает новый художественный смысл в зависимости от своей функции в составе того или иного произведения» [3, с.23].

Под категорией лица мы понимаем естественное состояние героя в повседневном и обычном исполнении своего предназначения, своего дела. Важно то, как отдельный герой осознаёт его и понимает, как это отражается в жизни отдельного рода как части народа. Судьбоносные периоды показаны в принятии решений большой группы людей, объединённых родством, общими задачами и целями. Автор обобщает их одним «потемневшим лицом». Под «маской» мы понимаем неискреннее поведение в сфере служебной деятельности и во внеслужебных (межличностных) отношениях, показывающее скрытые мотивы и цели того или иного персонажа.

В нашу основную задачу входит выявление масочных образов и способов реализации маски, определение функций данного приёма в романе М. Симашко «Колокол», который отража-

ет сложные исторические процессы, происходящие в середине XIX века в казахской степи.

В романе представлены исторические личности, поэтому автор передает и внутренние переживания царя Николая Павловича, являющиеся реакцией на многие события государственной значимости. Ему как человеку не дают покоя шесть повешенных декабристов, которые, как он считал, своим протестом угрожали ему смертью. Но совесть мучает его, и он постоянно снова и снова возвращается мысленно к тем, так называемым «известным событиям». Размышления государя о своей политической задаче требовали выработки соответствующей концепции, которую разрабатывал граф Сергей Семёнович, и в этой концепции он «спотыкается» о понятие «народность»: «Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущие; но тот и другой проистекают из одного источника и связываются на каждой странице Русского царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует НЕПОДВИЖНОСТИ в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна...» [4, с.13]. Полагаем, речь идёт о том, что политика самодержавия должна оставаться неизменной.

В чём, по мнению автора, проявляется истинная народность отдельно взятых солдат? Наверное, в том, что они несмотря на жестокие экзекуции, включающие в себя избиение розгами, не держат зла на начальство: «Как чувствуешь себя братец? И тот, бодрясь и превозмогая боль, отвечал истинно по-русски:

– Так что благодарю за науку, Ваше Высокопревосходительство!

Не служебный то был ответ, а шло у претерпевшего от глубины сердца...» [4, с.14].

Преданность царю и рвение к службе у русского солдата идёт из глубины сердца и категория «лица народного», страдающего от самодержавия, показывает преданность этого «народного лица» своему начальству и власти. Но в душе государя поселился страх: одно дело усмирить разошедшуюся в стихии убийств толпу, которая по его приказу падает на колени, «видя в

нём лицо той власти, которая одна только может принести им спасение», и совсем другое дело – лицо отдельного обиженного солдата, которое имело тысячи ликов и которое он боялся сильнее турецких ядер, холерной заразы, потому что поведение отдельного солдата, его протест, невозможно объяснить одной только логикой и блестящим умом.

Ещё одно обстоятельство мучает царя – обвинение молодого поэта в причастности к убийству другого поэта, которому он дал чин и оплатил его долги (речь идёт об А.С. Пушкине): «Будто разорвав серую паутину света, встало перед ним в особенной, никогда еще им не виданной яркости необыкновенное лицо, странно удлинённое книзу, с рыжеватыми завитками волос по щекам. Большие голубые глаза поэта серьёзно и прямо смотрели куда-то мимо него. Пот проступил на лбу у Николая Павловича и потёк холодными каплями к ушам и подбородку. С тоскливой ясностью понял он, что во веки будет проклят этой страной, которой правил столько лет...» [4, с.16]. Глаза, смотрящие мимо государя, и проступивший пот на его лбу, – наглядные свидетельства вины государя в гибели поэта. Уже в начале романа заявлены темы «поэт и власть», «народ и власть», которые будут преломляться через отдельную человеческую судьбу: внука бия Балгожи, степного учителя, создателя первой киргизской хрестоматии – Ибрая Алтынсарина.

Дальнейший ход сюжета романа даётся через восприятие маленького мальчика, потерявшего отца в ходе восстания под предводительством хана Кенесары. Этот мальчик, маленький Ибрай, напуган Человеком с саблей, сидящем на коне. В сознании маленького Ибрая этот человек запечатлён как предвестник опасности, а в художественной ткани произведения представляет маску войны. Образ Человека с саблей – это галлюцинация, повторяющаяся с периодичностью, свидетельствует об объективной опасности и необходимости принятия правильного решения. Бий Балгожа, дед Ибрая, был уважаемый человек в степи. Именно он на собрании всех аксакалов посадит своего внука у правого колена, показывая тем самым, кому он намерен в будущем передать свою власть.

Другой значимый образ, повторяющийся в тексте романа, – «многорукий бронзовый Идол из песни акына Марабая холод-

но позванивал с другой стороны, и Человек с саблей задумчиво уходил в звездную ночь» [4, с.38]. Этот идол также воплощает маску: он исчерпал то значение, которое когда-то имел. Живая музыка противопоставлена мёртвому идолу, талантливый певец Марабай – чиновнику Красовскому. Приехавший в гости домбрист отказывается петь при Красовском и называет его лицо «чёрным» (акыну дан дар через лица видеть души людей). Интересен эпизод, когда курдас Марабай рассматривает портрет царя: «За спиной у Генерала висел нарисованный краской человек с усами и тоже закрученными по краям лба волосами. Расшитые золотом шнуры тянулись через всю грудь, кругами укладывались на плечах. На шее и груди было навешано у него много золота, только лица у этого человека совсем не было» [4, с.178]. Представлены отдельные элементы внешнего вида царя, усиливающие его статус самодержца, но не человека.

Красовский всё же уходит: «Когда совсем все стихло, Марабай невидимым движением пальцев ударил по струнам. И будто отмело сразу все злое, мелочное, случайное в жизни» [4, с.170]. Все присутствующие внимательно слушали музыку: «А Марабай все играл, стремительно, безостановочно, меняя временами тембр – как бы трогая всякий раз другую струну в душах людей» [4, с.170]. Живое искусство и талант акына одухотворяют лица слушающих музыку.

Дихотомию лицо – маска наполняют и уточняющие образы, связанные с отдельными частями тела человека, к которым относятся руки. Автор показывает, какую важную функцию в восприятии и понимании всех жизненных обстоятельств они выполняют. Когда Ибрай болел, его кормил смотритель школы Дыньков. Рука смотрителя с рыжими волосками, кормящая его с ложечки отменным куриным бульоном, наполняется важным смыслом: рука, спасающая жизнь мальчика. Полагаем, это особенно остро ощущается ребёнком, находящимся на грани жизни и смерти: «Помнилась крепкая рука и ложка с бульоном, означающая возвращение к жизни» [4, с.109]. И вот читатель видит руку умирающего Дынькова, большую, твёрдую с задубелыми короткими пальцами, лежащую на скобе железной кровати. И эта рука противопоставлена ручкам чиновника Красовского: это трудолюбивые и надёжные руки, которые в трудный жизненный

момент спасают жизнь человека. И вместе с тем это тяжёлые руки умирающего человека.

Ибрай взрослеет. В разных жизненных ситуациях мелькают перед ним другие руки – маленькие ручки действительного статского советника Евграфа Красовского. Ибрай понимает, что именно эти ручки причастны к незаконным деньгам: «Бумага с гербом в его маленьких ручках казалась непомерно большой, тяжёлой»; «Действительный статский советник Красовский приподнял теперь от стола короткие ручки» [4, с.119]; «Совершенно явственно вдруг представился ему этот человек, быстро перебирающий в этих самых ручках ассигнации, прежде чем положить их в карман» [4, с.120]. Примечательно, что автор использует уменьшительную форму существительного *ручки*, которые говорят нам о духовной незрелости персонажа, преследующего только свои корыстные интересы и выгоду. Это ручки человека, который участвует в неблагоприятных «делишках», связанных прежде всего с деньгами (быстро перебирает в этих самых ручках ассигнации). И в этом истинное лицо чиновника. Красовский в своей линии служебного поведения предлагает оставить все как есть: считает, что киргизам просвещение, привнесенное извне, не нужно, а европейское образование только навредит. В итоге он закрепляет киргизов за тем природным окоёмом, в котором они жили веками, лишая их возможности развиваться: «Нет, все должно тут быть оставлено натурально» [4, с.121].

Особое значение имеет рука любимой женщины: «Изгиб её руки. Ему становилось жарко...». Таким образом, образ руки в романе многофункционален. И одна из функций по отношению к слабым, немощным – защита и спасение.

В романе «Колокол» обращение к пушкинскому прологу «У лукоморья дуб зелёный...» из поэмы «Руслан и Людмила» воспринимается не просто как литературная цитата, а как многослойный символ, выполняющий функцию своеобразной гармонии, чудесного порядка мира, связи времён.

Таким образом, дихотомия лицо – маска в романе М. Симашко «Колокол» тесно связана с субъективным восприятием жизни конкретным героем – И. Алтынсариным. Она преломляется через объективные обстоятельства его жизни на окраинах России, в степных аулах, а также города Оренбурга XIX века.

Главный герой романа через эту категорию учится различать добро и зло. В итоге «мировоззрение И. Алтынсарина складывалось в период, когда запуганное ростом крестьянских выступлений против помещичьего гнета царское правительство оказалось вынужденным отменить крепостное право» [5, с.9].

Анализируемые категории помогают понять читателю истинное отношение к власти, к царю, в частности, простых людей и чиновников – к подчинённым. Выделим наиболее значимые образы, в которых проявляется лицо – маска: многорукий жёлтый Идол, Человек с саблей, портрет государя-императора, руки, глаза. Руки – образ амбивалентный, поскольку «работает» на создание лица и маски персонажа. Его основные функции состоят в защите и спасении (лицо). Маленькие ручки чиновника Красовского подчёркивают мелочность, корыстолюбие и непорядочность персонажа романа.

Прекрасные голубые глаза А.С. Пушкина, смотрящие с портрета на царя, усиливают духовное превосходство поэта как сильной и независимой личности. Образ, который проходит лейтмотивом через весь роман, является неким духовным центром, включающим поэзию, свободу, творчество, – пушкинское Лукоморье.

Считаем, что данная тема довольно объёмная и перспективная для последующего исследования. В настоящей статье мы затронули только некоторые стороны рассматриваемой проблемы.

Литература:

1. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М., 2003.
2. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы, кино. – М., 1977.
3. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – М., 1978.
4. Симашко М. Колокол // Симашко М. Избранное в трех томах. Т.2. – Алма-Ата: Жазушы. – 1992.
5. Алтынсарин И. Избранные произведения. – Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1957.

**САБЫРЖАНОВА МЕРЕКЕ
АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА**

**Акмеологическое прочтение произведений
М. Симашко и Е. Турсунова**

Творческое наследие Народного писателя Казахстана, лауреата литературных премий, переводчика, публициста, сценариста М. Симашко известно далеко за пределами нашей страны. Его повести и романы, очерки и эссе прочитываются и перечитываются с применением разных методов и технологий.

В литературном процессе Казахстана и в отечественной культуре Е. Турсунов и его творчество занимают особое место. Мы определяем художественное мышление режиссёра и сценариста, прозаика, известного деятеля культуры как медиагибридное.

Студент при чтении произведения вступает в диалог с текстом, учится определять его границы, понятие о которых «несмотря на интересные исследования Ю.М. Лотмана, Е. Григорьевой, Н.Л. Абрамян и других, до сих пор содержит множество “белых” пятен» [1, с.15]. Возникает рефлексия – самый важный этап медленного чтения: нужно вспомнить реакцию на то или иное восприятие и эмоции; ответить на вопросы, возникавшие при чтении текста. Что увидел? Услышал? Почувствовал? Как понял (и понял ли. – М.С., С.А.) скрытое. Предстоит углубиться в подтексты, понять границы текста и его скрытые смыслы.

Интермедиаальный анализ, как считает Л.В. Чернец, «уясняет свойства художественного образа как такового», подчеркивает «единство художественного целого, присутствие автора в композиции» [2, с.74].

Знакомство с культурно-историческим контекстом романа «Мамлюк» Е. Турсунова через обращение к устным выступлениям автора романа, с учетом мнения критиков и читателей, зрителей, с их реакцией на публичные презентации произведения позволяет понять мотивы обращения режиссера и писателя к истории.

Султан Бейбарс – человек, который реально повлиял на ход истории.

Арабы называют его «Захр-ад-дин» – «Спаситель веры», потому что «остановил монголов, которые шли на Иерусалим. Если бы он не остановил монголов, арабы сегодня были бы буддистами. Если бы он не остановил крестоносцев, они сегодня были бы католиками, протестантами. Я не утверждаю, а лишь предполагаю. Но он остановил и тех, и других. Следовательно, он реально повлиял на ход человеческой истории и стоит в одном ряду с такими людьми, как Чингисхан, Атилла, Наполеон, Ганнибал, Александр Македонский...» [3].

Интерес казахстанцев к личности султана Бейбарса обусловлен дефицитом подлинной правды об исторической фигуре XIII века. Е. Турсунов считает своей прямой обязанностью вернуть память о нем как о личности мирового масштаба. Предложенные нами интерпретационные методики анализа поэтики романа «Мамлюк» позволяют осмыслить его образ как стратега и военачальника, героя тюркского мира.

На первом этапе проведения эксперимента участникам предложены лекции – беседы о режиссере и писателе, творческой истории романа, о признаках интермедиальности словесного текста. Дискуссии об интермедиальном мышлении писателя через обращение к интервью с ним имели целью извлечь «подтексты» в романе.

Важно обращение к другим сюжетам о Бейбарсе, в том числе к повести М. Симашко «Емшан». Герой художественного произведения М. Симашко – изгнанник, переживающий внутренний надлом. Бейбарс Е. Турсунова проходит путь к власти через рабство, испытания, победы.

В основу технологии акмеологического чтения романа Е. Турсунова «Мамлюк» и повести М. Симашко «Емшан» положен герменевтический метод, приемы которого помогают студентам понять личность Бейбарса в историко-культурном плане. Уместно применение стратегии критического мышления, алгоритм стратегии *sloу reading* способствует определению смысла сюжета через ритм фразы и темп предложения.

Следующий этап направлен на то, чтобы помочь интерпретатору встроить текст в ближний и дальний контекст, визуализировать словесный текст как кинокадр, представить сюжет в движении с помощью шума, звуков, жестов, колористики.

Далее этап анализа поэтики произведений как интермедийного текста предполагает осмысление смысловых сюжетных узлов, поэтому деление романа на блоки с ключевыми вопросами направлено не только на выявление понимания фабулы романа, но и на интерпретацию сюжета и его подтекста. Вопросы построены так, чтобы извлечь сенсорные детали и символические элементы, позволяющие понять характер и поступки Бейбарса.

Завершающий этап эксперимента по изучению интермедийной поэтики произведений, рассматриваемый нами как трансмедийный проект, посвящен составлению виртуальной экскурсии по следам султана Бейбарса и представляет собой синтез словесного материала с историко-географическим контекстом и визуализацией данных.

Роман Е. Турсунова «Мамлюк» можно рассматривать как новый миф о Бейбарсе, путь героя от раба до султана Египта, защитника ислама. Е. Турсунов показал возможности появления неомифа о сильной личности планетарного масштаба, используя интермедийные приемы для создания многоуровневого повествования об инициации Махутбека в контексте истории средневекового арабского мира: линейный сюжет исторического романа с элементами приключенческого романа, включение в историческую хронику текстов из Корана, хадисов, Библии, из Книги мёртвых, из арабской летописи о султанах ас-Захре Бейбарсе, что подчеркивает сакральный характер деяний мамлюка Бейбарса.

Об интермедийности романа Е. Турсунова свидетельствует и внешнее построение книги, начиная с ее оформления художницей Ассоль Сас. Паратекстом можно считать вступительное слово мамлюковеда Мухаммада Мухаффеля, который раскрывает истинный смысл влияния Бейбарса на мировую историю. Такую же функцию выполняют орнаментальные узоры, обрамляющие сакральные сюжеты в романе.

Интерпретация прозы Е. Турсунова современными студентами в вузе необходима, с нашей точки зрения, прежде всего, потому что автор предлагает новые подходы к решению вечных вопросов бытия, изначально создает интермедийный текст, его проза – визуальна и аудиальна, а миф не реконструируется, а воссоздается в новой форме. Е. Турсунов возвращает словесный

текст к его сакральному началу. Такой подход к художественному произведению может помочь студенту как интерпретатору сформировать культурные компетенции и практические навыки анализа интермедиального текста, ставшего ведущим трендом современной русскоязычной прозы Казахстана. Характерны для отечественного литературного процесса «поэтика перехода, реорганизации, мотив пути, преодоления временных и пространственных границ, поэтика компромисса и поиски идеала» [4].

Е. Турсунов удачно синтезирует интермедиальные коды в контексте транслингвального дискурса. Сквозь его русскоязычный текст транслируются константы иной этнопоэтической реальности, передается имагологический дискурс (*свой – чужой – иной – другой*). В этом плане интересны параллели с творчеством М. Симашко, А. Арцишевского (философия драматургического действия), М. Пака, Ст. Ли, сочетающих театральность, музыкальность текстов и акварельные наброски и пейзажи, строгую графику.

В интервью Г. Танкаевой Е. Турсунов вспоминает М. Симашко: «Как-то у нас с ним зашел разговор о национальном герое. У каждой нации есть свой герой. Должен быть. Александр Невский, Махатма Ганди, Джордж Вашингтон. А у нас кто? Махамбет? Абулхайр? Абылай? Конечно. Но кто еще? Особняком. И Симашко мне говорит: “Бейбарс”» [5].

Режиссер признается, что чувствует себя обязанным написать о Бейбарсе, Аль-Фараби и Мустафе Шокае: «... эти три величины, на мой субъективный взгляд, – самые большие величины в нашей истории. И знаешь, что их объединяет? Все они похоронены на чужбине...» [5].

Повествование о султане Бейбарсе – не описание его биографии. Автор не стремится к документальному и строго выверенному описанию эпизодов жизни героя. Ему важно создать архетип героя из тюркской среды, который достиг высот в инокультурной среде, пройдя через плен, рабство.

М. Симашко в повести «Емшан» [6] показывает героя, страдающего из-за потери родины, разлуки с ней, тоскующего по запаху емшана. Символика образа сакральна: Бейбарс понимает, что прошлое вернуть невозможно. Он – герой трагический. Возвысив, судьба лишила его самого главного. Он не принадлежит

своему народу. По мнению М. Симашко, Бейбарс – великий правитель, победитель монголов, создатель государства мамлюков и в то же время вечный изгнанник. Властитель Египта, живущий в роскоши, но в душе «пастуший сын кипчакской степи», чужой в стране, которая полностью находится в его власти. Выбор сделан: он тихо уходит из жизни в мир памяти, где чувствует запах емшана.

«Емшан» – первая повесть из цикла «Повести Черных и Красных Песков», для которого «характерно глубокое проникновение в историческое своеобразие, быт и психологию народов древнего Востока» [7, с.159].

Интермедияльная поэтика повести М. Симашко «Емшан» основана на экономном расходовании слов. В цветовой гамме преобладают «желтый, красный и черный. Изредка встречается “синий”: *синее* море, *синие* столбы мечетей Эль-Кахиры. *Желтой* может быть вода в реке, *желтый* песок, *желтая* полоса земли, *желто-серые* оливы, твердая *желтая* пыль, горячая *желтая* мгла» [7, с.160].

На берегу застывшего каменного моря, где «ветер ровный, пустой, без запахов, султан Бейбарс вспоминает свою жизнь: “Бейбарсом он сам себя называл, чтобы боялись твердости его имени”» [7, с.161]. Он дал мамлюкам власть в стране Миср.

Е. Турсунов завершил повествование о Бейбарсе в 2009 году. В декабре состоялась презентация романа «Мамлюк» [8] в Алматы, в одном из конференц-залов отеля «Достык». В своем выступлении на презентации романа автор сказал: «Эта книга родилась в дороге. А дорога выдалась дальней. И многотрудной. Я был в Прошлом. Я был Там. Оно говорило со мной. Без лжи и прикрас. Оно говорило кратко. Зато я слушал долго». Выход в свет нового романа приветствовал Г. Бельгер.

О Бейбарсе как герое повести М. Симашко читаем в монографии «Морис Симашко. Опыт филологического прочтения» [7]. На Международных литературных чтениях 2022 года, посвященных творчеству Народного писателя М. Симашко, были заслушаны доклады Р. Алмухан «Образ султана Бейбарса в произведениях М. Симашко и Р. Отарбаева» [9], А. Калиевой «Геопоэтика исторического текста М. Симашко и Е. Турсунова» [10].

Доктор филологических наук Р. Алмухан, анализируя «мотив полыни как связь с родиной» в повести С. Муратбекова «Жусан иісі», образ Бейбарса в художественных произведениях К. Саки «Юрта на вершине пирамиды», «Қыпшақ мәмлүктер», особо подчеркивает в контексте развития казахского литературного процесса вклад русского прозаика Казахстана: «М. Симашко именно в советский период сумел познакомить читателя с султаном Бейбарсом, установив духовную связь с историей» [9, с. 86]. Завершает научную статью вывод, важный для нас в плане интермедийности: «Художественный фильм “Бейбарс”, снятый по повести М. Симашко “Емшан”, также сыграл огромную роль в установлении духовной связи между поколениями» [9, с.86].

Кандидат филологических наук А. Калиева разрабатывает методику геопоэтического анализа, который «углубляет изучение поэтики, специфики образа героя, хронотопа произведения и направлен на формирование культурной идентичности» [10, с.151]. Читатель романа Е. Турсунова «должен быть подготовленным к восприятию текста. Стилистически повествование состоит из коротких предложений, но географическое пространство меняется постоянно» [10, с.151].

Применение приемов акмеологического прочтения повести М.Симашко «Емшан» и романа Е. Турсунова «Мамлюк» позволит понять авторский замысел создания универсальной модели пути кипчакского мальчика к выполнению миссии спасителя исламского мира.

Литература:

1. Шатин Ю.В. Русская литература в зеркале семиотики. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 344 с.
2. Чернец Л.В. Деталь // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учебное пособие. – М.: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 1999. – С.62-75
3. Рахимжанов Е. Ермек Турсунов: «Мы можем!» // Известия – Казахстан. 19 февраля 2010 года.
4. Сафронова Л.В. Постмодернистская литература и современное литературоведение Казахстана. – Алматы: КазНПУ имени Абая, 2006. – 96 с.
5. Танкаева Г. Ермек Турсунов: «Когда меня ругают, я говорю: да» // Экспресс К. – 2009. – №240
6. Симашко М. Емшан // Симашко М. Повести Черных и Красных Песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.22-260
7. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: ЖК, 2014. – 220 с.

8. Турсунов Е. Мамлюк. – Алматы, 2017. – 319 с.
9. Алмухан Р. Образ султана Бейбарса в произведениях М. Симашко и Р. Отарбаева // Морис Шамис (Симашко). Вторые Международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: VESTA, 2022. – С.82-86
10. Калиева А. Геопоэтика исторического текста М. Симашко и Е. Турсунова // Морис Шамис (Симашко). Вторые Международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Vesta, 2022. – С.145-151

САГИНТАЕВ ЭМИЛЬ АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА

Идентичность и диалог (по страницам романов Т. Фроловской и М. Симашко)

Известные ученые, поэты, писатели – главные герои и персонажи художественных и публицистических произведений казахстанских авторов. Представители науки, искусства, литературы являются своеобразным центром повествования, вокруг которого и развивается действие. Это и один из ведущих трендов мировой литературы.

В 1960-е годы в Москве в Академии наук СССР выходила серия «Научно-биографическая литература» («НБЛ»), в которой публиковались биографии ученых.

В Казахстане увидело свет интересное исследование Т. Фроловской «Евразийский лев» о Л.Н. Гумилеве и евразийцах начала XX века. Издание проиллюстрировано редкими фотографиями из семейного альбома, схемой этногенеза западноевропейского суперэтнуса, картой торговых путей и таблицей изменения пассионарного напряжения этнической системы [1].

С детских лет до последних дней жизни воссоздана Т. Фроловской жизнь главного героя книги. Автор раскрывает значение и суть евразийства для Л.Н. Гумилева: «Самая близкая научная школа, манера мышления, источник постоянного вдохновения, стимул к работе на протяжении долгих десятилетий – вот что такое для Льва Николаевича евразийство. Его трагедией, которой он противостоял все эти годы, была невозможность открыто примкнуть к учению, безбоязненно следовать за учителя-

ми и предшественниками. Приходилось остерегаться и скрывать свои взгляды, свое проникновение в глубины истории, свою обоснованную теорию возникновения этносов» [1, с.27].

Л.Н. Гумилев доказал, что каждый этнос имеет право на свою культуру, свой строй мыслей и свои идеалы.

«Научное наследие Льва Николаевича Гумилева, безвыездно жившего в своей стране, оказалось в том же положении, что и русская зарубежная история, русская зарубежная литература. Возвращение на “историческую Родину” произошло после 1985 года – рубежа реабилитации, рубежа возвращения “честного имени” многим и многим ученым и писателям, с книгами которых, если и можно было ознакомиться, то только в спецхранах или подпольно» [1, с.18].

Жанровое определение произведению авторы, порой, дают сами, что позволяет, по мнению В.М. Головки, рассматривать вопрос о концепции человека / личности, о жанрообуславливающих факторах, определяющих типологию жанроформирования и особенности жанрообразовательных процессов» [2, с.154].

Роман М. Симашко «Колокол» о великом казахском просветителе Ибрае Алтынсарине пронизан чувством неразрывной исторической связи России с Казахстаном.

Интересно, на наш взгляд, выявить интертекстуальные и текстообразовательные отношения между художественными произведениями исследуемых авторов с учетом современной трактовки идентичности как диалога, а не «войны идентичностей». Важно сохранить динамическое равновесие *идентичности* и *диалога* в русле господствующей в современной науке тенденции междисциплинарности.

Эволюцию стиля М. Симашко отмечали А. Нурпеисов, Н. Ровенский, Ш. Елеукенов, Г. Бельгер, В. Бадиков, Б. Майтанов, А. Жаксылыков, Л. Рыгалова, Б. Джолдасбекова, Н. Сарсекеева, А. Темирболат и другие исследователи.

Целостная сущность письма, о которой любит рассуждать Р. Барт, подразумевает сложность текста «из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а

читатель. Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» [3, с.390].

«Колокол» М. Симашко встраивается в концепцию евразийства и подтверждает ее славяно-тюркским дуализмом, так как «пронизан чувством неразрывной исторической связи России с Казахстаном на всех уровнях и, подобно другим произведениям писателя, убежден Ш.Р. Елеукенов, не теряет своей актуальности» [4, с.177]. Образ великого казахского просветителя Ибрая Алтынсарина, по сути, стоявшего у истоков национального образования и создававшего совершенно новые для того времени народные светские школы [5] – центральный в повествовании.

Писатель прослеживает становление характера, формирование мировоззрения казахского просветителя. И. Алтынсарин в постоянном поиске национального самосознания («кто есть я?») и раскрытии национальной идентичности. Но рамки романа не ограничены судьбой главного героя. Это повествование о Времени.

Композиционно в романе выделены три главы и вступление. Во вступлении воспроизведены размышления государя российского Николая Павловича перед смертью. С одной стороны – стремление к укреплению России, с другой – боязнь и непонимание народа. Эпитеты *смертный* и *холодный* (*смертный* холод, *холодная* дрожь) раскрывают чувства исторического персонажа. Смертный холод, испытанный будущим правителем в детстве, когда он увидел не похожее на других лицо солдата, посмеявшегося оказать сопротивление фельдфебелю, сопровождает его всю жизнь – и на Сенатской площади, и при воспоминании о гибели Пушкина.

В центре романа – жизнь и судьба И. Алтынсарина, сумевшего выйти из окоема и проложить дорогу к свету и знаниям узунским кипчакам.

Ретроспективно правление Россией проходит перед глазами умирающего императора – одного из действующих персонажей романа М. Симашко «Колокол».

Роман важен для современного читателя «разносторонней разработкой казахской тематики, образов представителей казахского народа» [6, с.175]. Верно подмеченная академиком НАН РК З.А. Ахметовым одна из ведущих тенденций русской литературы Казахстана важна и актуальна на современном этапе развития национальных литератур республики.

Сюжет романа «Колокол» развивается неторопливо. Картины городской жизни чередуются с описанием жизни и быта узунских кипчаков.

Интересный прием использует автор: два мира окружают главного героя, в двух мирах живет он, и два мира живут в нем самом. Такой композиционный прием позволяет нарратору наиболее полно раскрыть внутренний мир героя, передать его мысли и чувства, его взгляд на факты и явления окружающей жизни.

Центральной фигурой степи является бий Балгожа. Правитель рода, человек с властным и спокойным взглядом пользовался уважением и своих сородичей, и Генерала в Оренбурге.

Образ главного героя не статичен, он дан на страницах романа в развитии. Задумываясь над тем, как будут дальше жить его сородичи, И. Алтынсарин решает вернуться в степь, на родину. Мотив поиска родины, возвращения и вновь – путешествия станет преобладающим в прозе М. Симашко.

Но счастлив в степи, на родине Ибрай быть не может. Будучи письмоводителем у своего деда, бия и войскового старшины Балгожи Джанбурчина, он оказался в гуще борьбы за право наследования престола. Хитрость и обман Кулубека и Хасена, бесконечные тяжбы и вызовы в суд, обвинения во взятках и вместе с этим однообразие и монотонность жизни удручающе действуют на И. Алтынсарина.

Большую роль в формировании мировоззрения главного персонажа сыграли его школьные учителя – надзиратель Дыньков и учитель русской словесности Арсений Михайлович Алатырцев, прототипом которого послужил корреспондент герценовского «Колокола».

Духовный мир личности И. Алтынсарина, его наставников и друзей – в центре романа М. Симашко «Колокол». На страницах произведения воссоздана творческая, располагающая к размышлениям, интеллектуальным спорам и в то же время умиротворяющая, уютная атмосфера вечеров в доме Алатырцева. Ибрай сравнивает вечера у любимого учителя и попечителя Плотникова. Подобный композиционный прием помогает автору показать происходящее как бы со стороны и не содержит непосредственной оценки автором. Ни громких споров не услышал Ибрай у попечителя, даже и не говорили собравшиеся, а «только согласнo покачивали головами». У Алатырцева спорили и о делах на линии, и о Крымской войне, и о судьбе kobзаря Шевченко.

Одна из особенностей творческой манеры М. Симашко состоит в том, что первоначальная характеристика героя в процессе разворачивания действия дополняется новыми деталями. Так, портрет родственницы Ильминских – Дарьи Михайловны дан через восприятие Ибрая. Обращает на себя внимание голос героини, мягкий и ровный, полный ласковой силы. Далее подчеркивается простота слов и простота внешнего облика: «Все в ней было просто: белое лицо с чуть вздернутым носом, гладко зачесанные волосы, спокойные серо-голубые глаза» [7, с.103].

Прослеживается трансформация стиля романа, он словно включает в себя несколько стилевых направлений. В иной стилистической манере идет рассказ о роли Дарьи Михайловны в судьбе Ибрая. При виде ее в памяти Ибрая «возникла сказка, которую учил он в школе: из темноты нависали лапы деревьев, и кто-то мчался на сером волке, бережно придерживая ее...» [7, с.139]. О каждом из героев автор пишет по-особому.

С молчаливого согласия и одобрения Дарьи Михайловны решается Ибрай посвятить свою жизнь учительской деятельности.

В монографии «Русская литература Казахстана» Б. Джолдасбекова пишет о том, что «в основе архитектоники романа “Колокол” лежит последовательно проведенный циклический принцип. Цепь сюжетных звеньев представляет собой систему замкнутых кругов, фактически являющихся ипостасями одного и того же круга – окоема. Образ окоема возникает неслучайно: неоднократно повторяясь и представая в различных вариациях.

Он вырастает до символа. Деление повествования на вступление и три части (“Окоем”, “Два мира”, “Колокол”) также оправдано причинно-следственными и хронологическими связями и, прежде всего, авторской установкой» [8, с.175-176].

Роман «Колокол» М. Симашко известный литературовед И.Х. Габдиров рассматривал не только как «жизнеописание представителя демократически настроенной интеллигенции». Он называл роман «художественным полотном, рисующим социально-психологическую картину состояния казахского общества того исторического периода» [9, с.82].

Таким образом, роман М. Симашко «Колокол» репрезентирует в художественных образах картину жизни казахского общества XIX века. Роман Т. Фроловской «Евразийский лев» повествует о жизни и научной деятельности Л.Н. Гумилева в контексте евразийства, о котором М. Симашко рассуждает не только на страницах своих художественных произведений, но и в публицистических эссе и очерках.

Литература:

1. Фроловская Т. Евразийский лев. – Семей: Международный клуб Абая. 2003. – 210 с.
2. Головкин В.М. Герменевтика литературного жанра: учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2016. – 184 с.
3. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва, 1994.
4. Елеукинов Ш.Р. О творчестве Мориса Симашко // Елеукинов Ш.Р. Казахская литература: новое прочтение. – Алматы: Алатау, 2007. – С.172-179
5. Ермекевич Ж. «Приходите, дети, учиться!» // Казахстанская правда. 12 июня 2013 года. – С.13
6. Ахметов З.А. Современное развитие и традиции казахской литературы. – Алма-Ата: Наука, 1978. – 179 с.
7. Симашко М. Колокол. – Алма-Ата: Жазушы, 1982
8. Джолдасбекова Б. Русская литература Казахстана. – Алматы: Қазақ университеті, 2008. – 358 с.
9. Габдиров И.Х. Писатель и действительность. – Алма-Ата: Жазушы, 1984. – 190 с.

**САРСЕКЕЕВА НАТАЛЬЯ
СЕЙТКАЗЫ ЭЛЬМИРА**

**Культурно-исторический код романа Б. Жандарбекова
«Саки» и традиции М. Симашко**

Своим творчеством Болат Жандарбеков доказал, что масштабность духовного содержания в произведениях исторической прозы не зависит от их объема и жанровых форм, а усиливающийся интерес к его произведениям в наши дни наглядно свидетельствует о том, что данная область исследования остается достаточно актуальной для современной филологической науки. С 1990-х годов и по сегодняшний день интерес к личности и творчеству Б. Жандарбекова все чаще привлекает внимание критиков и литературоведов. В частности, в трудах Ш. Елеукенова [1], С.М. Алтыбаевой [2, 3], А.Б. Темирболат [4] и других были намечены пути изучения художественного мира писателя, проблематики его произведений и вопросов мастерства.

Творческий опыт Б. Жандарбекова хорошо известен казахстанским и зарубежным читателям, исторический роман-диалогия «Саки», состоящий из двух частей: «Томирис» и «Подвиг Ширака», занимает особое место в его творчестве и в отечественной литературе. Не случайно совсем недавно он был выпущен на казахском и русском языках в издательстве «Фолиант» [5]. В исторической прозе казахстанского русскоязычного писателя воплощен синтез разных философских систем и культур, обусловленный, с одной стороны, многонациональностью нашего государства, с другой – процессами глобализации и интеграции.

Художественный опыт Б. Жандарбекова отличается самобытностью, неповторимостью художественных образов и оригинальностью стиля. В структуре и содержании его произведений органично соединяются восточные легенды, предания, тегрианские, библейские, коранические и мифологические сюжеты, идеи кочевой философии кочевников и казахской национальной самоидентификации.

В свете традиций развития исторической прозы в нашей стране имя Мориса Давидовича Симашко, Народного писателя

Казахстана, первого лауреата Президентской премии мира и духовного согласия, выдающегося мастера перевода, автора романов о драматических событиях периода правления Сасанидов «Маздак», «Искупление дабира», «Путешествия в Карфаген»; повестей «Емшан», «Искушение Фраги», «Хадж Хайяма» и многих других произведений пользуется особым уважением. В его книгах представлены такие яркие исторические личности как выдающийся казахский просветитель И. Алтынсарин (роман «Колокол»), в котором немало интересных сведений можно почерпнуть и о хане Кенесары, Хивинском походе и отражении кокандцев, и о сосланном в степь поэте и художнике Т. Шевченко, а также об обычаях и укладе жизни казахов в XIX веке. Автору романа об Алиби Джангильдине («Комиссар Джангильдин») было присуще особое чувство историзма, общечеловеческая значимость изображаемых характеров и реалий, умение системно сопоставлять разрозненные факты и явления через призму давно прошедших событий, дар ассоциативного мышления. И это во многом обусловлено тем, что помимо работы в СМИ, в частности, в период его проживания в туркменском городе Мары, он также преподавал историю древнего мира и средних веков в местном университете.

В книгах М.Д. Симашко удивительным образом сочетались разные исторические эпохи, судьбы разных народов и героев, не случайно они переведены на более чем 50 языков мира. Роман «Семирамида» позднего периода его творчества об императрице Екатерине II, при жизни названной Великой, был выдвинут Международным Казахским ПЕН-клубом на Нобелевскую премию.

Он искренне любил Казахстан, где прожил значительную часть своей жизни, Алма-Ату и ее жителей. Будучи интернационалистом, евразийцем по складу ума и выражению души, активно поддерживал многих отечественных творческих деятелей, отсюда такая многогранность его наследия, особая отзывчивость и увлеченность, глубокое чувство патриотизма и дар талантливо отразить дух эпохи. Особенное, глубокое чувство истории позволило точнее ощутить минувшие столетия, а поистине научная археологическая точность в описании событий прошедших веков погружала читателей в мир далекого прошлого, чтобы еще

более наглядно сопоставить историю и современность. Его роман «Маздак» (в первом издании «Хроника царя Кавада»), вышедший еще в 1968-м, и до сего дня является первым и единственным художественным произведением на русском языке, посвященным истории доисламского Ирана (Эран-Шахра), события в котором происходят в эпоху правления династии Сасанидов [6].

Кроме мастерского владения автором романа деталью привлекает внимание также умелое использование ситуативных метатропов – определенных смысловых комплексов, обусловленных внутренней авторской позицией, создающих постоянное функциональное наполнение образов и характеров. Так, в описании ряда драматических сцен М. Симашко нередко вводит восклицательные конструкции, характеризующие искренность, способность героев восхититься порой не самыми значительными жизненными событиями и испытать глубокое эмоциональное потрясение. Впечатляет лейтмотивом повторяющееся не раз восклицание разгоряченной толпы: «О Маздак... о-о!..». Подобные выразительные конструкции, как восклицательного, так и вопросительного характера, усиленные дополнительно междометиями, способствуют созданию также композиционного метатропа, связывающего воедино разрозненные фрагменты повествования в единую картину изображения жестокости тоталитарного режима и его губительных последствий.

Подобные примеры использования данного приема можно обнаружить и в тексте романа Б. Жандарбекова «Саки», впервые опубликованного в 1991-м году. Роман был хорошо принят критикой и читателями, привлек внимание своей ярко выраженной культурно-исторической образностью. Одна из причин этого – изображение событий VI в. до н.э. с участием «царя царей» Кира, затем Дария, легендарной царицы саков Томирис и др.; а вторая – это быт, социально-общественные отношения, обычаи и духовный мир саков, кочевого племени, получившего широкую известность в мировой истории. Как отмечает авторитетный исследователь, саки, известные в древней истории как «носящие острые короны», «делающие хаому» и «стерегущие золото сильных», были главной движущей силой формирования многих новых систем мышления [7, с.36].

Перед автором исторического романа стояла весьма сложная задача – эксплицировать художественными средствами в максимально широких границах истоки зарождения древнетюркской государственности, формирования национального менталитета, культуры и духовности. Многоплановое романное повествование как концептуальное решение указанной сложнейшей эстетической и мировоззренческой задачи по-особому структурирует текстовое пространство: оно становится многомерным, полисобытийным, связанным с «авторской системой моделирования мира» (Ю.М. Лотман).

В повествовании М. Симашко, как правило, большое внимание уделяется религиозным представлениям, которые нередко являются предметом споров героев романа «Маздак»: «Какая разница, чему поклоняться: арийскому огню, иудейской книге или гуннским камням. Это только различные формы стремления к правде. Чем, кроме шелухи, является форма? ... Природа создала людей равными, и следует вернуться к первозданной правде! ... Истина – как одеяло. – Глаза Фархада блеснули. – За один конец его тянет иудей, за другой – носящий крест, за третий – индус, за четвертый – поклоняющийся Мазде. Какое одеяло выдержит! ... – Да, так и говорит правдивый Маздак! – громко сказал один из азатов [6].

В свою очередь внимание Б. Жандарбекова сконцентрировано на событиях персидско-сакской войны, описанной Геродотом и другими выдающимися писателями античности, однако при этом в поле зрения писателя также далеко не простые взаимоотношения между основными сакскими племенами, их ожесточенное соперничество между собой в борьбе за влияние и власть.

В сюжетной линии «Саков» немало места принадлежит описанию быта саков (восточных скифов), их привычкам, ритуалам, вооружению, организации воинских подразделений и досуга, органично вплетенным в повествование. Автор подчеркивает, что главным для саков была защита Родины, и именно в этой связи акцентирует значение для истории такого лидера как царица племени массагетов, Томирис, сумевшей хотя бы на время объединить страну.

Вся первая часть дилогии «Саки» – «Томирис» повествует о событиях древнего времени, когда появился один из первых завоевателей мира, царь Персии, незаурядный политический деятель и великий полководец Кир Великий. Имя его еще при жизни стало легендарным, однако свободолюбивые племена степи под предводительством царицы Томирис сумели оказать его армии мужественное сопротивление и сокрушительный отпор.

Изображаемые в романе исторические лица удивительно многомерны, яркий пример тому – сама сакская царица. Она в изображении писателя часто предается воспоминаниям, тщательно анализирует военную тактику своего отца Спаргаписа, чтобы выбрать наиболее правильную стратегию в ведении войны с персами, постоянными противниками кочевого народа. Автор подробно передает движение ее мыслей, характеризует ее отношение к окружающим людям. Столь пристальный интерес к внутреннему миру героини объясняется желанием писателя понять психологию женской души, проникнуть в самые глубины духовного пространства ее сознания и памяти.

Являясь царицей племени саков, в силу исторической необходимости Томирис вынуждена совершать набеги на соседние государства, вести войны, наказывать и миловать подданных, сражаться за власть и защищать свой трон. После легендарной победы над Киrom кочевники начинают считать ее божеством, «дочерью неба», с синевой небес сравнивает цвет ее глаз Рустам. Она возвышается над остальными героями произведения не только благодаря своему социальному статусу, но и сугубо человеческим качествам. Символичен в этом плане финал романа, в котором описывается смерть царицы, одиноко умирающей на походном троне, установленном на высоком кургане по ее просьбе.

Вторая часть дилогии «Подвиг Ширака» повествует о том, как после поражения персидского царя Кира Великого, благодаря заговорам и коварным интригам, Дарий Великий занял царский трон. Однако, стремясь завоевать территорию саков со своей огромной семисоттысячной армией, он бесславно теряет ее в безводной степи и терпит позорное поражение благодаря хитрости обычного пастуха из племени саков Ширака. Вся сюжетная линия основана на втором походе персов против саков. И автор

перманентно переносит читателя от одной противоборствующей стороны к другой, тем самым выстраивая параллель событий двух держав. Описаны интриги царских дворов, смена власти в Персидском государстве и предательства со стороны сакской знати.

Достаточно подробно в романе представлено положение женщин в древнем обществе. На примере двух сакских племен автор выявляет роль массагеток и савроматок в жизни кочевых народов: женщины принимают самое активное участие в военных действиях, они уступают мужчинам во встречах боях, но более опасны в коротких атаках. Более того, в повествовании эксплицировано, что в савроматском племенном союзе женщинам принадлежит главенствующее положение, они обладают царской властью или занимают должность верховного жреца. У массагетов же власть долгое время находилась в руках мужчин, поэтому воцарение Томирис стало для них неожиданным. Не случайно уже в эпизоде первого появления героини в романе ярко выражены мотивы стремительности, блеска: «Женщина вошла в шатер. Вошла стремительно. Серебряная чешуя ее панциря заискрилась и погасла, как только опустился полог» [5, с.7].

Древние скифы-номады воспринимали мир единым, соответствующим модели «Мир как целое». В соответствии с этим пространственно-временная модель скифского общества сформировала своеобразную дихотомию (двоичную оппозицию), представляющую целостность и многообразие Вселенной: верх – низ, юг – север, Небо – Земля, день – ночь, правый – левый и др. Кочевник понимал, что природа, имеющая особые параметры пространства и времени, имеет сакральную силу, благостно действующую и влияющую на судьбу человека. Вследствие этого каждая вещь в быту тюрков характеризовалась многозначностью и наделялась сакральным значением (акинак, бурдюк с водой, тамга и др.). Познавая мир, номады выявляли множество осей в многомерном мире, в котором необходимо жить, обу-страивать свой быт.

В мировоззрении номадов человек неотделим от категории времени и имеет не линейную, а цикличную структуру. Представления кочевников о сакральном пространстве представлены двумя категориями: первое – трансцендентальное сакральное

пространство; второе – реальные пространство. За этими двумя категориальными представлениями существовали и иные представления о пространстве и времени, как, например, мифологическое. Исследователь Б. Нуржанов отмечает, что кочевой образ жизни формирует совершенно иные понятия и ценности, иные традиции и обычаи, чем оседлый.

В кочевой ментальности, по аналогии с гераклитовской диалектикой, все течет, все изменяется [7, с.20]. Эта особенность пространства и времени, отраженная в конструкции их жилищ, захоронений, в отдельных предметах, иллюстрируется космологическими представлениями скифов-номадов. Различные типы сакрального пространства-времени охватывает диалогия Б. Жандарбекова, в которой широко представлено культурно-историческое время-пространство. Так, описывая завоевательные походы Мадия, Кира и Дария, автор характеризует бытовой уклад народов Передней Азии, Персии и других, сопоставляя особенности мировоззрения, традиции кочевников и жителей цивилизованных государств.

В ходе повествования «Саков» не раз акцентируется внимание на том, что отличительная особенность саков – соблюдение ими «священного гостеприимства», согласно которому они принимают у себя даже злейшего врага, оказывая ему положенные в таких случаях почести. Яркий пример тому – пребывание сына царя тигрохаудов Рустама на территории савроматов или встреча Спаргаписа с незаслуженно обиженными им вождями сакских племен... В рамках культурно-исторического времени автор рассматривает религиозные воззрения саков, персов, народов Передней Азии, традиции, социальные законы, менталитет кочевников и народов, ведущих оседлый образ жизни: «В отличие от земледельческих держав, где монарх являлся высшей властью, считался воплощением бога на земле или, на худой конец, его сыном, и его воля, желания и даже каприз были законом для подданных, в кочевой среде верховный правитель – вождь, князь или царь – зависел от племенной верхушки. Пользуясь родовыми и патриархальными отношениями, поддержкой сородичей, каждый племенной вождь или старейшина обладал более реальной властью, чем правящая династия, которая чаще всего

утрачивала связи с племенем, из которого вышли родоначальники династии» [5, с.75].

Культурно-историческое время в изображении автора также способствует раскрытию национальных особенностей разных народов. Так, рассказывая о столкновении войск Дария и Вахъяздата, автор отмечает, что сражение произошло на пятый день месяца гармапада. Повествователь использует персидское название для обозначения временного периода, чтобы еще более выразительно воссоздать своеобразие той эпохи. Широко представлены также обряды, проводимые саками перед сражениями и во время различных празднеств. В частности, саки поклоняются богу Солнца, персы – Ахуре Мазде, арабы – богу Оротальте и богине Алилат. В романе представлено и социальное время-пространство, эксплицирующее особенности общественного устройства государств Сакосенны, Персии, стран Передней Азии.

При этом в структуре социального времени-пространства романа отчетливо прослеживаются внешний и внутренний уровни. Первый наглядно демонстрирует особенности жизненного уклада кочевников и земледельческих государств. Второй уровень способствует постижению общественного сознания массагетов, персов, народов Передней Азии, которое раскрывается через их отношение к происходящим событиям, к правителью и проводимой им политике.

Так, например, персы одобряют все завоевательные походы Кира, а массагеты, двояко относившиеся к Спаргапису, напротив, высоко оценивают деятельность Томирис и как царицы, и как полководца. Автор органично соотносит прошлое и настоящее, тем самым подчеркивая динамичность того времени: «Прошли те времена, когда могли существовать отдельные племена и даже роды, добывая себе пищу и защищаясь от врагов. Земледелие и скотоводство повысили цену на земли и пастбища. Одна неудачная битва или голодная зима превращали сильное и цветущее племя в жалкое скопище людей. Союз племен помогал выстоять против врага и в борьбе с суровой природой» [5, с.78].

Известно, что почитание огня является важным компонентом этнического сознания кочевников. На страницах романа представлен ряд сцен ритуальных действий, совершаемых ими: очищение огнем и обращение к нему, которое совершает Томирис

вместе со старейшинами накануне важного сражения, имеющего принципиальный характер. Суровый кочевой образ жизни массагетов приучил их знать цену каждому куску пищи: «Кочевник умел в течение долгого времени терпеливо переносить голод, но, если ему выпадала возможность насытиться, он мог поглотить невероятное количество еды, как бы запасаясь впрок, подобно верблюду. Угощение было сильным оружием степи... особым корыстолюбием кочевники не отличались, т.к. каждый из них был воином, железо они ценили выше золота, а скот – больше драгоценных камней. Только конь мог заставить дрогнуть сердце наездника. Да еще угощение» [5, с.307].

В повествовании Б. Жандарбекова немало внимания уделено описанию небесных светил: образам солнца, луны, Полярной звезды. Кочевникам пространство сакральной природы представлялось чем-то живым, обладающим сознанием: пространство природы может как исцелить, так и наказать за содеянное. Психологический аспект пространственно-временного континуума произведения позволяет заглянуть во внутренний мир разных героев, в пределах которого раскрываются их внутренние переживания, сомнения, прослеживается смена душевных состояний в различных ситуациях, их отношение к действительности. Так, вторгнувшись в земли кочевников, царь персов Кир называет Красные пески *гибельными*, Черные пески *проклятыми*, поскольку его армия постоянно несет потери из-за укусов змей, пауков, изнуряющей жары и налетов массагетских отрядов. Годы сопротивления ишгузам ассирийцы называют *кровавыми*, так как они в течение этого периода подверглись жестоким расправам захватчиков.

Герои романа «Саки» почти всю жизнь проводят в пути, в седле (жолда): путешествуют в пространствах Степи, городов, государств, мчатся на битву, ищут родных, невесту и т.д. Скифы-кочевники находятся в постоянном движении – это могут быть перекочевки, перегоны скота, военные действия, защита территорий, где решалась их судьба, благословенная Небом. Хронотоп *дороги* переплетается в диалоги Б. Жандарбекова с образами конкретных героев.

Так, например, автор отмечает, что жизненный путь Рустана, мужа Томирис, был прямым как полет стрелы. Путь

Рустама прямой, поскольку он сам открытый человек, не способный на ложь и лицемерие. Повествуя о возвращении сакского отряда из очередного похода на родину, писатель указывает, что воины преодолели огромные расстояния, при этом их путь «напоминал причудливый полет летучей мыши».

Сакральный Путь никогда не заканчивается, кочевник обращается к Небу, а, получив благословение, идет в бесконечность, зная свои духовные корни, культурные ценности. В романе немало описаний природы, а сам образ природы (степи) органично вплетается в повествование об укладе героев и их душевном состоянии. Томирис, размышляя о собственном непростом положении в стане массагетов, пристально всматривается в родную степь, и само созерцание помогает ей сосредоточиться и обрести душевное равновесие.

В романе яркими красками представлены календарные, циркадные, биологические, социальные, психологические ритмы. При этом календарные ритмы раскрываются на уровне описания времен года: перманентны указания автора на то, в какой период развиваются те или иные события. Так, например, Спаргапис появляется в стане массагетов, когда «начинает зеленеть трава». Томирис проводит всю осень и зиму в поисках способов примирения вождей племен, тем самым акцентировано влияние календарных ритмов на ритм жизни людей. Более того, авторские описания времен года несут в себе символическое значение, ибо приход Спаргаписа ранней весной символизирует грядущие перемены, ожидающие сакское государство, обновление бытия массагетов.

В свою очередь, осень и зима для кочевых племен – это время своеобразного замедления ритма окружающего мира. Не случайно Томирис в этот период, сосредоточенная на переговорах с вождями непокорных сакских племен, не принимает каких-либо кардинальных решений и действий. Такие календарные ритмы способствуют более полному постижению цикличности бытия и преемственности поколений. Циркадные ритмы отражают особенности бытия героев в связи со сменой дня и ночи, их течение раскрывается в диалогии посредством описания картин рассвета, утра, заката. Автор указывает точные исторические даты, географические названия городов, стран. Пред-

ставлены отдельные картины жизни таких древних государств как Скифия, Лидия, Мидия, Персия, Ассирия, Египет, описывается красота и величие Ниневии, Вавилона, Иерусалима, Персеполя и других.

Пространственно-временная позиция автора периодически совпадает с пространственно-временной позицией персонажей, передается при помощи множества риторических восклицаний и вопросов, частотного использования многоточий, которые выполняют в произведениях несколько функций. Прежде всего, они демонстрируют переход героев из одного пространственно-временного измерения в другое, в результате которого возникает прерывистость изложения.

Так, автор ставит многоточие, повествуя о том, что, сев на кошму, Томирис задумалась. Оборвав действие, совершаемое ею в действительности, и переключив повествование на раскрытие ее внутреннего состояния, тем самым он как бы останавливает реальное время. Во-вторых, многоточия подчеркивают неопределенность дальнейшего времени. Заканчивая фразы данным знаком препинания, автор словно указывает на то, что он не знает, как будут развиваться события дальше.

В-третьих, многоточия демонстрируют напряженность ситуации, в которой оказываются герои. Пример тому – описание судьбоносного поединка Рустама и Томирис («и...клинок Томирис звякнул о клинок Рустама. Это было невероятно!»). Тем самым текст передает эмоциональный накал участников и свидетелей поединка, насыщенность данного временного промежутка действием и эмоциями. В ряду значимых для концептосферы романа сквозных концептов и мифологем выделяются следующие: *акинак, огонь, тамга, боевой клич (уран)* и другие, отражающие специфику миропонимания и мироустройства саков.

Реальность, в которой живут изображаемые автором лица, перманентно соотносится с явлениями прошлого, отсюда употребление наречий *«раньше»* и *«теперь»*, *«тогда»* и *«сейчас»*. Например, рассказывая о строительстве крепости в Вавилоне, писатель подчеркивает, что ее мощь и высота превосходят все сооружения, созданные до сего времени: «История торопливо дописывала последние страницы Вавилона, возникшего более трех тысяч лет назад, рухнувшего под ударами Ассирии и вос-

ставшего из руин и пепла» [5, с. 197]. В романе – дилогии довольно часто упоминание имен богов, которым поклонялись саки, персы, египтяне, мидяне, лидийцы, ассирийцы, в честь которых возводились храмы в Вавилоне. Огромную роль в жизни государств играют жрецы, выступающие посредниками между небесным и земным мирами.

Одна из глав третьей части первой книги посвящается Персии. В ней описываются красота и величие Вавилона, считавшегося «столицей мира», раскрывается роль и значимость религии в жизни его населения. Внимание автора к Вавилону и его религиозности, связанной с представлением о покровительстве божественного мира, углубляет драматизм судьбы столь могущественной страны, попавшей под власть Кира. Отметим особенности построения второй книги «Подвиг Ширака», отдельные части которой объединены в три группы: «Бог», «Царь», «Герой». *Бог* – представитель Неба, от него зависит судьба человечества. *Царь* – его наместник на земле, он управляет людьми. *Герой* – выходец из народа, отличившийся своими особыми качествами. Закономерно, что царь оказывается средним звеном между Богом и Героем: хотя царь и вершит судьбами людей, страны, его собственная судьба находится в руках Творца и выдающейся личности, способной своим поступком перевернуть ход событий.

Повествование дилогии насыщено сопоставлениями с природой, ее обитателями. В частности, Ассирия сравнивается со старым львом, а армия персов, вторгающаяся в соседние государства, – с саранчой. Ишгузы, завоевавшие значительную часть земель Передней Азии, напоминают удава, проглотившего крупную жертву. Враждующие савроматы и массагеты напоминают двух крупных зверей, кружащих вокруг друг друга. Кир мечтает завоевать государства Азии и развеять их подобно ураганному ветру. Сравнения, проводимые автором между природой и миром людей, отражают неразрывное единство их пространства и времени, подчеркивают, что человек – это часть окружающего его мира. Обилие параллелей с природой раскрывает особенности мышления древних людей, которые ощущали обусловленность своей судьбы переменами, происходящими в ней.

Как отмечает С. Ананьева, «диалог цивилизаций и культур немислим без знания» [8]. Переосмысление духовных ценностей, адаптация к новой геополитической, экономической, коммуникативной ситуации естественно подводит к тому, что все более остро ставится вопрос национальной идентичности личности. В романе-дилогии «Саки» его автором проводится четкое разграничение таких категорий как пространство и время, быт и бытие, любовь и ненависть. В процессе повествования Б. Жандарбеков настойчиво эксплицирует двойственную природу мира кочевников, дуализм материального и духовного начал.

Характеры его героев вырастают «из мельчайших подробностей» окружающего быта, что не мешает им подниматься над повседневностью и задумываться над такими сложными и волнующими вопросами как смысл бытия, отсюда раздвижение границ внутреннего мира персонажей до вселенских масштабов. Сознание лучших героев произведения вбирает в себя целые эпохи, поколения. Они ощущают себя неотъемлемой частью Земли, космоса, вследствие чего устанавливается особая связь времен и пространств, в единой полифонии начинают звучать голоса природы, городов, государств.

Включение в единую концептосферу дилогии Б. Жандарбекова известных мировых образов – символов (цари Кир, Валтасар, Гомер, Крез и др.), мифологических и фольклорных сюжетов, географических, биографических сведений и философских отступлений позволили писателю создать обладающее внутренним единством и сюжетно-событийным динамизмом неординарное произведение. Безусловно, это требует такого же всестороннего междисциплинарного подхода как и изучение произведений М. Симашко, неизменно считавшего своей постоянной темой историю культуры, социальных движений и государственности Востока.

Литература:

1. Елеукенов Ш. С новой строки: Литературные портреты, исследования. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 236 с.
2. Алтыбаева С.М. Казахская проза периода независимости: традиция, новаторство, перспективы. Издание 2-е, с доп. и изм. – Алматы: Ғылым, 2018. – 440 с.

3. Алтыбаева С.М. Культурные коды современной литературы Казахстана // Культурный код в интермедиаальном пространстве. – Алматы: Ғылым, 2019. – С.9-24
4. Темирболат А.Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. – Алматы: Ценные бумаги, 2009. – 504 с.
5. Жандарбеков Б. Саки: исторический роман-диалогия. – Астана: Фолиант, 2024. – 656 с.
6. Симашко М. Маздак. Искушение Дабира. Повести Черных и Красных песков. Романы. – М.: Советский писатель, 1984. – 544 с.
7. Нуржанов Б.Г. Культурология: курс лекций. – Алматы: Университет «Кайнар», 1994. – 128 с.
8. Ананьева С.В. Феномен Мориса Симашко // https://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2024/2024-03/03-2024_1.pdf

**ТУСУПОВА АЛМА
УЗБЕКОВА ЖАННА**

**Интерпретация художественного мира
М. Симашко в переводе**

Там, где кончается литература,
всегда продолжается жизнь...

Виктор Бадиков

Современная система образования ориентирована на выявление уровня сформированности у студентов умения понимать текст, интерпретировать его и формулировать аргументированное высказывание. Мы считаем, что повысить интерес к знаниям, уровень инициативы и познавательную мотивированность можно с помощью различных стратегий чтения.

Основываясь на собственном профессиональном опыте и на результатах исследования в области переводоведения, мы разработали обучающую систему скоростного восприятия и осмысления текста, своего рода модель творческого чтения и перевода. Наш способ чтения и художественный перевод – это путь к формированию перспективных идей, к пониманию авторской позиции и становлению собственной точки зрения, собственной позиции по отношению к прочитанному. Мы идем со студентами по пути понимания текста – к аргументированному

высказыванию, умению говорить доказательно и профессионально.

Литература всегда считалась «учебником» жизни. Известно, что писатель во все времена и во всех странах рассматривался как мудрец, учитель. Это человек, который много видел и много знает, и, обладая даром слова, может передать увиденное и пережитое другим.

Стали частью мирового литературного процесса повести и романы М. Симашко «Повести Черных песков», «Хроника царя Кавада», «Повести Красных песков», «Маздак», «Искушение» Дабира», «Семириада», «Падение Ханабада», «Колокол», «Комиссар Джангильдин», «Путешествие в Карфаган», киносценарии, пьесы, очерки, фельетоны.

Объектом лингвостилистического анализа мы избираем «Дорогу на Святую Землю» М. Симашко [1]. Это обусловлено жанровым своеобразием книги. Идея перевода на английский язык текстов эссе и очерков, объединенных автором в книгу «Дорога на Святую землю», появилась у нас во время проведения Международной научной конференции «Поэтика литературного текста и художественный перевод». Это были Четвертые Международные литературные чтения. Состоялись они в Доме-музее М.О. Ауэзова. И это было символично.

М.О. Ауэзов и М.Д. Симашко были не только знакомы. М. Симашко запечатлел облик Мухтара Омархановича в одном из своих очерков-эссе.

Студентам Каспийского университета при переводе текстов публицистики с элементами художественности из «Дороги на Святую Землю» М. Симашко интересна история, давняя и не столь отдаленная, XX век. Привлекает их внимание и восприятие стран Центральной Азии зарубежными критиками, писателями, деятелями культуры, которые путешествовали с М. Симашко по городам и степным просторам, пустыне.

Трехязычие – тренд современного образования. Требованием времени является знание казахского, русского и английского языков. Молодежи, чтобы быть востребованной, необходимо знать несколько языков. Это аксиома нашей жизни.

В полиэтнической среде один из языков непременно занимает доминирующее положение. В силу сложившихся обстоя-

тельств он становится средством общения между носителями разных языков. В данном случае эту роль выполняет русский язык.

Роль литературного перевода в формировании единого культурного пространства сложна и значительна. Перевод обеспечивает высокую степень взаимообогащения культур и литератур, что отражено в национальных литературах.

Произведения М. Симашко переведены на сорок языков мира, но книга публицистики «Дорога на Святую Землю» пока не становилась предметом художественного перевода и объектом изучения в переводоведении.

Интересны переводы произведений казахстанского автора с мировым именем на французский, польский языки. Как отметил французский критик Ален Боске в газете «Фигаро» по поводу выхода во Франции в 1992 году романа «Семирамида»: «Морис Симашко – русский писатель, который ни на кого не похож».

К русскоязычным авторам относит его Л. Дени. Вердье открыл французскому читателю Д. Кржижановского, А. Злобина, Ф. Горенштейна и М. Симашко, «родившегося в Одессе в 1924 году...» [2, с.78].

Перевод художественного произведения рассматривается как «средство расширения гуманитарного сотрудничества. Это является фундаментом для дальнейшей, более успешной работы, в которой будут преодолены границы непереводаемости, ибо, как писал И. Гёте: “При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык”» [3, с.42].

И мы уверены, что в рамках Шестых Международных литературных чтений, посвященных М. Симашко, будут презентованы переводы очерков-эссе из книги «Дорога на Святую Землю», выполненные студентами Каспийского университета г. Алматы.

Литература:

1. Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996.
2. Галай К. Морис Симашко: по следам французских изданий // Морис Шамис (Симашко). Четвертые Международные литературные чтения, посвя-

ценные творчеству Народного писателя Казахстана. Материалы Международной научной конференции «Поэтика литературного текста и художественный перевод». – Алматы: Мицва, 2024. – С.75-78

3. Ананьева С., Карлюкевич А. Казахская проза на белорусском языке: проблема перевода и границы неперевода // Казахская литература в международных контекстах / Отв. редактор С.В. Ананьева. – Алматы: Evo Press, 2024. – С.6-44

ХАМРАЕВ АЛИМЖАН

Проблема имперской власти в исторических произведениях М. Симашко

Имперская власть в исторических произведениях М. Симашко «Емшан», «Маздак», «Семирамида» «Четвертый Рим», являясь центральной темой, отражается в бинарной структуре проблемы войны и мира, диалога личности и истории, власти и времени, власти и одиночества, свободы и деспотии, в имперском сознании и исторической преемственности.

М. Симашко рисует психологию правителей, их отчуждение от общества, особенности трансформации и поиска корней и объясняет причины жестокости и насилия. Прозаик проводит параллель между Древним Египтом, мамлюками, Византией, Российской империей и сталинской эпохой. Он был убежден, что суть имперской власти не меняется: это всегда жесткая вертикаль, основанная на страхе, доносительстве и сакрализации правителя.

Власть как одиночество и бремя рассматривается в контексте диалога человека и истории. Например, Султан Бейбарс – герой повести «Емшан», вершитель судеб, находящийся на пике могущества, осознает глубокое одиночество и отчужденность от своего народа. Для египтян он чужой. Власть не является самоцелью, она – поле борьбы между личностью и ходом истории, насилия и гуманизма.

М. Симашко фокусируется на внутреннем мире властителя. Власть несет разрушительную силу. Неизбежно возводится стена между правителем и обществом. Личные

привязанности становятся слабостью, доверие невозможно. Кроме одиночества и отчуждения, борьба за власть непременно порождает механизм подавления. Автор детально анализирует, как государственная машина перемалывает человеческие судьбы ради «высших целей» империи. Власть превращается в самоцель.

М. Симашко пишет о трагедии выбора. Герои, будь то султан Бейбарс или Екатерина II, часто оказываются перед дилеммой: сохранить человечность и потерять трон либо стать тираном, чтобы удержать порядок. Автор показывает, что благие намерения правителя разбиваются о косность системы.

Анализируя деспотию, взаимоотношения тирана и подданных, где власть выступает как подавляющая сила, как, например, в «Четвертом Риме», М. Симашко поднимает проблему конъюгационной цикличности истории. Формы правления могут меняться, но психология деспотизма, порожденного противостоянием, остается прежней. Жестокость имперской власти в исторических произведениях не случайность, а её фундаментальное свойство.

Бейбарс, ставший могущественным правителем Египта, раб, поднявшийся на вершину. По мнению писателя, в имперской власти неизбежна смена тирании. В повести показан круговорот: на смену одним деспотам приходят другие, еще более изощренные.

Бейбарс строит свою империю на крови, используя те же методы, что и его предшественники, становясь заложником созданной им системы мамлюкской гвардии.

Власть в «Емшане» абсолютное одиночество. Параллель со сталинской эпохой очевидна: любой правитель в XIII веке или в XX столетии окружен не соратниками, а потенциальными заговорщиками. Султан вынужден быть жестоким, чтобы не казаться слабым, что ведет к полной эмоциональной изоляции. Бейбарс – блестящий полководец и строитель государства, но цена этого строительства высока.

В финале Бейбарс осознает, что империя ничтожна перед зовом крови и подлинной свободой. Выбор Бейбарса в повести

«Емшан» – это не просто политический жест, а экзистенциальный бунт человека против системы, которую он сам же и выстроил. Запах полыни (емшана) – единственный «подлинный объект в мире дворцовой фальши» [1, с.50]. Бейбарс осознает, что за десятилетия правления он не приобрел ничего, кроме усталости, потеряв самое ценное – историческую память, идентичность.

Став султаном, Бейбарс понимает, что он – такой же раб, как и в юности, только прикован к золотому трону. Имперская власть в повести – это клетка. Каждое решение продиктовано страхом заговора или государственными интересами, но не волей человека.

Писатель осознает конъюгационную цикличность развития имперского мира. Бейбарс видит, что империя мамлюков – лишь временная декорация. Правители приходят и уходят, а степь и полынь вечны. Его уход – это попытка вернуть душу, которую он отдал государственному могуществу.

В «Четвертом Риме» проблема власти рассматривается через призму имперского сознания и исторической преемственности. Ради сохранения государственной мощи (нового «Рима») уничтожаются понятия чести и человеческой жизни. По мнению И. Канта, в такой системе человек лишь средство, а не цель.

Автор актуализирует проблему сакрализации вождя. Власть непогрешима. Ритуальность и преемственность традиции имперской власти (по автору – византийщина) неизбежны. М. Симашко описывает, например, советскую бюрократию как сложный придворный церемониал. Интриги, доносы, съезды, славословие, по мнению писателя, «византийские игры», где за внешним блеском скрывается жестокая борьба за выживание.

Имперская власть рассматривает государство как фактор божественности. И в Византии, и в «Четвертом Риме» личность полностью растворена в интересах империи. Идея великой державы оправдывает преступления, а террор становится легитимным инструментом поддержания порядка. Имперская власть в поиске внешних и внутренних врагов, которые покушаются на святость «Рима».

М. Симашко размышляет над проблемой неизбежности краха имперской власти. Писатель показывает, что любая власть, построенная на тотальном насилии и отрицании свободы, несет в себе разрушение, какими бы великими ни казались её цели.

Повесть «Маздак» повествует о масштабном социальном движении маздакитов в Иране (V – VI века) и предводителе Маздаке, выступавшем за равенство. Борьба маздакитов против знати за справедливость, утопические попытки установления равенства сменяются разгромом движения.

Авраам, молодой человек, наблюдает за развитием движения маздакитов. Критики часто описывают его как «безликого» персонажа, который служит скорее инструментом для погружения в историческую среду, не являясь активным двигателем сюжета. Маздак в произведении представлен как идеолог утопического равенства, чьи идеи о перераспределении богатств и общем имуществе приводят к масштабным социальным потрясениям.

Особое значение, на наш взгляд, имеют образы Кавада I (Светлолицего), персидского шахиншаха, который поддерживает Маздака в корыстных целях, и Белой Фарангис. Женский образ наряду с правителями и пророками оставляет наиболее яркое впечатление у реципиентов. Сюжет строится на столкновении идеалистических лозунгов Маздака с суровой реальностью. Авраам оказывается свидетелем того, как попытка построить общество справедливости оборачивается хаосом и жестокостью.

Таким образом, М. Симашко наряду В. Шаламовым, А. Рыбаковым и В. Гроссманом вскрывает проблемы имперской власти, показывая атмосферу страха и вскрывая причины деформации гуманистических ценностей. Это способствовало переосмыслению истории.

Литература:

1. Сабыржанова М.С., Ананьева С.В., Демченко Л.Н. Средневековый Восток в романе «Мамлюк» Е. Турсунова // Керуен. – 2023. – №1. – 78 vol. – С.49-57

МАРТЫНОВ ДАВИД

Мир глазами Мориса Симашко

Для меня увидеть мир глазами знаменитого писателя Мориса Давыдовича Симашко было познавательным и очень интересным.

Я узнал об увлекательных фактах и событиях из жизни писателя, например, то, что, хотя Морис и не был из верхних слоёв общества и прошёл в своей жизни трудный путь становления, он стал выдающимся писателем Казахстана и добился успеха на своем поприще. Для меня лично это – важный пример.

Также я увидел большое творческое наследие, которое он оставил после себя. Например, по его произведению был снят фильм «Гу-Га», а, гуляя по городу Алматы, по улице Чайковского, можно увидеть мемориальную доску, установленную в память о Симашко, на стене дома, где он жил.

Мне особенно понравилось то, каким образом мы познавали мир Народного писателя Казахстана с помощью квеста. Этот квест был особой формой знакомства и погружения в биографию и творчество М. Симашко. Я побывал в хорошо знакомых местах и взглянул на них по-новому, ведь раньше я даже не подозревал, что они связаны с личностью этого известного писателя. Теперь они стали для меня историческими памятниками, а не просто зданиями города. Когда я буду вновь проходить мимо с друзьями, то обязательно расскажу им интересные истории, связанные с этим местами и литературой Казахстана.

Для меня участие в этом проекте стало приятным и познавательным опытом. Я благодарен организаторам и непосредственным участникам, актерам, воплотившим в жизнь яркие образы героев произведений М. Симашко на каждой из станций квеста. Это талантливые, открытые и гостеприимные люди.

Их ответственное и доброе отношение к школьникам сделало квест увлекательным и морально комфортным, создав все условия для того, чтобы насладиться полным погружением в историю Народного писателя и его творчества.

Я словно познакомился с Морисом Давыдовичем лично, и воспоминания об этой теплой встрече останутся со мной надолго.

*10 класс, КГУ ШЛ №95
Руководитель: Цой Светлана Анатольевна*

БАННИКОВ КИРИЛЛ

Город на двоих – мой и Мориса Симашко

Морис Шамис (Симашко) – один из наиболее известных писателей Центральной Азии. Он приехал в Алматы в 1961 году. В те времена в городе было много интеллигенции.

Но в 1999 году прозаик репатриировался к дочери в Израиль. При этом он писал: «...Оставил я своё “я” там, в Казахстане, в Азии. Там остались зримые и видимые только мне призраки».

Так как на произведения автора всегда значительно влияет внешняя обстановка, мне было интересно, в каких условиях жил и работал М. Симашко в нашем родном городе. В ходе городского молодежного квеста нам с друзьями выпала возможность посетить здания и улицы, связанные с его жизнью. Мы увидели значимые для писателя места, например, его родной дом, Союз писателей Казахстана, а также Научно-исследовательский центр микробиологии и вирусологии, где трудился его отец.

Я хочу рассказать, каким М. Симашко видел мой любимый Алматы. Писатель жил недалеко от Казахского национального театра оперы и балета имени Абая – одного из красивейших мест города. Я даже мог бы назвать этот район спальным, потому что там очень тихо, сонно и спокойно, что немного не соответствует близости оживлённого центра Алматы. Возле его дома росло много прекрасных тенистых деревьев, создавая живописную атмосферу.

Сам Морис Давидович воспринимал Алматы как город возможностей, интеллигенции, город, полный зелени и прохлады даже в летний зной. Он очень любил город и называл Казахстан своей второй родиной. Я уверен, что Алматы занимал особое место в его сердце как прекрасный город с умными и талантливыми людьми.

Когда мы прошли по всему маршруту молодежного квеста, я понял, что Алматы – это не только про вечеринки в центре, но и про творчество и духовное развитие. Тогда я осознал, что чувствовал писатель, просыпаясь в таком чудесном месте. Я узнал, что он видел этот город красивым и спокойным, идеальным для творчества.

В итоге я хочу подчеркнуть, что благодарен этому проекту, ведь мой родной город открылся мне с новой стороны. Я ближе познакомился с творчеством М. Симашко и понял, что Алматы – один из лучших городов как для творчества, так и для яркой жизни!

*10 класс, КГУ ШЛ №95
Руководитель: Төлтебаева Қасиет Жарқынбекқызы*

ГРИГОНИС ЕВАНГЕЛИНА

Морис Симашко: писатель, открывающий боль и достоинство истории

Читая произведения Мориса Давыдовича Симашко, невозможно остаться равнодушным. Его проза сразу же увлекает читателя в особый, глубокий и порой тревожный мир, где история перестаёт быть сухим перечислением дат и событий, а становится живой тканью человеческих судеб. В каждом его произведении ощущается стремление не просто рассказать историю, а пережить её вместе с читателем, дать возможность заглянуть за кулисы прошлого, увидеть, как великая история проходит сквозь судьбы обычных людей.

Произведения Мориса Давыдовича – это, прежде всего, честный и искренний разговор с прошлым. Он не боится поднимать сложные темы, не сглаживает острых углов. Напротив, он словно ищет их, стремится коснуться самой сути боли, несправедливости, утраты. Но писатель делает это без громких лозунгов, без излишнего драматизма или искусственного пафоса. Его язык сдержан, точен, и именно из этой сдержанности рождается сила. Он умеет говорить о трагическом спокойно, но так, что мурашки бегут по коже.

Одной из центральных тем творчества Симашко стала судьба еврейского народа. И это не просто очередная тема, которую освещает писатель. Это боль, которая, кажется, живёт в каждом его слове. Он пишет о людях, вынужденных бороться за свою идентичность, о тех, кто оказался в страшной мясорубке истории, но не потерял достоинства. Он не только описывает внешнюю канву истории, но и исследует души героев, их страхи, сомнения, надежды, стремления. Через эти личные переживания читателю раскрывается куда более широкий пласт – универсальный человеческий опыт страдания и выживания.

Морис Давыдович Симашко – писатель, обладающий талантом видеть нюансы. Внимание к деталям, особенностям культуры, едва уловимым проявлениям характера делает его прозу живой и достоверной. Он не боится останавливаться на, казалось бы, незначительных нюансах, ведь именно из неуловимых моментов и полутонов порой и складывается реальная жизнь. И, может быть, именно это делает его книги столь сильными, задевающими сокровенные струны души.

Важно отметить, что автор пишет не только о прошлом. Его произведения, несмотря на исторический контекст, удивительным образом перекликаются с настоящим. Вопросы, которые он поднимает, остаются актуальными и сегодня. Что делает человека человеком? Как сохранить себя в эпоху лжи и страха? Что значит быть частью народа, чья история – это нескончаемая череда испытаний? Эти и многие другие вопросы звучат в его прозе и находят отклик в сердцах современных читателей.

М. Симашко – писатель, который не просто рассказывает историю. Он заставляет нас остановиться, задуматься, почувствовать. Его книги – это приглашение к размышлению, к диалогу с прошлым и с самим собой. В этом и заключается особая ценность его творчества. Оно раскрывает перед нами не только боль истории, но и её достоинство, не только трагедию, но и надежду, не только утрату, но и силу памяти.

*9 класс, КГУ ШЛ №95
Руководитель: Мосина Яна Игоревна*

Алматы глазами Мориса Симашко

Когда читаешь рассказы М. Симашко, кажется, будто он ведёт тебя за руку по улицам старой Алма-Аты. Не этой, современной и шумной, с небоскрёбами и пробками, а той – уютной, немного наивной, с домами вишнёвого цвета, с двориками, где соседи знают друг друга по имени, и с тенью гор, тихо лежащей на горизонте.

У Симашко город не просто фон для событий, он живой. Он как персонаж, у которого есть своя память, свои запахи, привычки и голос. Иногда ласковый, иногда строгий, но всегда честный. И ты начинаешь понимать, что Алматы – это не только здания и улицы. Это люди. Их судьбы, их выбор, их маленькие трагедии и большие надежды.

В рассказе «Улица Мира» он пишет о старом доме, где каждый человек – это история: «На этой улице никто не был случайным. Все как будто жили здесь с самого начала времени». И ты понимаешь, что такие дома всё ещё можно встретить где-то за высоким забором, под раскидистым платаном или в переулке, куда редко заглядывают туристы.

Мне особенно запомнился один образ – человек, стоящий у подножия гор, словно у стены, которую не перепрыгнуть. Это – о жителе, но, в то же время – и о самом городе. Алматы в рассказах Симашко всегда между прошлым и будущим, между Востоком и Западом, между мечтой и реальностью.

В «Памятнике» писатель показывает, как легко забываются герои, если о них не говорить. И в то же время, как важно помнить. «Город помнит тех, кто его любил. Даже если памятников не осталось, осталась тень на стене».

Эти слова не просто художественный приём, это почти послание нам, тем, кто живёт здесь и сейчас.

Места, которые описывает автор, до сих пор можно легко узнать. Улица Панфилова, район Старой площади, дворики возле Зелёного базара – они и сейчас хранят дыхание прошлого. В рассказе «Махалля» он писал о восточном дворике, где «чай пили так, словно в этом был смысл всей жизни». Эти сцены сейчас

будто оживают в воображении, если просто замедлить шаг и оглянуться вокруг.

Иногда мне кажется, что М. Симашко писал не просто о событиях истории, он пытался сохранить тот мир, который завтра мог исчезнуть. И каждый его рассказ как фотография, но не внешнего мира, а внутреннего, человеческого. Поэтому, наверное, даже сейчас, в 2025 году, его тексты задевают сокровенные струны души. Потому что город в них – это место, где ты можешь узнать себя.

Шестого апреля в городе Алматы прошёл квест под названием «Алматы глазами Мориса Симашко». Ученики школ искали ответы на вопросы, связанные с его произведениями, проходили по маршрутам, где за каждой станцией их ждали персонажи рассказов писателя. Это напоминало живую экскурсию в прошлое – в Алма-Ату, о которой можно не только прочесть, но и почувствовать её самим. Мы не просто играли, мы как будто вошли в его рассказы и стали их частью. И теперь, проходя по знакомым улицам, я смотрю на них внимательнее, вдруг рядом осталась тень героя, а в окне горит тот самый свет из рассказа Мориса Давыдовича.

10 класс, КГУ ШЛ №95

Руководитель: Цой Светлана Анатольевна

БАННИКОВА ЕКАТЕРИНА

Город сквозь призму произведений Мориса Симашко

Насколько глубоко вам доводилось погружаться в жизнь другого человека? Бывали ли вы в тех местах, где жил и работал ваш любимый писатель?

На прошедшем квесте, посвященном Морису Давыдовичу Симашко, мы, участники, отправились в небольшое путешествие по городу Алматы, место расцвета творчества М. Симашко. Это стало новым открытием, новой перспективой восприятия родного города.

М. Симашко – советский писатель, в основном работавший в жанре исторической прозы, который родился в Одессе, но в

1961 году переехал в Алматы. Жил и творил в Казахстане долгое время.

Из-под его пера вышли «В Чёрных Песках» – повесть о борьбе с басмачами, «Емшан» – произведение о правителе Египта, Султане Бейбарсе, «Семирамида» – о Екатерине II. Также М. Симашко занимался переводами и активно продвигал произведения казахских писателей.

Во время прохождения квеста, в каждом месте, где мы останавливались, находили новые образы из произведений М. Симашко, которые составляли внутренний мир и вдохновляли писателя. А мы и не замечали их раньше, думая, что это обычные улицы и здания.

Но на самом деле Алматы – богатейший культурный центр, где можно увидеть отражение традиций разных народов и их общей истории, что и выразил в своих произведениях М. Симашко.

Он был путеводителем в старинный мир Востока, но помимо этого, как отмечал Адольф Арцишевский, несмотря на повествование о прошлом, его истории обжигали правдой современной жизни.

Таким образом, история жизни Мориса Давыдовича Симашко в Алматы стала новыми очками, через которые мы увидели не только преобразившийся город, но и живую книгу, что продолжает наполнять свои страницы новыми событиями, людей, влияющих друг на друга и на будущее.

10 класс, КГУ ШЛ №95

Руководитель: Төлтебаева Қасиет Жарқынбекқызы

ЧИГАЙ ВЕРОНИКА

По следам памяти: Алматы Мориса Симашко

«Писатель жив, пока кто-то идёт по его следам,
вспоминает, перечитывает.

Город – пока кто-то любит его, как дом»

Из письма Мориса Симашко другу

Не так давно мы участвовали в интеллектуальном квесте, посвящённом Морису Шамису, писателю, известному под литературным псевдонимом Симашко. Мы прошли по улицам Алматы, где когда-то жил, творил и мечтал этот удивительный человек. Путь пролегал через знаковые для него места: дом, где он жил; библиотеку, носящую его имя; улицы, на которых, по ощущениям, до сегодняшнего дня витает его дух. И с каждым шагом будто бы раскрывалась новая страница его книги – тёплая, глубокая, проникновенная.

Морис Шамис родился в Одессе, но именно Алма-Ата стала для него настоящей родиной, городом, где он обрёл свой голос как писатель. Он приехал сюда в 1960-х, и с тех пор Алма-Ата стала его пристанищем, его миром. Здесь он работал журналистом, редактором, литературным консультантом, но главное – здесь он писал.

Его творчество формировалось в атмосфере этого города, в его культурной и духовной среде. В советские годы Алма-Ата была местом притяжения интеллигенции, людей слова и мысли, и М. Симашко стал одной из ярчайших фигур этого круга.

Морис Давыдович был не просто писателем, он был хроникёром времени и пространства, в котором жил. Его творчество – это честный и тонкий разговор с читателем о судьбе, истории, боли и любви. В его произведениях чувствуется неравнодушие к людям, особое внимание к деталям и невероятная привязанность к казахстанской земле, её культуре, многонациональной сути.

Алма-Ата была для М. Симашко не просто местом жительства. Это был его дом, его мир, его вдохновение. В его строках город живёт: он не просто фон, а полноценный герой произведений. Здесь, среди зелёных улиц и горных пейзажей, писатель размышлял о судьбах, о времени, о вечных вопросах бытия. Его герои настоящие, живые, будто бы они только что прошли мимо тебя по улице Панфилова или сидят за соседним столиком в старом кафе на Арбате.

Когда стоишь у дома, где он жил, или заходишь в библиотеку, чувствуешь не просто сопричастность, а необъяснимую внутреннюю благодарность. Как будто сам город шепчет: «Он был здесь. Он любил меня. И я помню его».

После этого квеста Алматы начинает восприниматься по-другому. В каждом уголке – отголоски рассказов Мориса Давыдовича, в каждом взгляде случайного прохожего – черты его давних героев. Теперь книги М. Симашко становятся ближе, теплее. Ты начинаешь видеть город таким, каким видел его автор: не просто набором улиц и зданий, а живым существом, наполненным историями, голосами, чувствами. И понимаешь: творчество М. Симашко – это не только литературное наследие, это нежная нить, которая связывает поколения и напоминает, что любовь к своему городу, к своей земле – это и есть настоящая сила писателя.

10 класс, КГУ ШЛ №95

Руководитель: Төлтебаева Қасиет Жарқынбекқызы

ЯМБАЕВ МИХАИЛ

Отражение военной юности автора в повести М. Симашко «Гу-га»

Повесть М. Симашко «Гу-га» – одно из самых примечательных произведений, напрямую связанное с военной жизнью.

Это автобиографическое произведение: автор рассказывает о сложной судьбе бойца, находившегося во время войны в штрафном батальоне. В СССР такие темы долгое время оставались табу, и «Гу-га» увидел свет лишь в конце 1980-х годов, в период перестройки, когда ограничения на публикацию подобного материала ослабли.

Описываются реальные жестокие условия службы штрафников, человеческие драмы, страх, предательство, но и стойкость духа – то, что пережил сам М. Симашко в молодости. Такой текст стал редким вкладом в военную прозу СССР и Казахстана именно потому, что автор не идеализирует войну, а показывает её с тёмной и правдивой стороны.

По книге в 1989 году был снят художественный фильм, который отражает тему штрафных батальонов времён Великой Отечественной войны. Автор показывает человеческие характеры, формирующиеся под давлением жесточайших обстоятельств.

ств. Остальная часть его творчества в основном историческая, но военная тема в «Гу-га» – одна из самых драматичных и глубоких в казахстанской литературе XX века.

«... Пробираюсь по кочкам, упираясь в них автоматом, и за мной другие. Мы идем в болоте один за другим, перешагивая через мертвых, мимо перевернутой вагонетки, штабелей торфа, воронок и окопов. Какой-то черный туман у меня в глазах, и кажется, что сейчас упаду и останусь здесь такой же недвижимый и холодный, как и те, мимо которых мы идем. Сапоги мои хлюпают в воде. Я вдруг задерживаюсь и смотрю себе под ноги. Вода эта красная, и какая-то догадка мелькает в голове. Слева и справа лежат убитые. Вспоминаю, как кто-то говорил, что не меньше, чем дивизию, положили уже в этом болоте. Так вот откуда этот тошнотворный, совершенно невыносимый, тленом отдающий запах! Торф пропитывается кровью, а она всегда остается в нем, не делается прахом...» [1].

Автобиографическая память писателя фиксирует многое. «Протоптанной вчера после боя наступления тропинкой идем к немецким окопам. Выбираем место повыше. Это посередине болота. Начинаем копать. У нас четыре лопаты и кирка. Еще одну ржавую лопату-грабарку находим здесь, на месте. К вечеру выкапываем длинную яму и собираемся возле нее все вместе – восемнадцать живых и восемьдесят четыре мертвых. Они лежат на краю этой ямы. Некоторых нельзя узнать, потому что они шли через мины. “Давай!”, – говорю я. И длинную яму в торфе мы устилаем шинелями. Опускаем туда по очереди погибших, кладем рядом плечом к плечу. И сверху укрываем шинелями, с головой. Смотрим в серое небо, после чего лопатами, руками, коленями сталкиваем на них рыхлую бурую землю. Потом стоим, сбившись в кучу, над длинной, метров сорок, могилой. В стороне еще одна шинель. Это наша, серая, с оборванным хлястиком. Не немецкая. Кто-то берет ее и накрывает сверху насыпь, старательно расправляет полы. Шинель порвана и прострелена в нескольких местах. Почему-то не дождь, а белая жесткая крупа сыплется с неба. И торф постепенно белеет вокруг» [1].

Попал в штрафники М. Симашко потому, что он, сержант, старшина летной группы 11-й Военно-авиационной школы пилотов (в повести герой Борис Тираспольский) во время учебного

полета отвернул свой самолет от заданного курса и направил его к городу, где находилась в тот момент почти потерянная для него, но такая нужная ему женщина. Он и тогда не пытался укорить себя в том, что сошел с маршрута, и никогда потом не пожалел об этом. Просто знал, что сделал так, как диктовало его чувство, а за это в условиях войны следовало платить.

Ценой поступка оказался штрафбат, то есть самое страшное, что могло быть для бойца там, на полях сражений. Ведь иначе, как «смертники», штрафбатовцев не называли. Их держали за врагов народа и посылали в самые опасные бои, где шанс выжить был во стократ меньше, чем погибнуть. Им в спину, чтобы не отходили, стреляли свои. Штрафные батальоны были не чем иным, как тем самым пушечным мясом, когда людей бросали на заклание ради выполнения боевой задачи. Болото, будто гигантская яма в земле, километра полтора шириной и в длину километра два, наштапиванное гниющими телами убитых, полтора года непреодолимым препятствием является на пути красноармейских частей.

Цель штрафбата – преодолеть его и выбить немцев с хорошо укрепленной дзотами высоты. Месяц проводит в этом окаянном месте герой М. Симашко до начала победной атаки. И ведомые его повествованием, мы вживаемся в эту жуткую, никаким боком не приспособленную для жизни обстановку, проникаемся судьбой каждого из героев и ощущаем, как и все они, что дни, часы, секунды имеют здесь совсем другое измерение, нежели в тылу и тем более в мирной жизни.

Про тяжкое назначение и суровые порядки штрафбатов знали и знают все. Но «не описание фронтовых кошмаров было задачей автора повести “Ту-га”, – уточняет Л.Ф. Енисеева-Варшавская. – Посвящая ее своим товарищам по военно-авиационной школе пилотов, он делает упор на лучшие патристические качества тех, кто оказался вместе с ним в штрафном батальоне, – бесстрашие, человечность, чувство товарищества и справедливости. И рассказывает он об этом в строго реалистической манере. Без излишней драматизации, накручивания негативных реалий, четко выстраивая сюжет, выразительно выписывая характеры, те или иные жизненные ситуации. И чем сдержанней ведется автором повествование, тем явственней просту-

пают жестокие черты войны. Психологическая достоверность каждого эпизода, каждого момента добыта, как говорится, страшным опытом» [2].

М. Симашко попал на фронт совсем мальчишкой, и, если свести воедино разбросанные по разным страницам штрафбатского летописания сведения его о самом себе, то получится вот что. «Когда-то перед войной, – объясняет он по ходу повести, – я так же, как и многие наши ребята, пошел в 8-й класс военно-воздушной спецшколы из-за формы. На углу Дерибасовской и Ришельевской стоял летчик во всем синем и ел мороженое. Правда, были еще Дни Авиации и фильм “Истребители”. А перед этим еще челюскинцы. В 1941-м меня отправили в летние лагеря на Куяльник, а через месяц началась война. Прикомандированный к запасному полку, шел я по Украине от летных лагерей на Куяльницком лимане почти до Ростова. На пятый день войны, когда мы, спецшкольники, перегружали боеприпасы для полка, нас обстреляли из-за Прута. Тогда убило Вовку Хуторецкого из нашего класса».

Таким образом, военная юность и пора мужания в условиях фронтового экстрима приобщили Мориса Давидовича к живой истории, сделав его ее действующим лицом. Все виденное и пережитое им оказалось причастным как к глубинам отдельной человеческой души, так и к масштабности событий, которые коснулись едва ли не всего мира.

Литература:

1. Симашко М. Гу-га // Симашко М. Семирамида. Гу-га: Роман. Повесть. – М.: Советский писатель, 1990. – С.373-506
2. http://eniseeva.ucoz.com/publ/dokumentalnja_proza/literatura/10-1-0-60

*8 класс, Школа предпринимателей г. Алматы
Руководитель: Н.А. Секерина*

Казахстан и Алматы в творчестве Мориса Симашко

В контексте развития гуманитарных наук и популяризации отечественного литературного наследия особое значение обретают инициативы, направленные на углубленное изучение и творческое осмысление творчества выдающихся писателей Казахстана. Такие проекты способствуют формированию у молодого поколения интереса к исследовательской и литературно-критической деятельности, укрепляют межпоколенческую преемственность и создают платформу для диалога научного сообщества, педагогов и учащихся. В этом контексте особое место заняла первая молодежная конференция «Алматы глазами Мориса Симашко», объединившая научные, образовательные и культурные направления.

Старшеклассники школ города Алматы в рамках первой молодежной конференции «Алматы глазами Мориса Симашко» приняли активное участие в театрализованном литературном квесте, пройдя по улицам города, связанным с жизнью и творчеством Народного писателя Казахстана. Казахстан и Алматы занимали особое место в его судьбе и творчестве. М. Симашко называл себя русским писателем Казахстана.

По итогам квеста школьниками под руководством учителей были написаны эссе о прозе, публицистике известного и неповторимого мастера художественного слова.

Жюри конкурса на лучшее эссе возглавил Генеральный директор Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК академик НАН РК, доктор филологических наук Кенжехан Матыжанов. В составе жюри организатор проекта – председатель Совета Ассоциации «Мицва», член Совета АНК Александр Барон; главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», поэт, писатель, переводчик Фархат Тамендаров; председатель Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин; Народный писатель Казахстана, заместитель главного редактора журнала «Простор», поэтесса, прозаик,

переводчик Любовь Шашкова и заведующая отделом международного сотрудничества и мировой литературы Института, член Правления СП Казахстана и Исполкома Международного ПЕН-клуба, член АНК Светлана Ананьева.

Как пишет из Минска председатель Союза писателей Беларуси Алесь Карлюкевич, нам еще предстоит осмыслить творчество М. Симашко. Это яркая веха в литературе Казахстана и в мировом литературном процессе.

Жюри единогласно присудило призовые места и наградило школьников дипломами первой степени: Ясмин Дармешева и Евангелина Григонис; дипломами второй степени: Вероника Чигай и Давид Мартынов; дипломами третьей степени: Екатерина и Кирилл Банниковы. Отмечен дипломами и труд педагогов Светланы Цой и Касиет Толтенбаевой.

В марте 2026 года состоится Пятые Международные литературные Чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана М. Шамиса (Симашко), по итогам которых будет издан сборник докладов и выступлений.

*https://auezovinstitute.kz/?news_ru=kazakhstan-i-almaty-v-tvorchestve-morisa-simashko. 28.10.2025
zhazushylar-odagy.kz 27.10.2025*

БРУСИЛОВСКАЯ ЕЛЕНА

Вспоминая Мориса Симашко

В Союзе писателей Алматы прошли V Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана, лауреата Президентской премии мира и духовного согласия, литературных премий имени Абая и Беимбета Майлина, прозаика, сценариста, драматурга, переводчика Мориса Симашко.

Чтения организованы Ассоциацией «Мицва» совместно с Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова и Ассамблеей народа Казахстана.

Мост между Европой и Азией

Открывая чтения, руководитель Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон отметил многоплановость литературного дарования М. Симашко.

– В повести «Емшан» он напомнил миру о великом уроженце казахской степи, полководце Ближнего Востока Султане Бейбарсе, а за роман «Семирамида» о Екатерине II в 1989 году был выдвинут от Казахстана на соискание Нобелевской премии в области литературы. Симашко создавал литературные переводы произведений казахских писателей на русский язык, в частности, перевел трилогию Ильяса Есенберлина «Кочевники». И это далеко не полный список литературных достижений писателя. Признанный мастер художественного слова М. Симашко построил свой собственный мир, понять и осознать который – задача нового поколения исследователей, – сказал А. Барон.

И таких исследователей год от года становится все больше. Свидетельство тому нынешние Чтения, в которых приняло участие свыше 60 прозаиков, литературоведов, критиков и переводчиков не только из Казахстана, но и стран ближнего и дальнего зарубежья. Ведь фраза о том, что культура не имеет границ, в наше время приобретает вполне осязаемые черты. Современные технологии позволяют свободно общаться на расстоянии, что дало возможность выступить с докладами специалистам из Израиля, Беларуси, Украины, Кыргызстана, Венгрии, Турции и других государств. Они подчеркивали, что Симашко был знаковой фигурой в литературе Казахстана, его хорошо знали и далеко за пределами республики.

Он был самым переводимым казахстанским писателем, в том числе в Европе, не случайно во Франции его называли «Морис Симашко, открывший Восток». Он действительно открыл Восток, и не только Западу, но и нам.

Вот что сказал о нем в своем приветствии, присланным участникам Чтений народным писателем РК, Героем Труда Казахстана, директором Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО Олжасом Сулейменовым.

– Симашко был одним из литераторов эпохи великого читателя, когда в нашей культуре творило интернациональное по-

коление, наполнившее понятие казахстанской литературы и искусства мировым содержанием.

...Однажды, изучая историю влияния тюрков на культурные процессы Евразии в 60-х, я наткнулся на средневековый материал о молодых кыпчаках, которых продавали на невольничьих рынках в Крыму на Ближний Восток и в Северную Африку. Так в «Истории Левобережной Украины» я нашел историю мамлюков и открыл имя Бейбарса – ребенком взятого в плен. Раба, ставшего султаном Египта.

В одной из писательских бесед рассказал об этом Морису Симашко и направил его на эту тему. Так родилась его повесть «Емшан», которая фактически открыла миру султана Бейбарса.

...Я вспоминаю зал нашей Академии наук 60 лет назад. В тот день, выступая перед историками за трибуной, я спросил: «Прошу вас назвать мне казахские имена из истории XIX века? Вы легко назовете Чокана Валиханова, Абая и других... В XVIII-м тоже найдется несколько имен. А в XVII-м? В XVI-м? Тишина. А имена XV, XIV веков? Дальше – полная тишина. Разве не было в те века выдающихся личностей? Вы, вместо того чтобы защищать свои диссертации, должны были защитить свой народ!».

Набор разрозненных, лишенных внутренней взаимосвязи фактов прошлого – еще не история. Подлинная история долгое время была для нас под запретом, который мы преодолевали, уходя на недоступные для ученых глубины. Многие имена биографии нашего народа казахам вернули не историки, а писатели. В XX веке служение таких писателей помогло казахам сохраниться как читающей нации, – убежден О. Сулейменов.

Фрагменты биографии

Наверняка не все молодые читатели знают, что Симашко – это писательский псевдоним Мориса Давидовича. Он перевернул свою фамилию – Шамис, добавив к ней окончание – ко. Хотя фамилию эту в Казахстане многие произносили с глубоким уважением – отец Мориса Симашко, Давид Лазаревич Шамис, был известным ученым, профессором, организатором микро-

биологической науки в республике, первым директором Института микробиологии Академии наук Казахстана.

Что же касается Мориса Давидовича, то еще в далеком 1947 году он окончил в Алма-Ате факультет журналистики КазГУ имени С.М. Кирова (ныне – Казахский национальный университет имени аль-Фараби), а до этого еще и Одесский учительский институт.

Кстати сказать, впервые в одном из докладов, с которым выступила на Чтениях кандидат филологических наук, заместитель заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доцент Карина Галай, были проанализированы журналистские материалы Симашко. Именно из журналистики он пришел в большую литературу.

Его рождение как писателя состоялось в Туркмении, в древнем городе Мары, где Морис Давидович работал корреспондентом областной газеты и преподавал историю древнего мира и средних веков в здешнем пединституте. В Марах он создал свое первое литературное произведение. Это была пьеса «На крайнем юге», в которой Симашко впервые заглянул в глубины веков, во времена Александра Македонского.

После чего Симашко заметили, пригласили в Ашхабад, и он стал работать в республиканской русскоязычной газете «Туркменская искра». Был великолепным публицистом, писал очень острые, злободневные статьи. Именно в те годы активно начал заниматься и литературой.

Литература на все времена

Литературные чтения, посвященные творчеству М. Симашко, были поделены на разделы: Историческая проза как зеркало эпохи: художественное осмысление прошлого. Диалог культур: Восток и Запад в творчестве М. Симашко. Личность и власть: трансформация героев в произведениях Симашко. Перевод и адаптация: вклад Симашко в популяризацию казахской литературы. Журналистика и литература: от репортажа к художественному произведению.

О том, что творчество М. Симашко сыграло большую роль в развитии психологического, философского анализа в литературе, в числе других говорил президент Международного Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин. В частности, он напомнил о романе «Семирамида», о котором сам Симашко говорил: «Это мой антиПикуль». Ему было важно опровергнуть подхваченное публикой утверждение о том, что движущей силой русской истории является фаворитизм. И писатель задался целью – проследить развитие просвещения от Петра Великого через верную исполнительницу предначертаний преобразователя Екатерину II.

За этот роман Симашко в 1999 году был выдвинут Международным ПЕНклубом на соискание Нобелевской премии в области литературы, но Комитет отдал предпочтение немецкому писателю Гюнтеру Грассу.

Народный писатель Казахстана, заместитель главного редактора журнала «Простор», поэтесса, прозаик, переводчик Любовь Шашкова отметила, что новому поколению критиков и литературоведов предстоит продолжить изучение не только литературного наследия мастера, но и его переводческое мастерство, творческую дружбу и взаимоотношения с корифеями национальной и мировой литературы.

Доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби Лайла Ахметова посвятила свое выступление повести «Гу-га» о штрафных батальонах.

– Посвящая ее своим товарищам по военно-авиационной школе пилотов, он делает упор на лучшие патриотические качества тех, кто оказался вместе с ним в штрафном батальоне, – бесстрашие, человечность, чувство товарищества и справедливости, – отметила Л. Ахметова.

– Мориса Давидовича волновали судьбы Востока, способы государственного устройства, отношения политики и культуры, идея всечеловеческого братства и страшного зла всех времен – терроризма. Темы эти присутствуют едва ли не в каждом его произведении. Ими пронизан и «Четвертый Рим», начатая в Алматы и законченная в Израиле книга, в которой Морис Симашко как бы подытожил свою жизнь, – сказал в своем выступлении

главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», поэт, писатель, переводчик Фархат Тамендаров.

В Чтениях приняли участие и старшеклассники алматинских школ. Лучшие их эссе «Алматы глазами Мориса Симашко» были представлены участникам встречи.

26.03.2026 г.

БРУСИЛОВСКАЯ ЕЛЕНА

По волнам памяти

О творчестве Мориса Симашко написано немало литературоведческих статей, книг, защищены докторские диссертации. Режиссер-кинодокументалист, руководитель студии «ИКС-Б» Александр Головинский посвятил талантливому писателю фильм «Миры Мориса Симашко», снятого при поддержке Министерства культуры и спорта РК.

Но прежде чем рассказать о том, как создавался фильм, несколько слов о его герое.

Морис Давидович Симашко – Народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия, лауреат литературной премии имени Абая 1986 года за перевод на русский язык трилогии И. Есенберлина «Кочевники», номинант Международного ПЕН-клуба на Нобелевскую премию по литературе. Он – один из основателей школы нового исторического романа в Центральной Азии. М. Симашко был автором 20 книг, изданных рекордными миллионными тиражами на 40 с лишним языках мира, по его сценариям поставлено около десяти фильмов.

Долгая дорога к фильму

С создателем фильма, Заслуженным деятелем искусств РК, кавалером ордена «Курмет» Александром Головинским мы встретились в его студии «ИКС-Б».

– Идея сделать фильм о Симашко у меня появилась давно, еще в 2011 году, – начал разговор Александр Головинский, – как известно, он был снят при участии «Казахфильма». Вообще, я снимаю свои фильмы, как правило, на спонсорские деньги, а на

«Казахфильме» у меня было сделано всего три фильма – двухсерийная лента о Мухтаре Омархановиче Ауэзове «Трагедия триумфатора» с известным российским литературоведом, профессором МГУ Николаем Афанасьевичем Анастасьевым в качестве автора сценария и ведущего. За этот фильм мы получили главную Национальную кинематографическую премию «Кулагер».

Потом был фильм о классике казахской литературы Абдижамиле Нурпеисове «Великое безумие пчел», автором сценария которого также был Анастасьев. И вот теперь третий фильм о Морисе Давидовиче Симашко.

Сценарий написал мой старый друг Сергей Русаков, живший тогда в Алматы, сейчас он известный российский режиссер и сценарист. В основу сценария легла последняя книга Симашко «Четвертый Рим». Кстати сказать, когда я впервые ее прочел, то понял, что, по существу, это уже готовый материал для фильма. Русаков предложил мне как бы разыграть его на два голоса: рассказ в фильме ведется от двух лиц – писателя Симашко и журналиста, который задает направление фильму.

Роль журналиста я решил взять на себя, потому что хорошо знал материал, был знаком с самим Морисом Давидовичем. Более того, в 90-е годы мы с ним пытались осуществить просто фантастический проект, намереваясь сделать фильм по мотивам Корана. Был даже написан сценарный вариант, который рассматривался на Втором форуме по исламскому просвещению в Москве. К сожалению, эта идея так и не нашла окончательного завершения.

Но вернемся к фильму. Когда мы с редактором Евгенией Головинской, это моя жена, которая была редактором всех моих фильмов, начали обсуждать, кто же выступит от имени самого Симашко, то неожиданно для меня Женя назвала имя Бахыта Каирбекова, которому когда-то Симашко, если можно так сказать, открыл дорогу в официальную литературу, дав ему рекомендацию в Союз писателей. Но когда я обратился с этой несколько необычной просьбой к самому Бахыту, он сначала очень удивился и даже как-то насторожился, дескать, сможет ли он это сделать? Но в итоге согласился. Это приглашение Каирбекова в наш фильм состоялась еще в 2013 году, когда он был руководителем телеканала «Мәдениет» («Культура»).

Позже мы отправились на съемки в Израиль, которые мне казались самыми сложными – во-первых, далеко; во-вторых, незнакомая для нас страна. Но в итоге мы спокойно отработали десять дней нашей командировки. Следующая поездка должна была быть в Туркмению, в древний город Мары, где, собственно, и произошло рождение писателя Симашко. Но вот здесь у фильма начались приключения.

– Но прежде, Александр Федорович, давайте сделаем небольшое пояснение, откуда вдруг в биографии Симашко возник этот старинный город? Насколько я знаю, в Марах Морис Давидович оказался в 1947 году после окончания факультета журналистики КазГУ имени С.М. Кирова.

– А до этого он окончил еще и Одесский учительский институт. В Марах Симашко работал корреспондентом областной газеты и преподавал историю древнего мира и средних веков в здешнем пединституте. Там он и создал свое первое литературное произведение. Это была пьеса «На крайнем юге», в которой он впервые заглянул в глубину веков, во времена Александра Македонского.

Немного истории

Как свидетельствуют старинные хроники, в 326 году до нашей эры великий завоеватель покорил западную часть Индии, а потом перевалил горы Гиндукуша и пошел дальше через Мерв (так тогда назывались Мары), крупный древний город, который явился и первой стоянкой Александра Македонского.

Кстати сказать, пьесу сразу приняли к постановке в Марыйском областном драматическом театре, позже она шла и на других сценах, в том числе и у нас в Казахстане. После чего Симашко заметили, пригласили в Ашхабад, и он стал работать в республиканской русскоязычной газете «Туркменская искра», был великолепным публицистом, писал очень острые злободневные статьи. Именно в те годы активно начал заниматься и литературой.

Отметим, что Симашко – это писательский псевдоним Мориса Давидовича. Он перевернул свою фамилию – Шамис, добавив к ней окончание – ко. Хотя фамилию эту в Казахстане многие произносили с глубоким уважением – отец Мориса Симашко, Давид Лазаревич Шамис, был известным ученым, профессором,

организатором микробиологической науки в республике, первым директором Института микробиологии Академии наук Казахстана.

А необычное для нашего слуха имя – Морис – Симашко тоже получил не случайно. Вот что он пишет по этому поводу в своем автобиографическом романе «Четвертый Рим». «18 марта. День Парижской коммуны. Именно в это знаменательное число я и родился в студенческом общежитии Одесского института народного образования. Отец носил комсомольскую форму, мать – тоже интернационалистка, и мое имя не могло быть другим: только Марсель или Морис. Спорили лишь об этом. Имя Морис предопределило в моей жизни многое».

Хождение по мукам

– Проводить съемки в Туркмении нам запретили, – продолжает рассказ Александр Головинский. – И тогда я поднял всех, кого только можно – обратился в Министерство иностранных дел РК, в посольство, к своим друзьям в администрацию Президента. В результате получил официальный ответ из Министерства иностранных дел Туркмении, что наша командировка перенесена на осень 2014 года. Но осенью мы опять получили отказ. Правда, уже не официальный.

Открою маленькую тайну: Туркмению я снимал у нас в Казахстане, но не скажу, где именно. Кстати, и Одесса в фильме тоже наша, местная. Дело в том, что в Украину мы собирались ехать, но там начались печально известные события. Я созвонился с Одесской киностудией, нашел режиссера фильма «Гуга», снимавшегося по повести Симашко, и он нам сказал, что есть определенный риск, если мы будем проводить съемки в центре Одессы. Рисковать аппаратурой мы не стали, поэтому Одессу снимали тоже в Алматы.

И когда фильм был уже практически снят, Б. Каирбекова назначили президентом киностудии «Казахфильм». Это дало повод некоторым говорить о том, что его приглашение в наш фильм было своего рода мезальянсом. Но, как вы понимаете, на самом деле все совершенно не так.

– *На мой взгляд, Каирбеков очень органично вошел в фильм.*

– При этом он очень сомневался, как его примут. Но мне представляется, ни один другой ведущий не смог бы сделать того, что сделал Б. Каирбеков. Я считаю, что его участие – большая удача фильма. Причем мы сразу определили правила игры – фильм выстраивался через последнюю исповедальную книгу М. Симашко «Четвертый Рим». Не случайно Бахыт говорил, что ему было очень легко произносить текст, сама органика литературного языка Симашко и симпатия к нему, в итоге, и привели к тому, что Каирбеков так естественно произносил текст, словно он был написан им самим.

При этом он был очень пластичен, что тоже немаловажно. Я не люблю «говорящие головы», а Бахыт постоянно двигался, произнося при этом довольно длинные монологи. Мало того, в конце он словно резюмировал фильм, рассказывая о выдвижении М. Симашко на Нобелевскую премию. При этом мы не стали углубляться в эту историю, хотя она чрезвычайно интересна, ведь премия в итоге была присуждена немецкому писателю Гюнтеру Грассу. Но вскоре выяснилось, что Грасс в годы войны служил в войсках СС «мертвая голова». И если бы это стало известно тогда, то его, естественно, никто бы не премировал.

Но в фильме мы сделали акцент на другом – еврея, пишущего на русском языке, да мало того, еще и о русской императрице (роман «Семирамида»), выдвигают на Нобелевскую премию мусульмане-казахи. И Б. Каирбеков говорит, что это естественно, если иметь ввиду современную межэтническую политику нашего государства. И еще – Симашко на Нобелевскую премию выдвигал Казахстанский ПЕН-клуб, хотя в Москве предложили выдвинуть Нурпеисова, но сам А. Нурпеисов тогда сказал: «Нет, мы выдвинем Симашко за роман “Семирамида”».

И я не случайно в этом месте фильма дал слово самому Морису Давидовичу. Это был фрагмент из моего фильма 1993 года, где Симашко говорит о Казахстане и той толерантности, которая существует в нашей стране: «Казахстан – поистине зеркало мира со всеми его проблемами и надеждами. Представляя из себя сердцевину континента, он волею исторической судьбы вместил в себя, по выражению поэта, “все Бастилии грешной земли”. Мировые религии и сопутствующие им конфессии в той или иной мере представлены здесь и мирно соседствуют».

– Фильм назван «Миры Мориса Симашко», что это за миры?

– Это и древняя Азия, и история России, история императрицы Екатерины... Как сказал в нашем фильме, к сожалению, уже ушедший от нас замечательный писатель Герольд Бельгер, “М. Симашко очень органично чувствовал себя в этих исторических мирах”. Об этом говорил и Мурат Ауэзов, назвав редчайшим дар М. Симашко входить в иные миры.

Окно в историю

Сделаем еще одно небольшое отступление. Хорошо знавшая Симашко, талантливый журналист Людмила Енисеева-Варшавская писала о нем так:

– Он жил историей, а история жила в нем. Она звучала всеми голосами, перекликалась на языках древнего мира, представляла живыми картинами давно ушедших эпох.

...Орнаментальный повтор событий – это ключ к прочтению истории, который был обнаружен Симашко еще тогда, когда корреспондентом «Туркменской искры» он приезжал на раскопки к гениям археологии Масону и Толстову. Рассматривая как-то извлеченный из земли старинный кувшин, Морис Давидович с удивлением заметил, что узор на одеждах, работающих рядом в поле туркменок, точь-в-точь повторяет тот самый орнамент, что наносил на свои изделия древний мастер.

Прошлые и настоящее сошлись в руках Мориса, и это было открытие. Со всей очевидностью он понял вдруг: связь эта не случайна. Она существует испокон веков, и она цементирует мир. Два десятка романов и повестей – это те самые барханы, под которыми таились истоки всех сегодняшних социальных процессов, и, положившись на интуицию, он докапывался до их корней.

Тут “Маздак”, где на материале сасанидского времени, в обстановке зороастризма прослеживается природа нынешних катаклизмов Востока, “Искушение Дабира” с его объяснением, откуда есть пошел обнаглевший донельзя терроризм. “Емшан” или “Бейбарс”, где впервые в истории поднимается тема манкуртства. “Искушение Фраги”, вскрывающее суть отношений творца с абсолютной властью...

Романтик в душе, независимо мыслящий и входящий в любую эпоху, как в собственный дом, Симашко-прозаик проводит параллели, раскрывает, прогнозирует, предупреждает и тем самым, конечно же, вразумляет. И как ни странно – чем дальше мы движемся вперед во времени, тем злободневнее становятся его художнические прозрения и исторические умопостроения. Кстати, сам Морис Давидович в одном из своих интервью на вопрос, почему он работаете в основном с историческим материалом, ответил: “Потому что история повторяется, потому что она учит жить”».

Лучше быть подошвой горы на родине, чем вершиной горы на чужбине

– Александр Федорович, в своем фильме вы отметили, что не только история, но и жизнь Мориса Давидовича становилась сюжетом его произведений. Такие пронзительные рассказы «Писание по Бондарю» и «Бербека» связаны с его детскими впечатлениями. А вот повесть «Гу-га» появилась после встречи с бывшим однополчанином. Вспоминая о товарищах по военно-авиационной школе, Морис пишет о том, как он воевал в штрафбате. И что примечательно, повесть эта была первой в советской литературе книгой о штрафных батальонах. Позже, как вы уже сказали, она была экранизирована в двух сериях Одесской киностудией.

Кстати, о том, как Морис Симашко попал в штрафной батальон, мне рассказывал его большой друг, участник войны Леонид Гириш: «В Джизаке, это небольшой городок возле Ташкента, Морис поступил в военную школу пилотов. Шел 1942-й год. Учеты летали тогда на кукурузниках Су-2, а у Мориса была девушка, которая жила километрах в десяти от Джизака. И как-то, отправляясь в очередной учебный полет, он решил слетать к ней на свидание. В итоге был большой скандал, Морис попал под трибунал, потом – штрафбат и фронт.

Что же касается значения слова «гу-га», то это возглас, который кричали штрафники. Давай, мол, возьмем этих немцев на «гу-га», – пояснял Леонид Юзефович.

Сейчас уже не секрет, что штрафбатовцы были, по сути, смертниками. Они считались «врагами народа», поэтому их посылали в самые опасные бои, где шансов выжить практически не оставалось – впереди шквал смертельного огня, а сзади, в спину, стреляли свои, чтобы не отходили. Правда, Морису Давидовичу повезло: в штрафном батальоне он был недолго. Его вскоре ранило, он попал в госпиталь, после чего начался новый виток жизни.

– Что же касается повести «Гу-га», то Симашко не ставил перед собой задачу показать лишь жестокость войны. Посвящая ее своим товарищам по военно-авиационной школе пилотов, он делает упор на лучшие патриотические качества тех, кто оказался вместе с ним в штрафном батальоне, – бесстрашие, человечность, чувство товарищества и справедливости.

– *Симашко действительно был патриотом своей страны в самом высоком смысле этого слова.*

– И это мне тоже представлялось важным сказать в своем фильме – нельзя уезжать из страны, где ты нашел себя. Симашко родился на земле Казахстана, как писатель состоялся именно здесь. Знаете, моя дочь живет в Польше, и когда порой она зовет меня под свое крыло, я достаю свой мобильный телефон, в котором порядка ста номеров, каждый из которых я могу набрать в любую минуту, а, уехав туда, этот телефон я буду вынужден просто выбросить – мне некому будет звонить.

– *Наверное, поэтому слова из повести Мориса Симашко «Бейбарс»: «Лучше быть подошвой горы на родине, чем вершиной горы на чужбине» стали пророческими и для самого автора.*

– Да, он не хотел уезжать из Казахстана, но вынужден был это сделать по семейным обстоятельствам. И если у нас Симашко был не только известным писателем, но и крупным общественным деятелем, то там он стал никем. И что интересно – за границей он не мог писать. Он был, как растение, вырванное с корнем. Не случайно его «Четвертый Рим» пронизан глубоким чувством тоски по родине. Это «последнее прости», адресованное всем нам.

12. 07. 2026

Создатель культурных мостов

На Пятых Международных литературных чтениях отмечалась многогранность творчества М. Симашко и особая значимость его литературного наследия для сохранения духовных ценностей.

Народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия М. Симашко был литератором с незаурядным дарованием. Один из основателей жанра исторической романистики в Казахстане и в Центральной Азии, он прокладывал культурные мосты между эпохами. Уникальность его прозы в том, что в ней история и литература выступают на равных. М. Симашко обладал способностью восстанавливать исторические события во всей их полноте. Через своих героев он показывал, как прошлое откликается в настоящем, побуждая читателя задуматься о связи поколений и неразрывности судеб.

Об этом говорилось в ходе Пятых Международных литературных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко. Организаторами конференции выступили Ассоциация «Мицва», Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МНВО РК, Союз писателей Казахстана, литературно-художественный журнал «Простор», Казахский ПЕН-клуб.

Событие объединило более ста экспертов в зале Союза писателей РК и у экранов – в онлайн-формате.

Открыл Чтения глава еврейской общины Казахстана – председатель совета Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон. Он подчеркнул значимость проекта, проводимого уже в пятый раз и собирающего исследователей творчества М. Симашко из разных стран мира.

«Дорогие друзья, уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на Международных литературных чтениях, традиционно проводимых нами 18 марта – в день рождения классика казахстанской литературы, мастера исторической прозы. В этом году конференция организовывается в пятый раз и включает 42 выступления о различных аспектах творчества писателя. Их авто-

рами являются эксперты из Казахстана и зарубежья. Считаю особенно важным, что в нынешнем году мы организовали Чтения в здании Союза писателей Казахстана. Эти стены хранят дух литературных эпох, они помнят М. Симашко, приходившего сюда для обсуждения рукописей, участия в творческих встречах, общения с коллегами. Это место служит нам источником вдохновения и в то же время накладывает большую ответственность», – открыл мероприятие А. Барон.

Наряду с профессиональными экспертами и любителями литературы глава «Мицвы» поприветствовал молодежь – старшеклассников, которые из года в год приобщаются к проекту. Конференция становится для них возможностью расширить свои знания о произведениях М. Симашко и о литературе Казахстана в целом.

«Специально для старшеклассников в рамках Чтений мы воплотили волонтерский проект “Алматы глазами М.Д. Симашко”. Он состоял из двух частей – литературного квеста, в ходе которого школьники совершили путешествие по знаковым для писателя местам и через эту живую экскурсию познакомились с биографией и сюжетами главных произведений писателя, и конференции в стенах общинного центра “Римон”, на которой они озвучили свои эссе о впечатлениях от квеста. Когда юные участники представляли свои работы, чувствовалось, что тема заинтересовала их. Они начали читать Симашко, через его прозу расширяя свои знания об истории родной страны, а также истории Древнего Востока. Хочу поздравить юных литературоведов из еврейского общинного центра “Римон”, из 95-й школы, их учителя Светлану Цой, пожелать им новых открытий в мире исторической прозы М. Симашко и других авторов», – напутствовал старшеклассников А. Барон.

Глава еврейской общины также поблагодарил директора Республиканского еврейского благотворительного общественного объединения «Центр Забота – Хэсэд Полина» в Алматы, волонтерский центр «Маген ХаТов», действующий при «Хэсэде Полина», его руководителя Марию Трескунову и участников проекта для представителей старшего поколения «Цаирим ба лев», выступивших на квесте героями произведений М. Симашко.

К слову, в ходе нынешней конференции подростки смогли вновь зачитать свои эссе, обсуждая творчество писателя и делая личными впечатлениями от прочитанного, а также от литературного квеста – городского путешествия по местам, связанным с жизнью и творчеством М. Симашко.

Перед тем как пригласить к микрофону участников конференции, глава еврейской общины передал аудитории привет от одного из непосредственных организаторов и вдохновителей Международных литературных чтений – заведующей отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МНВО РК, члена Правления Союза писателей Казахстана, АНК, НЭС АНК, заместителя председателя НЭГ АНК, кандидата филологических наук, ассоциированного профессора Светланы Ананьевой.

В день проведения Пятых Международных чтений Светлана Викторовна находилась в Минске на Международном симпозиуме литераторов «Писатель и время» в рамках XXXIII Международной книжной выставки-ярмарки. В ходе этого представительного форума она сделала презентацию сборника предыдущих, Четвертых чтений, которые были приурочены к 100-летию мастера исторической прозы, и пригласила экспертов Международного симпозиума в Минске к участию в проекте чтений.

По завершении презентации казахстанский эксперт передала сборник в дар председателю Союза писателей Беларуси Алесю Карлюкевичу, который ранее был удостоен медали Международных литературных чтений.

Пожелания интересной работы в Алматы передали участники Международного симпозиума литераторов «Писатель и время». В их числе специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой, председатель Союза писателей Беларуси Алесь Карлюкевич, председатель Общественного совета МНВО РК, действительный член Международной экономической академии Евразии и Академии педагогических наук Казахстана Бейбут Мамраев, главный редактор литературного журнала «Роман-газета» Юрий Козлов, главный редактор белорусской ежене-

дельной литературной газеты «Література і мастацтва» Алексей Черота, другие известные деятели культуры стран СНГ.

Передавая микрофон докладчикам Международных чтений, А. Барон подчеркнул возрастающее участие в проекте и широкий охват тем – от журналистики, с которой начинал свой профессиональный путь М. Симашко, до ведущего жанра писателя – исторической прозы, а также литературного перевода, в котором Симашко показал себя как одаренный стилист, находившийся с авторами на одной волне.

Слова главы еврейской общины поддержали спикеры, в своих выступлениях они делали акцент на многогранности и многослойности произведений известного прозаика.

Уникальность исторической прозы М. Симашко была отмечена в приветствии к участникам литературных Чтений в Алматы заместителя председателя Ассамблеи народа Казахстана, заведующего Секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента Республики Казахстан Марата Азильханова: «Его судьба и творчество являются ярким примером того, как литература способна соединять культуры, эпохи, народы. Прозаик, драматург, сценарист, публицист, переводчик, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия, один из основателей Казахского ПЕН-клуба, М. Симашко принадлежал к тем писателям, которые воспринимали литературу как богатство подлинного разговора о судьбе человека, истории народов. Его произведения “Маздак”, “Емшан”, “Искушение Дабира”, “Хадж Хайяма”, “Колокол”, “Семирамида» стали значимыми вехами исторической прозы. Через судьбы правителей, мыслителей, поэтов, просветителей Симашко раскрывал сложный диалог цивилизаций и показывал, как история Востока и Запада переплетаются в едином культурном пространстве Евразии».

В Приветствии был сделан акцент на том, что М. Симашко обладал редким даром исторического воображения, умел видеть глубинные связи времен, сопоставлять разные эпохи и культуры, раскрывать историю через судьбы людей. Именно поэтому его книги не только рассказывают о прошлом, но и помогают современному читателю лучше понять сложность и многообразие человеческой цивилизации.

«Особое значение имеет его вклад в развитие культурного диалога и взаимопониманий между народами. Благодаря его переводам, произведения выдающихся казахских писателей Ильяса Есенберлина, Габита Мусрепова, Такена Алимкулова и других авторов стали доступны широкому читательскому миру, тем самым он раскрыл богатство казахской литературы для международного культурного пространства. Симашко принадлежал к писателям, которые тонко чувствовали историческую миссию культуры. Его произведения объединяют разные традиции – степную, восточную, европейскую. Через художественное слово он показывал, что диалог культур и взаимное уважение являются фундаментом устойчивого развития общества. Сегодня эти идеи приобретают особую актуальность», – охарактеризовал творчество писателя М. Азильханов.

Заместитель председателя АНК заострил внимание на том, что Казахстан проходит важный этап общественно-политического развития. Проводимые в стране конституционные реформы направлены на укрепление демократических институтов, развитие культуры, общественного диалога и расширение участия граждан в принятии решений. В основе этих преобразований лежат ценности справедливости, ответственности, взаимного уважения.

М. Азильханов сделал акцент на том, что одной из главных установок современного казахстанского общества является принцип единства в многообразии. Он отражает уникальную модель общественного согласия, которая исторически сложилась на земле Казахстана. Она основана на уважении к культурному, языковому, духовному разнообразию.

«В этом контексте наследие М. Симашко звучит особенно современно. Его творчество напоминает нам о том, что истинный гуманизм, душевная открытость и политическая корректность в общественном диалоге служат необходимыми условиями гармоничного развития общества. Литература убедительно показывает: творчество Симашко способно не только сохранять память о прошлом, но и формировать ценности, ориентиры будущего. Именно поэтому обращение к его наследию сегодня имеет не только научное, но и глубокое общественное значение», – резюмировал М. Азильханов.

При этом он выразил уверенность в том, что Чтения станут важной площадкой для содержательного научного диалога, обмена идеями в области литературы и культурного взаимодействия. Особую признательность М. Азильханов выразил Ассоциации «Мицва» и организаторам конференции за значимый вклад в проведение научного форума, создание пространства для научного диалога и обмена знаниями, а также за последовательную поддержку исследовательских инициатив и продвижение идей исторической памяти, межкультурного взаимодействия и общественного взаимопонимания.

Генеральный директор Евро-Азиатского еврейского конгресса д-р Хаим Бен Яков назвал Международные литературные чтения важным культурным и общественным событием. В своем выступлении по видеосвязи он заострил внимание на литературном даровании писателя и его общественной деятельности – вкладе в развитие еврейской общины Казахстана и создание Республиканской еврейской библиотеки, которая сегодня носит имя М. Симашко. «Его произведения стали значимым явлением в литературной прозе. Особое место занимает его многолетний труд “Четвертый Рим”, в котором история семьи автора раскрывается на фоне драматических событий XX века. Важна его общественная деятельность: в 1990-е годы М. Симашко принимал участие в становлении еврейской общины в Казахстане, поддерживал культурные, образовательные инициативы. Сегодня его имя носит Республиканская еврейская библиотека при Ассоциации “Мицва”, что является символом признания его вклада в развитие духовной и культурной жизни евреев Казахстана», – особо отметил д-р Хаим Бен Яков.

Адрес от имени директора Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Героя Труда Казахстана, Народного писателя Казахстана Олжаса Сулейменова зачитал заместитель директора по науке Международного Центра сближения культур PhD Игорь Крупко.

В частности, в своем приветственном письме О. Сулейменов назвал годы, в которые творил М. Симашко, «эпохой великого читателя», плохо писать было просто нельзя. Делясь воспоминаниями, он подчеркнул значение целого поколения писателей, которые в XX веке возвращали народу утраченные имена,

смыслы и связь с прошлым. В числе этих замечательных авторов был М. Симашко.

Как подчеркнул О. Сулейменов, в своих произведениях Симашко проникал сквозь крупные культурные пласты, раскрывая малоизученные страницы истории, рассказывая о судьбах крупнейших исторических личностей, находившихся в тени исторических исследований.

«Однажды, изучая историю влияния тюрков на культурные процессы Евразии, я наткнулся на средневековый материал о молодых кыпчаках, которых продавали на невольничьих рынках в Крыму – на Ближний Восток и в Северную Африку. Так, в истории Левобережной Украины я нашел историю мамлюков и открыл имя Бейбарса, ребенком взятого в плен, – раба, ставшего султаном Египта. В одной из писательских бесед рассказал об этом М. Симашко и направил его на эту тему. Так родилась его повесть “Емшан”, которая фактически открыла миру султана Бейбарса», – поделился воспоминаниями О. Сулейменов.

Народный писатель Казахстана, Заслуженный деятель РК, профессор, сценарист, лауреат Литературной премии тюркского мира Смагул Елубай обратился к теме родины в творчестве М. Симашко. Так же, как и О. Сулейменов, в качестве примера он привел повесть «Емшан».

«Главной идеей его творчества и, пожалуй, всей его судьбы была тема родины. Особенно ярко она проявилась в повести “Емшан”. На рубеже 1960-х и 1970-х эта повесть помогла Казахстану войти в мир большой литературы. Другие произведения, вышедшие из-под пера М. Симашко, также можно назвать шедеврами нашей литературы. Распространяясь на евразийском пространстве и по странам Европы, они завоевывали читателя, открывали ему мир степной цивилизации», – изложил свое видение творчества М. Симашко С. Елубай.

При этом он добавил, что повесть «Емшан» стала образцом высокого литературного вкуса и примером того, как исследовательский интерес писателя может раскрывать целые исторические пласты, возрождая великие имена.

«К нашему стыду, до того, как вышла повесть М. Симашко “Емшан”, мы не знали о султани Бейбарсе и его удивительной судьбе. Но, прочитав повесть Симашко, мы поняли, осознали,

что у нас был великий земляк. Проданный за бесценок раб, он стал величайшим правителем Египта. По сути, эта повесть окрылила других писателей, историков для исследований нашего великого прошлого, возрождения имен, сыгравших выдающуюся роль в истории нашей земли. В этом заключается большая заслуга Мориса Давидовича», – резюмировал свое выступление С. Елубай.

Президент Международного Казахского ПЕН-клуба, секретарь Союза писателей Казахстана Бигельды Габдуллин определил творчество М. Симашко как основу культурного кода нашей страны. По его словам, сама личность М. Симашко стала олицетворением евразийства, слиянием традиций Востока и Запада.

«Морис Давидович родился в Одессе, писал по-русски, но практически все свои лучшие произведения создал в Казахстане. Он стал одним из лучших интерпретаторов нашей казахской истории и восточной философии» Б. Габдуллин подчеркнул особую значимость прозы писателя в сегодняшнем, очень подвижном и полном противоречий мире. Проводя читателя через эпохи, писатель обращает внимание на близость народов и цивилизаций, подчеркивает великую ценность мира и межкультурного диалога. По словам Б. Габдуллина, М. Симашко обладал редким даром эмпатии к далекому прошлому, сострадания чужому горю.

«Он принимался за темы, которые до него в русскоязычной литературе поднимали фрагментарно, а где-то даже поверхностно либо экзотично. Он же показал Центральную Азию не как периферию, а как центр мировых событий, где ковались судьбы империй», – высказал мнение Б. Габдуллин.

Продолжил конференцию главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», секретарь Союза писателей Казахстана, поэт, прозаик Фархат Тамендаров. В своем докладе он подчеркнул, что в прозе М. Симашко художественный вымысел и летописная правда сливаются в единое целое, где слово писателя и строгая хроника ведут равноправный диалог. «Однажды Симашко спросили, почему он почти всегда обращается к историческому материалу. Симашко просто ответил: потому что история повторяется, она учит нас жить. Действитель-

но, проводя параллели между прошлым и настоящим, Морис Давидович предупреждает читателя, помогает осмыслить происходящее и словно дает мудрые советы. И, пожалуй, в этом состоит главная ценность его прозы. И еще, пожалуй, есть одно редкое качество у его произведений: он учит нас не забывать о своих корнях, в то же время оставаться открытым большому миру», – поделился своим восприятием творчества М. Симашко Ф. Тамендаров.

Почетный писатель Казахстана, Заслуженный деятель РК, председатель Совета по русскоязычной литературе и литературным связям Союза писателей Казахстана Василий Шупейкин продолжил тему исторической значимости произведений М. Симашко: писатель ощущал дух эпох и, благодаря своему масштабному литературному дарованию, прокладывал путь между далеким прошлым и настоящим. В его произведениях читатель находился в самой гуще событий, и это делает его прозу особо ценной.

«Как сказал Б. Габдуллин, М. Симашко был писателем божьей милостью. Своим неповторимым творческим почерком, с глубоким знанием истории он рассказал нам о выдающихся событиях и великих людях. Его повести и романы позволяют совершить путешествие в прошлое, чтобы познать себя, и в этом большая ценность произведений М. Симашко. Известный писатель Михаил Веллер назвал М. Симашко мастером иносказаний и охарактеризовал роман “Маздак” как гениальный. С этим трудно не согласиться. Эзоповым языком Симашко говорил с нами о важном, и это повествование отличается искренностью, честностью, глубиной, знанием истории на очень высоком уровне. Он был точен в исторических фактах и глубок как писатель», – подчеркнул В. Шупейкин.

Также был сделан акцент на том, что М. Симашко был подлинным интернационалистом и говорил о ценности межнационального согласия в своих повестях, романах, публицистике.

В связи с этим В. Шупейкин представил свою новую книгу «Наша жизнь – оксюморон». Ее главными героями выступают представители разных этносов, живущих в Казахстане.

Резюмируя сказанное, писатель отметил большую значимость прозы М. Симашко в развитии казахстанской литературы,

формировании читательского и писательского интереса к исторической романистике. Он поприветствовал собравшуюся в зале молодежь, для которых проза М. Симашко может служить ценным материалом по изучению исторического прошлого нашей страны и ее литературного наследия.

Заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Простор», Народный писатель Казахстана, поэт, прозаик, публицист Любовь Шашкова поделилась воспоминаниями о М. Симашко. Она рассказала о том, как рождались некоторые из его произведений, ставшие событием в мире отечественной литературы. «Поскольку мы находимся в Союзе писателей Казахстана, мне хочется немного оживить образ М. Симашко. Кажется, что еще совсем недавно, в конце 1980-х – начале 1990-х, он поднимался по этим ступеням, ходил по этим коридорам. Его помнит зал, где проходили бурные литературные дискуссии, встречи. Я помню его в этих стенах, помню, как в тот период он приходил в издательство, где шла работа над его книгами. Позже, едва покинув типографию, эти книги становились подлинным литературным событием. Я говорю о таких произведениях как “Семирамида”, “Падение Ханабада”, “Гу-га”, появившихся в конце 1980-х. Именно эти книги я сейчас принесла сюда, на нынешние Чтения. Они со мной не случайно... Я не была непосредственным редактором этих книг, но они издавались на моих глазах. Морис Давидович приходил в издательство, и с его участием шла кропотливая работа над каждой строчкой, каждым нюансом. Я была свидетелем того, как в беседе с редакторами он объяснял свой интерес к эпохе Екатерины II. Он называл роман “Семирамида” “анти-Пикулем”, обрисовав эпоху императрицы не как период фаворитизма, а как время прогресса. Он показал Екатерину II великой просветительницей», – рассказала Л. Шашкова.

Особо была отмечена важность сохранения памяти о писателе, чтобы делиться ею с молодежью. Важно, чтобы новое поколение писателей и читателей ощущало преемственность поколений, знало о тех прекрасных авторах, которые создавали основу отечественной литературы. «В их числе был и замечательный писатель М. Симашко, которого необходимо переиздавать и открывать заново», – заключила Л. Шашкова.

В числе спикеров Международных литературных чтений были известные писатели, литературоведы и деятели культуры Казахстана и государств евразийского пространства. Среди них академик НАН РК, доктор филологических наук, профессор, главный редактор газеты «Қазақ әдебиеті» Бауыржан Жақып; заместитель заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН имени Патриса Лумумбы (Москва), кандидат филологических наук, доцент Карина Галай; доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова Татьяна Кривошапова; член Международного Казахского ПЕН-клуба и СП Казахстана, доктор филологических наук, профессор Аслан Жаксылыков (КазНУ им. аль-Фараби); доктор исторических наук, председатель Комиссии по сохранению исторической памяти Ассамблеи народов Евразии, профессор КазНУ им. аль-Фараби Лайла Ахметова; кандидат филологических наук, ассоциированный профессор ВКУ им. С. Аманжолова Лариса Демченко и другие авторитетные эксперты.

В ходе конференции состоялось торжественное вручение медали Международных литературных чтений. В этом году ее обладателями стали глава Союза писателей РК Мереке Кулькенов; Народный писатель РК Смагул Елубай; заместитель Генерального директора Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МНВО РК по науке, кандидат филологических наук Альмира Калиева; заместитель заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН имени Патриса Лумумбы (Москва), кандидат филологических наук, доцент Карина Галай; главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», секретарь Союза писателей РК Фархат Тамендаров.

Завершил работу Пятых Международных литературных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана, глава Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон. Он подчеркнул важность проекта для популяризации литературного наследия мастера исторической прозы М. Симашко, открытия новых имен в литературоведении.

«Дорогие друзья, коллеги и единомышленники! Завершая Пятые Международные литературные чтения, я испытываю чувство глубокой гордости за то, что наследие Мориса Давидовича Симашко продолжает объединять нас. Я благодарю каждого участника за интересные доклады, живой интерес к творчеству замечательного писателя. Уверен, что поднятые здесь темы станут основой для глубоких исследований – статей, эссе, книг», – подвел итог конференции А. Барон.

jewishkz.asia. 23.03.2026

КАШТЕЛЮК ЮРИЙ

Ожившие страницы

В Алматы участники Первого городского литературного квеста совершили путешествие в мир произведений М. Симашко. В 2025 году Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко, были нацелены на творческую работу со старшеклассниками. Весной, 6 апреля 2025 года, в рамках проекта был организован Первый квест на тему произведений известного писателя.

Его участниками стали старшеклассники алматинских школ, юные любители литературы из еврейского общинного центра «Римон». Маршруты квеста охватили центральную часть Алматы – места, связанные с жизнью и творчеством писателя. Организовали проект Ассоциация «Мицва», Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК и литературно-художественный журнал «Простор». Непосредственными организаторами квеста выступили клуб «Цаирим ба лев» и подростковый клуб еврейского общинного центра «Римон» в Алматы.

Проект начался с торжественной части: старшеклассников напутствовали глава еврейской общины Казахстана – председатель Совета Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон; поэт, прозаик, главный редактор «Простора» Фархат Тамендаров; заведующая отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кандидат филологических наук Светлана Ананьева. Ведущей высту-

пила координатор проекта «Цаирим ба лев» еврейского общинного центра «Римон», волонтер еврейской общины Мария Трескунова.

– Мы начинаем наш культурно-образовательный проект – молодежный литературный квест «Алматы глазами Мориса Давидовича Симашко». Он проходит в рамках Международных литературных чтений, ежегодно собирающих ведущих экспертов-литературоведов, чтобы раскрыть новые грани творческого дарования писателя – одного из основателей жанра исторической романистики в Казахстане. В этом году Чтениям исполняется пять лет, а с минувшего года в проекте участвуют старшеклассники.

На прошлых, Четвертых чтениях школьники написали эссе и сочинения по произведениям писателя. Лучшие из них вошли в сборник Четвертых чтений «Морис Шамис (Симашко)» и уже опубликованы. В этом году мы расширяем молодежное участие, воплощая проект «Алматы глазами М.Д. Симашко». Он состоит из двух частей: первая – участие в квесте, где ребята погрузятся в мир героев писателя, вторая – написание сочинений и эссе, лучшие из них так же, как и в прошлом году, будут опубликованы, – анонсировала проект Мария Трескунова. При этом она поблагодарила старшеклассников, педагогов и директоров алматинских школ за интерес к проекту.

Квест открыл глава еврейской общины Казахстана – председатель Совета Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана А. Барон. Поздравив старшеклассников с началом проекта, он пожелал им увлекательного путешествия по миру книг М. Симашко – писателя, который проложил незримые мосты между далеким прошлым и настоящим.

– Мы начали работу с молодежью, и у нас получается. Главное в этом процессе то, что ребята расширяют свои знания, они читают книги М. Симашко с интересом. Для школьника чтение становится счастливым временем, когда он путешествует по эпохам вместе с замечательным автором – Морисом Симашко. Нынешний квест предоставляет возможность продолжить это путешествие – встретиться и пообщаться с героями произведений писателя. Желаю вам счастливого пути по увлекательному миру литературы, – напутствовал старшеклассников А. Барон.

Заведующая отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Светлана Ананьева присоединилась к напутствиям. Она отметила, что участие школьников в проекте вызывает большой интерес экспертов в области литературоведения, поддерживается родителями и педагогами, но главное – проект стимулирует ребят к чтению и написанию эссе, сочинений.

– В ходе Четвертых Международных чтений в 2024 году мы увидели, с каким интересом ребята участвовали в проекте. Сюжеты сочинений показали целеустремленность ребят, их желание рассуждать и анализировать. Это говорит о том, что проект многое дает детям. Хочу пожелать, чтобы молодежное участие в Чтениях расширилось и квест стал регулярным проектом, – подчеркнула С. Ананьева.

Главный редактор журнала «Простор» Фархат Тамендаров в свою очередь пожелал подросткам больше читать и отдавать предпочтение бумажной книге перед электронной.

– Конечно же, нужно приветствовать любое чтение – как в электронном формате, так и в бумажном. Но хочу сказать вам, ребята, и, наверное, вы это замечали сами, что чтение печатного издания приносит совершенно особые впечатления. Бумажная книга – это живой организм, это друг, который открывает тебе новые сюжеты, дарит новые впечатления, – сделал акцент на ценности традиционной книги Ф. Тамендаров.

Завершая напутствие, главный редактор «Простора» сообщил, что лучшие сочинения и эссе, написанные ребятами по книгам М. Симашко и по впечатлениям от квеста, будут опубликованы в литературно-художественном журнале «Простор».

После торжественной части старшеклассникам предстояло выбрать названия для своих команд. Ребята подошли к этому заданию творчески: по результатам коротких совещаний были придуманы следующие названия, связанные с творчеством писателя: «Емшан», «Бейбарс», «Семирамида», «Симашкинские» (команда общинного центра «Римон»).

Маршрут квеста пролегал по центру Алматы и представлял собой «кругосветку» – местом начала и окончания пути был

общинный центр «Римон», а точнее, Республиканская общинная библиотека при Ассоциации «Мицва», носящая имя М. Симашко.

В ходе игры ребята посетили места, связанные с жизнью и литературным творчеством М. Симашко. Это досуговая рекреация у станции метро «Жибек жолы», чье название напоминает о теме Великого Шелкового пути в произведениях автора; дом, где жил писатель; здание Союза писателей РК; Институт микробиологии и вирусологии, в основании которого участвовал отец М. Симашко – микробиолог, доктор биологических наук Давид Шамис. Также станцией квеста стал парк имени 28 гвардейцев-панфиловцев, где расположен Вознесенский кафедральный собор, который отсылает читателей к миру героини романа «Семирамида» – Екатерине II.

Роли героев квеста исполнили волонтеры клуба для активных пенсионеров «Цаирим ба лев» общинного центра «Римон». Так, образ птицы счастья Самрук, гнездящейся на древе жизни Байтерек, воплотила Инна Лысковская, султаном Бейбарсом стал Алекс Ракстри, Екатериной II – Наталья Кулешова, другом писателя Леонидом Гиршем – Владимир Чистов, музой писателей – Эльвира Сапожникова, Морисом Симашко – Александр Фисунов, редактором журнала – Ирина Урбанович. Станционными зрителями – администраторами проекта стали Надежда Леденева, Наталия Звонцова, Инна Дубчак, Марина Ластовец, Лидия Ткаченко, Марина Васильева.

Представляя себя, все герои говорили о духовных ценностях, которые раскрыл М. Симашко в своих произведениях, – любовь к родине, верность долгу, важность дружбы и значимость изучения истории, сохранения исторической памяти.

Символически квест завершился в Республиканской еврейской библиотеке имени М. Симашко, в создании которой принимал участие сам писатель. Среди стеллажей располагается именная полка, посвященная творчеству М. Симашко.

По итогам квеста первое место разделили команды «Семирамида» и «Емшан», второе – «Симашкинские» и «Бейбарс». Все участники были удостоены дипломов и сборников материалов Чтений. Но проект на этом не завершился. Теперь участникам квеста предстоит написание сочинений и эссе о произведе-

ниях писателя, самые яркие из которых опубликуют в литературно-художественном журнале «Простор».

По окончании квеста некоторые участники проекта поделились своими впечатлениями.

«Волонтеры, принявшие участие в подготовке и проведении квеста, не только внесли свой вклад в приобщение детей к литературе, но и сами испытали вдохновение, получили положительные эмоции», – сказала волонтер Лидия Ткаченко.

«Спасибо за предоставленную возможность ощутить себя востребованными. Важно, что с помощью общины мы, пенсионеры, можем участвовать в таких интересных, наполняющих жизнь вдохновением проектах», – подчеркнула Марина Ластовец.

«Для меня квест стал полезным опытом. Квест прошел в творческой и дружеской обстановке, я увидел много интересных мест, которые есть в нашем городе», – высказался ученик 10-го класса школы № 95 Кирилл Банников.

«Благодаря квесту, я познакомился с библиотекой имени М. Симашко. Там собрано много интересных книг. Планирую в свободное от учебы время читать их», – написал ученик 10-го класса школы №95 Давид Мартынов.

«Квест был просто восхитительным. Организация была на высоком уровне, а сюжет – познавательным. Квест стал костюмированным спектаклем, где перед нами предстали живые герои М. Симашко. Хочу поблагодарить организаторов за такой замечательный проект», – написала педагог средней школы №95 Касиет Толтебаева.

jewishkz.asia. 13.06.2025

КАШТЕЛЮК ЮРИЙ

По историческим маршрутам писателя

В марте в Алматы состоялись Пятые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко. Их организаторы Ассоциация «Мицва», Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МНВО РК, Союз писателей Казахстана, Казахский ПЕН-клуб.

Участниками проведенной в стенах Союза писателей конференции стали более 100 экспертов в области литературы, истории, культурологии, образования из Казахстана, стран евразийского пространства и дальнего зарубежья. В своих докладах они говорили о многогранности творчества М. Симашко. Он стал одним из пионеров жанра исторической прозы в Казахстане и Центральной Азии, вошел в историю литературы как один из основателей школы художественного перевода, получил известность как одаренный публицист, поднимавший тему сближения культур Востока и Запада.

Главная особенность его произведений в том, что в них история и литература выступают на равных. В своей прозе Симашко перекинул культурные мосты между прошлым и настоящим. Его произведения раскрывают современность через историю.

Говоря о разных гранях творчества писателя, участники конференции отмечали непреходящую ценность его прозы. В ней стираются грани между строгим архивным документом и художественным повествованием. Это делает повести и романы писателя живой летописью времен и судеб.

Литературные истоки

Значительная часть докладов прослеживала прямую связь между творчеством писателя и его насыщенной событиями биографией. Морис Давидович Симашко (настоящая фамилия Шамис) родился в Одессе, молодость провел в Туркмении – там же, на границе с Ираном, служил в армии, а его писательский расцвет и творческая зрелость пришлись на алматинский период жизни.

Его родители являли собой яркий пример интернационализма – и по своему происхождению, и по духу. У отца, микробиолога и вирусолога Давида Шамиса, было еврейское происхождение, у матери Марии Шамис (урожденной Шмидт), получившей лютеранское образование – немецкое. Для семьи, приветствовавшей дух революционных перемен, понятие «дружба народов» было одной из главных ценностей. Сын унаследовал этот нравственный ориентир, а также перенял от родителей тягу к знаниям, новым жизненным открытиям и любовь к чтению.

Эпизод в детстве, связанный с литературой, зародил в нем желание писать. В тот период молодая семья часто переезжала,

жили в общежитии, и личное имущество ограничивалось самым необходимым, домашней библиотеки не держали. Но как-то родители приобрели подержанный диван, внутри которого оказалась целая библиотека – старые хрестоматии и «книги для чтения». «Так я восьми лет от роду прочитал “Кавказского пленника”, “Капитанскую дочку”, многое другое», – делился писатель в «Четвертом Риме».

Годами позже судьба позволила совершить ему новые открытия, укрепляя в мысли о писательском пути. Это происходило в период армейской службы на границе Туркмении с Ираном, где некогда пролегало ответвление Великого Шелкового пути, а также во время журналистской работы, когда будущий исторический романист посещал раскопки древних городищ.

Так, участница Пятых чтений, заместитель заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы РУДН им. Патриса Лумумбы (Москва) кандидат филологических наук, доцент Карина Галай считает, что именно репортерский опыт послужил стимулом для литературного творчества: «Проза М. Симашко выросла на плодородной почве репортажа и публицистики. Его произведения – это классический пример трансформации журналиста в большого писателя. Именно эта ментальность становится мощным художественным приемом».

Согласно экспертному суждению К. Галай, журналистский опыт позволил М. Симашко передавать исторические факты с документальной точностью и создавать в произведениях эффект присутствия.

Взгляд эксперта совпадает с воспоминаниями самого писателя. В романе «Четвертый Рим» он пишет о том, что во время журналистской работы сама история открывала перед ним свою завесу. «Рассматривая как-то извлеченный геологами из земли старинный кувшин, я с удивлением заметил, что узор на одежде работающих рядом в поле туркменок точь-в-точь повторяет тот самый орнамент, что наносил когда-то на свои изделия древний мастер. Так прошлое и настоящее вдруг сошлись в моих руках, и со всей очевидностью я понял: такая связь не случайна, она существует испокон веков и она-то и цементирует мир».

Первыми литературными опытами будущего классика исторического романа стали фельетоны, которые он публиковал в

туркменской прессе, и произведения для театра. В 1948 году за четыре дня Симашко создал пьесу «На крайнем юге». Вещь получилась удачной, удостоилось премии на республиканском конкурсе в Туркмении и с успехом шла в театрах Средней Азии. Как позже признавался писатель, он чувствовал, что литература – его жизненное призвание, но, написав вторую пьесу, которую не пропустила цензура, перестал заниматься художественным творчеством почти на десять лет.

Однако в командировках, куда его посылала редакция для освещения археологических работ, к нему пришло окончательное понимание, что литература – его стезя. Так он вернулся к писательству. С того времени М. Шамис стал подписывать свои произведения псевдонимом-палинонимом Симашко, образованным от фамилии, прочитанной справа налево, с добавлением окончания «ко».

Путь в «Новый мир»

Этапным произведением для молодого писателя стала «Повесть Черных песков», написанная в 1958 году. Произведение, которое автор первоначально назвал «В песках Каракумов», было создано в приключенческом стиле и посвящалось событиям Гражданской войны в Туркестане. Казалось, что динамика повествования должна была обеспечить читательское внимание, и начинающий прозаик решил попытать счастья. По его воспоминаниям, рукопись была напечатана в двух экземплярах. Первый он отдал на ежегодный закрытый конкурс при Союзе писателей Туркменистана. Второй экземпляр молодой автор направил в «Новый мир» «с единственной надеждой получить оттуда рецензию».

В результате в Ашхабаде повесть даже не была допущена к конкурсу (по причине «литературной несостоятельности») и почти одновременно принята к печати в Москве. Неожиданно для М. Симашко главный редактор «Нового мира» легендарный Александр Твардовский высоко оценил повесть. «Старик, вы писатель», – цитировал Симашко слова Твардовского в своих воспоминаниях. Эта фраза, обращенная к начинающему автору, дорогого стоила: Твардовский называл «писателем» далеко не всех, кто публиковался, поэтому, признав М. Симашко писателем, он словно вручил ему литературный аттестат зрелости.

В разговоре с автором из Средней Азии Твардовский отметил лаконизм и «мускулистость» его прозы, положительно оценил «сухой», «чеканный» стиль и отсутствие «цветастости», чем зачастую грешили авторы исторической прозы. Признание Твардовского, одного из крупнейших писателей СССР и главного редактора престижнейшего советского «толстого журнала», позволило М. Симашко перейти в ранг литераторов все-союзного уровня.

На Пятых Международных литературных чтениях тему художественных достоинств произведений М. Симашко продолжил доктор филологических наук, член Международного Казахского ПЕН-клуба и Союза писателей Казахстана, профессор Аслан Жаксылыков (КазНУ имени аль-Фараби). По его словам, «чеканность» стиля М. Симашко позволяет обрести мысли весомость и четкость. Она превращает документальную историческую хронику в живой диалог времен, связывая воедино опыт минувшего и реалии современности. Его повести и романы – это и художественные произведения, и ценный исторический материал, способствующий изучению прошлого.

«Морис Симашко отличался изумительной техникой повествования. В своих монографиях я пришел к выводу, что это объясняется единством художественного и научного мышления. Этот блестящий сплав и позволял создавать такие романы. В каждом его произведении перед нами предстает большой ученый со сложившимся системным типологическим мышлением востоковеда и еще, конечно же, большого художника, поэта. Читая каждое его произведение, видишь, что он проделывал огромную работу по изучению материала», – поделился суждениями Аслан Жаксылыков.

Исторический романист и переводчик

Одной из ключевых тем конференции стало обсуждение повести «Емшан» (1966), в которой автор рассказал миру о султани Бейбарсе – великой исторической личности, до этого находившейся в тени истории. Об истоках этого знакового для отечественной культуры произведения в своем приветствии напомнил директор Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Герой Труда Казахстана, Народный писатель Казахстана Олжас Сулейменов. Текст адреса от лица прослав-

ленного литератора зачитал замдиректора по науке Центра сближения культур PhD Игорь Крупко: «Однажды, изучая историю влияния тюрков на культурные процессы Евразии, я наткнулся на средневековый материал о молодых кыпчаках, которых продавали на невольничьих рынках в Крыму – на Ближний Восток и в Северную Африку. Так, в истории Левобережной Украины я нашел историю мамлюков и открыл имя Бейбарса, ребенком взятого в плен, – раба, ставшего султаном Египта. В одной из писательских бесед рассказал об этом Морису Симашко и направил его на эту тему. Так родилась его повесть “Емшан”, которая фактически открывала миру султана Бейбарса».

В свою очередь Народный писатель Казахстана, Заслуженный деятель РК, профессор, сценарист, лауреат Литературной премии тюркского мира Смагул Елубай обратился к теме родины в творчестве М. Симашко. Так же, как и О. Сулейменов, в качестве примера он привел повесть «Емшан». «Главной идеей его творчества и, пожалуй, всей его судьбы была тема родины. Особенно ярко она проявилась в повести “Емшан”. На рубеже 1960-х и 1970-х эта повесть помогла Казахстану войти в мир большой литературы. Другие произведения, вышедшие из-под пера М. Симашко, также можно назвать шедеврами нашей литературы. Распространяясь на евразийском пространстве и по странам Европы, они завоевывали читателя, открывали ему мир степной цивилизации», – изложил свое видение творчества М. Симашко С. Елубай.

По его мнению, повесть «Емшан» стала образцом высокого литературного вкуса и примером того, как исследовательский интерес писателя может раскрывать целые исторические пласты, возрождая великие имена.

«К нашему стыду, до того, как вышла повесть М. Симашко “Емшан”, мы не знали о султанине Бейбарсе и его удивительной судьбе. Но, прочитав повесть Симашко, мы поняли, осознали, что у нас был великий земляк. Проданный за бесценок раб, он стал величайшим правителем Египта. По сути, эта повесть окрылила других писателей, историков для исследований нашего великого прошлого, возрождения имен, сыгравших выдающуюся роль в истории нашей земли. В этом заключается большая заслуга Мориса Давидовича», – резюмировал С. Елубай.

В докладах выступающих не раз отмечалось, что временем расцвета творчества М. Симашко стал алматинский период его жизни – с конца 1950-х по 1999 год. Здесь были созданы основные произведения мастера исторической прозы. Среди них наряду с уже упомянутой повестью «Емшан» (1966) «Искушение Фраги» (1960), «Хадж Хайяма» (1965), «Парфянская баллада» (1966), «Маздак» (1971), документальный роман «Комиссар Джангильдин» (1978), «Искупление дабира» (1979), «Колокол» (1981), «Семирамида» (1988), «Гу-га» (1982) и «Падение Ханабада» (1989).

М. Симашко любил Казахстан. Уроженец Одессы, проведший раннюю молодость в Туркменистане, он полюбил Алма-Ату и воспринимал город у отрогов Заилийского Алатау как свой настоящий дом. Он жил на пересечении улиц Жамбыла и Чайковского, сегодня на стене его дома установлена мемориальная доска. Его маршруты проходили через Дом писателей, где прошла нынешняя конференция, Пушкинскую библиотеку (ныне Национальная библиотека РК), республиканские архивы, издательства. Он любил прогуливаться по уютным переулкам и тенистым скверам. Так, на улице Красина (ныне Валиханова) он встречался с коллегой, писателем и переводчиком Герольдом Бельгером, с которым его связывала тесная дружба, а неподалеку от своего дома он прохаживался с еще одним соседом – историческим романистом Ильясом Есенберлиным, один из главных трудов которого – трилогию «Кочевники» – переводил на русский язык.

К слову, литературные переводы казахских авторов, выполненные М. Симашко, были среди главных тем конференции. Подчеркивалось, что Симашко обладал уникальным даром делать специфические кочевые понятия и степную философию понятными для человека, воспитанного в другой культурной традиции, не теряя при этом их колорита.

В частности, об этом говорилось в адресе, который направил участникам конференции заместитель председателя Ассамблеи народа Казахстана, заведующий Секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента РК Марат Азильханов.

«Особое значение имеет его вклад в развитие культурного диалога и взаимопонимания между народами. Благодаря его переводам произведения выдающихся казахских писателей Ильяса Есенберлина, Габита Мусрепова, Такена Алимкулова и других авторов стали доступны широкому читательскому миру, тем самым он раскрыл богатство казахской литературы для международного культурного пространства. Симашко принадлежал к писателям, которые тонко чувствовали историческую миссию культуры. Его произведения объединяют разные традиции – степную, восточную, европейскую. Через художественное слово он показывал, что диалог культур и взаимное уважение являются фундаментом устойчивого развития общества. Сегодня эти идеи приобретают особую актуальность», – подчеркивается в Приветствии участника Чтений М. Азильханова.

В своем докладе доктор исторических наук, председатель Комиссии по сохранению исторической памяти Ассамблеи народов Евразии, профессор КазНУ им. Аль-Фараби Лайла Ахметова вернулась к прозе М. Симашко. Предметом ее исследования стала автобиографическая повесть «Гу-га», посвященная судьбе бойцов штрафных рот во время Великой Отечественной войны. Л. Ахметова обратила внимание на историческую точность текста: «Симашко передал очень важные детали, например, то, что штрафниками командовали не строевые офицеры, “искупавшие вину кровью”, а кадровые военачальники. Кроме того, он очень точно показал состав рот – среди штрафников был разжалованный младший состав и бывшие курсанты, а разжалованных командиров там не было: бывших офицеров отправляли в штрафные батальоны, и это внимание к историческим фактам делает повествование достоверным», – подчеркнула Л. Ахметова.

Она сделала акцент на том, что повесть «Гу-га» к моменту написания (1982) и выхода в свет (1988) была не единственным обращением к теме штрафных подразделений в художественной литературе. Но, по сути, она вошла в число первых произведений в СССР, где автор детально отразил суровые будни штрафников.

Создатель «культурных мостов»

В ходе конференции подчеркивалась непреходящая ценность произведений М. Симашко для отечественной литературы и исторической науки. В своих повестях, романах, пьесах, сценариях и публицистике он уделял определяющее значение переплетению культур Европы и Азии, подчеркивал уникальность евразийского пространства, где веками складывались традиции добрососедства, веротерпимости и взаимного духовного обогащения, а его знаменитые «культурные мосты» позволяют осмыслить настоящее через опыт прошлого.

Так, президент Международного Казахского ПЕН-клуба, секретарь Союза писателей Казахстана Бигельды Габдуллин определил творчество М. Симашко как основу культурного кода нашей страны. По его словам, сама личность М. Симашко стала олицетворением евразийства, слиянием традиций Востока и Запада. «Морис Давидович родился в Одессе, писал по-русски, но практически все свои лучшие произведения создал в Казахстане. Он стал одним из лучших интерпретаторов нашей казахской истории и восточной философии».

Б. Габдуллин отметил особую значимость прозы М. Симашко в сегодняшнем, очень подвижном и полном противоречий мире: проводя читателя через эпохи, писатель обращает внимание на близость народов и цивилизаций, подчеркивает великую ценность мира и межкультурного диалога. По словам Б. Габдуллина, Симашко обладал редким даром эмпатии к далекому прошлому, сострадания чужому горю.

«Он принимался за темы, которые до него в русскоязычной литературе поднимали фрагментарно, а где-то даже поверхностно либо экзотично. Он же показал Центральную Азию не как периферию, а как центр мировых событий, где ковались судьбы империй», – заключил Б. Габдуллин.

Редактор литературно-художественного журнала «Простор», секретарь Союза писателей Казахстана, поэт, прозаик Фархат Тамендаров в своем докладе подчеркнул, что в прозе М. Симашко художественный вымысел и летописная правда сливаются в единое целое, где слово писателя и строгая хроника ведут равноправный диалог.

«Однажды Симашко спросили, почему он почти всегда обращается к историческому материалу. Симашко просто ответил: потому что история повторяется, она учит нас жить. Действительно, проводя параллели между прошлым и настоящим, Морис Давидович предупреждает читателя, помогает осмыслить происходящее и словно дает мудрые советы. И, пожалуй, в этом состоит главная ценность его прозы. И еще, пожалуй, есть одно редкое качество у его произведений: он учит нас не забывать о своих корнях, в то же время оставаться открытым большому миру», – сказал Ф. Тамендаров.

Почетный писатель Казахстана, Заслуженный деятель РК, председатель Совета по русскоязычной литературе и литературным связям Союза писателей Казахстана Василий Шупейкин продолжил тему исторической значимости произведений М. Симашко: писатель ощущал дух эпох, благодаря чему его читатель словно находится в самой гуще событий, и это делает его прозу особо ценной.

«Симашко был писателем божьей милостью. Своим неповторимым творческим почерком, с глубоким знанием истории он рассказал нам о выдающихся событиях и великих людях. Его повести и романы позволяют совершить путешествие в прошлое, чтобы познать себя, и в этом большая ценность произведений М. Симашко. Известный писатель Михаил Веллер назвал М. Симашко мастером иносказаний и охарактеризовал роман “Маздак” как гениальный. С этим трудно не согласиться. Эзоповым языком Симашко говорил с нами о важном, и это повествование отличается искренностью, честностью, глубиной, знанием истории на очень высоком уровне. Он был точен в исторических фактах и глубок как писатель», – подчеркнул В. Шупейкин. Он также сделал акцент на том, что М. Симашко был подлинным интернационалистом и говорил в своих произведениях о ценности межэтнического согласия.

Резюмируя сказанное, писатель отметил большую значимость прозы писателя в развитии казахстанской литературы, формировании читательского и писательского интереса к исторической романистике. Он поприветствовал собравшуюся в зале молодежь, для которой проза М. Симашко может служить цен-

ным материалом по изучению исторического прошлого нашей страны и ее литературного наследия.

Заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Простор», Народный писатель Казахстана, поэт, прозаик, публицист, литературный критик Любовь Шашкова поделилась воспоминаниями о М. Симашко. Она рассказала о том, как рождались некоторые из его произведений, ставших событием в мире отечественной литературы.

«Поскольку мы находимся в Союзе писателей Казахстана, мне хочется немного оживить образ М. Симашко. Кажется, что еще совсем недавно, в конце 1980-х – начале 1990-х, он поднимался по этим ступеням, ходил по этим коридорам. Его помнит зал, где проходили бурные литературные дискуссии, встречи. Я помню его в этих стенах, помню, как в тот период он приходил в издательство, где шла работа над его книгами. Позже, едва покинув типографию, эти книги становились подлинным литературным событием. Я говорю о таких произведениях как “Семирамида”, “Падение Ханабада”, “Гу-га”, появившихся в конце 1980-х. Именно эти книги я сейчас принесла сюда, на нынешние чтения. Они со мной не случайно... Я не была непосредственным редактором этих книг, но они издавались на моих глазах. Морис Давидович приходил в издательство, и с его участием шла кропотливая работа над каждой строчкой, каждым нюансом. Я была свидетелем того, как в беседе с редакторами он объяснял свой интерес к эпохе Екатерины II. Он называл роман “Семирамида” “анти-Пикулем”, обрисовав эпоху императрицы не как период фаворитизма, а как время прогресса. Он показал Екатерину II великой просветительницей», – рассказала Любовь Шашкова. Она особо отметила важность сохранения памяти о писателе, чтобы новое поколение писателей и читателей ощущало связь времен, знало о тех прекрасных авторах, которые создавали основу отечественной литературы.

«В их числе был и замечательный писатель М. Симашко, которого необходимо переиздавать и открывать заново», – заключила Любовь Шашкова.

В ходе конференции состоялось торжественное вручение медали Международных литературных чтений. В этом году ее обладателями стали председатель Союза писателей РК Мереке

Кулькенов; Народный писатель РК Смагул Елубай; заместитель по науке Генерального директора Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кандидат филологических наук Альмира Калиева; заместитель заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы РУДН им. Патриса Лумумбы (Москва), кандидат филологических наук, доцент Карина Галай; главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», секретарь Союза писателей РК Фархат Тамендаров.

Тема Пятых Международных литературных чтений прозвучала и на Международном симпозиуме литераторов «Писатель и время», который проходил в Минске (Беларусь) параллельно с алматинской конференцией. Участвующая в минском форуме кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, заведующая отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МНВО РК, член правления СП Казахстана, АНК, НЭС АНК, заместитель председателя НЭГ АНК г. Алматы Светлана Ананьева сделала презентацию сборника предыдущих, Четвертых чтений, которые были приурочены к 100-летию мастера исторической прозы. Казахстанский ученый-филолог пригласила экспертов Международного симпозиума в Минске к участию в данном научном проекте.

По завершении презентации казахстанский эксперт передала сборник в дар председателю Союза писателей Беларуси Алесю Карлюкевичу, который ранее был удостоен медали Международных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко.

Завершил работу Пятых Международных литературных чтений глава Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон. Он подчеркнул важность проекта для популяризации литературного наследия мастера исторической прозы М. Симашко и открытия новых имен в литературоведении и исторической науке.

Мысль. – 2024. – №4

Александр Барон, председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»;
Альмира Калиева, заместитель Генерального директора по науке Иститута литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кандидат филологических наук.

Справа налево:

Ананьева Светлана, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кфи, ассоциированный профессор;

Галай Карина, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия), кфи;

Барон Александр, председатель Совета Ассоциация «Мицва»;

Чугайнова Инесса, директор РЕБОО «Центр Забота-Хэсэд Полина».

◀ Слева направо:

Римма Ханинова, доктор филологических наук, член Союза писателей России, заведующая отделом фольклора и литературы КалмНЦ РАН (Элиста);
Ато Хамдам, Народный писатель Таджикистана (Душанбе);

Ананьева Светлана, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК.

Слева направо: ▶

Сафар Сангин, главный редактор журнала «Памир» (Душанбе);

Ананьева Светлана, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кнф, ассоциированный профессор;

Бейбут Мамраев, государственный и общественный деятель, дипломат, доктор филологических наук, профессор, действительный член МЭА Евразия и Академии педагогических наук РК.

◀ Слева направо:

Ананьева Светлана, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кнф, ассоциированный профессор;

Александр Карлюкевич, председатель Союза писателей Беларуси, директор издательства «Беларусь» (Минск);

Михаил Швыдкой, государственный и общественный деятель, посол по особым поручениям МИД России, академик Академии гуманитарных наук, доктор искусствоведения, профессор;

Римма Абызова, директор музея Янки Купалы (Татарстан)

Педагоги и участники Симашкинского квеста,
город Алматы, 2025 год

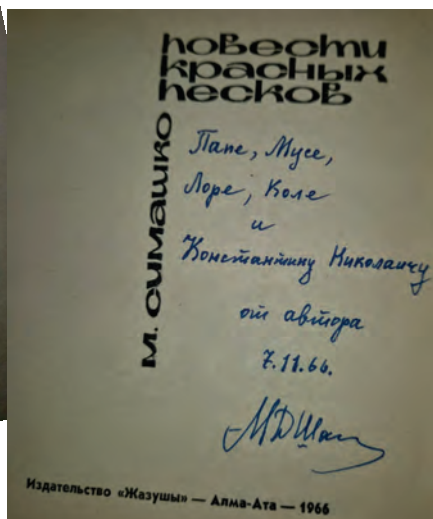
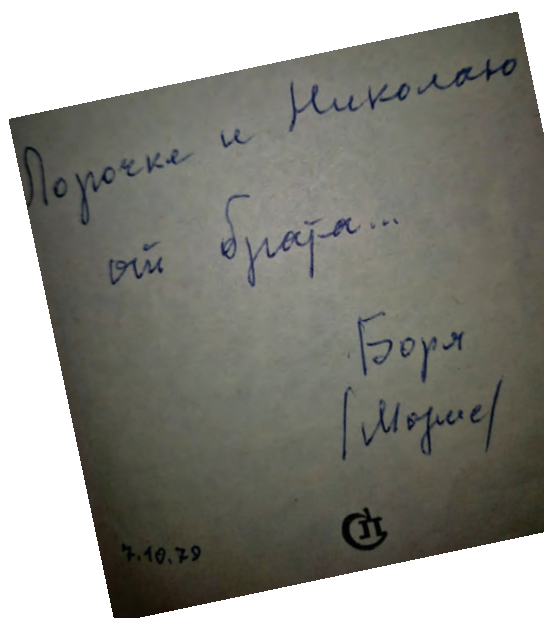
Торжественное открытие квеста «Алматы глазами Мориса Симашко»,
город Алматы, 2025 год

Станция квеста «Дом, где жил писатель», город Алматы

Награждение педагога-руководителя Светланы Цой
и авторов лучших эссе «Алматы глазами Мориса Симашко»,
город Алматы, 2025 год

Рука мастера – Морис Симашко, Алматы, 1966 год.
Книги из семейного архива И. Васютович

V Международные чтения,
посвященные выдающемуся писателю Казахстана,
город Алматы, 2026 год

Участники конференции, учащиеся школы-лицея № 95

Слева направо:

Трескунова Мария, руководитель квеста «Симашкинская Алма-Ата»;
Барон Александр, председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»;
Ананьева Светлана, заведующая отделом международных связей и мировой литературы
Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кфн,
ассоциированный профессор;
Чугайнова Инесса, директор РЕБОО «Центр Забота-Хэсэд Полина»;
Николай Уткин, педагог;
Цой Светлана, преподаватель;
победители конкурса эссе.

Слева направо:

Барон Александр, председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»;
Мереке Кулькенов, Председатель Правления Союза писателей Казахстана.

Слева направо:

Юрий Козлов, главный редактор «Роман - газеты» (Москва);
Бейбут Мамраев, профессор, доктор филологических наук (Астана);
Светлана Ананьева, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кфн, ассоциированный профессор, член Правления СП Казахстана и исполкома Международного ПЕН-клуба;
Алексей Чарота, заместитель председателя Союза писателей Беларуси, главный редактор еженедельной литературной газеты «Літаратура і мастацтва» (Минск).

Александр Карлюкевич, председатель Союза писателей Беларуси, директор издательства «Беларусь» (Минск);

Ананьева Светлана, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кфн, ассоциированный профессор, член Правления СП Казахстана и исполкома Международного Казахстанского ПЕН-клуба.

Слева направо:

Тамендаров Фархат, главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», секретарь СП Казахстана, член Союза писателей Казахстана и Международного Казахстанского ПЕН-клуба, Лауреат литературных премий, писатель, поэт;

Барон Александр, председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»;

Краснер Александр, главный редактор газеты «Новая газета Казахстан»;

Габдуллин Бигельды, президент Международного Казахстанского ПЕН-клуба, секретарь СП Казахстана, писатель.

Слева направо:

Йова Бистрицкий,
Его Превосходительство
Посол государства Израиль
в Республике Казахстан
и Кыргызской Республике;
Чугайнова Инесса, директор РЕБОО
«Центр Забота-Хэсэд Полина»;
Барон Александр, председатель
Совета Ассоциации «Мицва».

Денис Мелешкин,
Генеральный консул
Республики Беларусь
в городе Алматы

Квест «Алматы глазами Мориса Симашко»,
в роли Екатерины II – волонтер
Наталья Кулешова.

Квест «Алматы глазами Мориса Симашко»,
в роли Султана Бейбарса – волонтер Алекс Ракстри,
в роли Станционного смотрителя – Надежда Рудина.

Справа налево.

Мария Трескунова, руководитель проекта «Алматы глазами Мориса Симашко»;
волонтеры **Марина Васильева**, **Лидия Ткаченко**;
Инесса Чугайнова, директор РЕБОО «Центр Забота-Хэсэд Полина»;
волонтер **Ирина Урбанович**.

Слева направо. Геннадий Толмачев, Морис Симашко, Мухтар Магауин, Олжас Сүлейменов, город Алматы, Союз писателей.

Трескунова Мария, руководитель квеста и конкурса эссе «Симашкинская Алма-Ата», призеры конкурса, город Алматы, 2025 год.

Познавая мир классика

Юные участники Первой молодежной конференции «Алматы глазами М.Д. Симашко» погрузились в творчество писателя и представили эссе по его произведениям.

В рамках Международных литературных чтений, 5 октября 2025 года, в Алматы состоялась Первая молодежная конференция «Алматы глазами М.Д. Симашко». Проект Ассоциации «Мицва» объединил алматинских старшеклассников в стремлении познакомиться с творчеством Народного писателя Казахстана, одного из основателей жанра исторической прозы Казахстана Мориса Давидовича Симашко. Участниками проекта стали 11-классники, вышедшие в финал конкурса сочинений по произведениям писателя.

На конференции они зачитали свои работы, поделившись впечатлениями от повестей, романов, очерков. Оценивали сочинения авторитетные эксперты. В состав жюри вошли организатор проекта – председатель Совета Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана А. Барон; заведующая отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, член Правления Союза писателей Казахстана, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Светлана Ананьева (председатель жюри); главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», поэт, писатель и переводчик Ф. Тамендаров; преподаватель русского языка и литературы алматинской школы-лицея №95 Николай Уткин.

Ведущей встречи выступила журналист, волонтер еврейской общины, организатор общинных проектов, координатор клуба «Цаирим ба лев» общинного центра «Римон» М. Трескунова. Она напомнила, что молодежный проект «Алматы глазами М.Д. Симашко» состоял из двух частей. На первом этапе, в начале апреля этого года, был организован театрализованный литературный квест. В ходе квеста школьники совершили путешествие по местам Алматы, связанным с жизнью и творчеством писателя. Они побывали у дома на пересечении улиц Жамбыла

и Чайковского, где жил мастер исторической прозы, у здания Союза писателей Казахстана, в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев, архитектура и тематическая основа которого относит читателей к «Семирамиде» – о Екатерине II и «Гу-га» – о Великой Отечественной войне.

С помощью персонажей, в которых перевоплотились волонтеры общины – актеры любительского театра «Цаирим», они познакомились с произведениями мастера исторической прозы, его героями, прочувствовали дух его творчества, проследили биографический путь писателя.

Состоявшийся в апреле квест завершился в Республиканской еврейской общинной библиотеке при Ассоциации «Мицва», носящей имя М. Симашко. Детям было дано творческое задание – написать эссе, где пересеклись бы темы квеста, произведений прозаика и личные впечатления школьников.

И вот наступил второй этап проекта: 20 старшеклассников школы-лицея №95 и юные любители литературы из еврейского общинного центра «Римон» написали сочинения и эссе, из них были отобраны шесть для участия в финале.

Перед тем как предоставить слово организаторам проекта и членам жюри, М. Трескунова предложила посмотреть видеоролик об апрельском квесте. Фильм состоял из фотографий, напоминал о героях квеста – волонтерах, перевоплотившихся в художественных персонажей, и старшеклассников, открывавших для себя мир писателя.

Далее М. Трескунова предоставила слово главе еврейской общины Казахстана А. Барону.

«На конференции собрались целеустремленные ребята. В течение проекта они проявили большой интерес к творчеству М. Симашко, смогли проникнуться миром его героев и написали замечательные эссе. Поэтому, кто бы ни завоевал первое место, победителями можно считать всех. Победа – это восхождение на новую ступень знаний. Именно это вы и сделали, участвуя в проекте. Вы любите читать, цените книгу как друга, как источник знаний. Это очень важно для интеллектуального роста», – сказал в своем напутствии участникам конференции и конкурса сочинений А. Барон.

С. Ананьева выразила признательность Ассоциации «Мицва» за организацию целого ряда ценных литературоведческих проектов. Среди них Международные литературные чтения, конференции, посвященные писателю Юрию Герту (1931-2003), журналисту и публицисту Людмиле Енисеевой-Варшавской (1940-2015), творческие встречи с писателем, поэтом, публицистом, переводчиком, заслуженным деятелем РК, недавно ушедшим из жизни Адольфом Арцишевским (1938-2025).

С. Ананьева назвала символичным проведение молодежной конференции 5 октября, в День учителя: педагогика – это символ знания и просвещения. «Важно, что вместе со своими учениками на конференции собрались учителя. Это и опытные профессионалы, и прекрасно себя зарекомендовавшая педагогическая молодежь. Все они служат одной цели – цели просвещения», – подчеркнула С. Ананьева, поздравив педагогов с Днем учителя.

В продолжение своего вступительного слова она представила одного из членов жюри, молодого, но уже известного как в Алматы, так и в Москве и Санкт-Петербурге педагога Николая Уткина. «Это представитель молодого поколения педагогов. Именно слияние мудрости и энергии порождает новаторство».

Затем С. Ананьева обратилась к теме проекта – творчеству М. Симашко, Народного писателя Казахстана, одного из основателей жанра исторической прозы. Она сделала акцент на том, что проведение проекта Чтений, а также молодежной конференции – знак того, что слово М. Симашко живет. Его произведения представляют собой кладерь для исследователей, которые в каждой статье и в каждом эссе открывают новые грани прозы, публицистики, критики. И этот источник неиссякаем.

«Как пишет из Минска председатель Союза писателей Беларуси Александр Николаевич Карлюкевич, нам еще предстоит осмыслить творческое наследие М. Симашко. В марте следующего года состоится уже Пятые Международные литературные чтения. Но мы все еще только на подступах к его творчеству, потому что это огромный культурный и научный пласт. Проникая в его прозу, открываешь все новые и новые вершины. Его творчество – яркая веха в литературе Казахстана и в мировом литературном процессе», – отметила важность проекта С. Ананьева.

Обращаясь к теме сочинений, она отметила, что работы школьников вызвали у жюри большой интерес. Они написаны с вовлечением в тему: «Участвуя в проекте, школьники попробовали себя в качестве литературных исследователей и пришли в этом направлении к определенным успехам».

Член жюри, учитель Николай Уткин в своем слове обратил внимание на значимость литературы в жизни человека. Она формирует мировоззрение, развивает эмпатию, интеллект, нравственные качества, расширяет кругозор.

«Литература – это то, что помогает человеку жить, справляться со всеми невзгодами. Ни один человек не застрахован от таких чувств как уныние и тоска, а в литературе мы видим ответы на все жизненные вопросы. Литература помогает человеку сохранять тот духовный стержень, то духовное богатство своей души, которое мы проносим через всю жизнь. Сейчас, как известно, мало людей любят читать. Это, к сожалению, злободневная проблема, и я рад, что наши ученики-старшеклассники желают и умеют работать со словом, потому что живое и звучащее слово – это то, чего не заменит ни один робот, ни один искусственный интеллект», – рассудил преподаватель.

Он также отметил важную роль Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова в популяризации литературы Казахстана как в стране, так и за ее пределами – на постсоветском пространстве и в странах дальнего зарубежья. «Посмотрите, как замечательно русские писатели Казахстана описывают Алма-Ату. Каждый из них отражает это удивительное геопространство по-своему. Во многом благодаря Институту эти строки становятся не только достоянием Казахстана, но и читателей из других стран», – подчеркнул педагог.

Также поделились своими суждениями о проекте конференции, творчестве М. Симашко и сочинениях школьников другие педагоги школы-лицея №95.

– Большое спасибо за приглашение участвовать в проекте. Это был наш первый опыт. Я немного сомневалась, ведь, как отметил мой коллега, сегодня дети не много читают. Но ребята, принявшие участие в конференции, любят книгу, и таких детей опытный педагог видит стразу. Это заметно по тому, как у них поставлена речь, как они выражают свои мысли, как они пишут,

как они аргументируют, как умеют работать с текстом, – выразила мнение преподаватель Светлана Цой. Она отметила, что проект помог ей самой по-новому открыть мир произведений писателя, и она с удовольствием участвовала в квесте вместе с ребятами.

– Я читала Мориса Симашко в подростковом возрасте. Но сейчас, вновь обратившись к его творчеству, я увлеклась произведениями по-настоящему. Перечитала буквально все – от повести “Емшан” до “Гу-га”. Меня поглотил этот писатель. Я даже завела блокнотик и выписала в него цитаты из произведений М. Симашко. Спасибо, и надеюсь на дальнейшее сотрудничество, – высказала свои впечатления педагог.

Учитель Касиет Толтенбаева также высоко оценила проведение проекта. Он не только позволяет, по ее мнению, развиваться ученикам, приобщая их к лучшим образцам отечественной прозы, но и открывает для них новые литературные грани, позволяет посмотреть на произведения по-новому.

– Наш первый квест был очень увлекательным, мы вспомнили произведения Симашко и прониклись его творчеством. Они побуждают задуматься о сущности человека, его месте в жизни, в истории. В повестях и романах писателя историчность перекликается с философским осмыслением жизни. Это очень важно для культурного развития личности, – особо отметила педагог.

Далее слово было предоставлено детям – непосредственным участникам проекта.

Так, в своем эссе Кирилл Банников назвал квест замечательной возможностью узнать биографию писателя, чтобы через нее понять замыслы его произведений.

Вероника Чигай отметила, что в творчестве М. Симашко прослеживается невероятная привязанность писателя к земле Казахстана, а город Алматы стал для него источником вдохновения, местом, где он черпал творческую энергию. Его творчество – это нить, связывающая поколения.

Давиду Мартынову было очень интересно узнать о важных фактах биографии писателя, его фронтовом пути, увлечении Востоком, которое воплотилось в исторических повестях и романах. Квест был очень интересной, особой формой знакомства с

М. Симашко и его произведениями, позволил побывать среди его героев, почерпнуть для себя много нового.

Городские места, связанные с М. Симашко, по словам Давида, стали для него живыми историческими памятниками. Актеров клуба «Цаирим ба лев», воплотивших героев произведений Симашко, Давид назвал талантливыми и открытыми людьми: во многом именно благодаря им квест получился таким интересным и познавательным. Школьник признался, что после квеста у него было такое чувство, будто он познакомился с Морисом Давидовичем Симашко лично.

По мнению Евангелины Григонис, произведения М. Симашко приоткрывают кулисы истории, вовлекают читателя в мир его героев. В каждом его произведении ощущается стремление автора не просто отразить историю, а пережить ее вместе с читателем. Его повести и романы дают возможность ощутить, как великая история проходит сквозь судьбы обычных людей.

Екатерина Банникова отметила, что квест стал для нее открытием, позволил посмотреть на Алматы сквозь призму творчества М. Симашко. Она отметила, что М. Симашко был не только прекрасным автором, но и замечательным переводчиком. При этом и в своей прозе, и в переводах он являлся путеводителем в мир Востока. Квест стал для нее «живой книгой», наполненной яркими событиями.

Через знакомство с биографией писателя Ясмин Дармешева увидела Алматы второй половины XX века – город, где соседи знали друг друга и где было так комфортно творить. «Алматы глазами Симашко» – это мост между Востоком и Западом, между мечтой и реальностью. Его произведения – это послания тем, кто живет здесь и сейчас. Несмотря на то, что город изменился, места в Алматы, связанные с творчеством писателя, легко узнаваемы. Всякий раз, проходя по улицам, связанным с М. Симашко, погружаешься в мир его творчества.

После совещания экспертов директор Республиканского еврейского благотворительного общественного объединения «Центр Забота – Хэсэд Полина» Инесса Чугайнова озвучила решение жюри.

Первые места были присуждены Ясмин Дармешевой и Евангелине Григонис; вторые – Веронике Чигаи и Давиду Мартынову. Третье место разделили Екатерина Банникова и Кирилл Банников.

Юным участникам конференции были торжественно вручены дипломы победителей и сборники материалов Международных литературных чтений. Дипломами были удостоены педагоги, подготовившие детей к участию в квесте и конференции.

Планируется, что сочинения финалистов проекта будут опубликованы в сборнике материалов Пятых Международных литературных чтений имени Народного писателя Казахстана М. Симашко и в литературно-художественном журнале «Простор».

В завершение конференции актеры квеста – участники проекта «Цаирим ба лев» еврейской общины Алматы поблагодарили школьников за живые отклики о проекте, пожелав им дальнейших литературных открытий и успешной учебы.

jewishkz.asia. 11.10.2025

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги, участники Чтений!

Мы завершаем наше мероприятие. Пятые чтения и по географическому охвату (Алматы, Астана, Атырау, Канев, Конья, Кокшетау, Минск, Москва, Семей, Сочи, Печ, Усть-Каменогорск, Яссы), и по тематическому масштабу доказывают, что они состоялись как Международная научно-культурная площадка, где мы можем каждый раз возвращаться к теме нашей общей истории, к теме нашей настоящей жизни, к размышлениям о будущем, о поколениях, о преемственности, о межкультурном диалоге. Мы очень надеемся, что спикеры и участники, которые не смогли подключиться или в силу каких-то других обстоятельств не смогли приехать, пришлют нам тексты своих докладов, выступлений, статей.

Мы еще раз подчеркиваем важность проекта для популяризации литературного наследия мастера исторической прозы М. Симашко, открытия новых имен в литературоведении.

Дорогие друзья, коллеги и единомышленники!

Завершая Пятые Международные литературные чтения, я испытываю чувство глубокой гордости за то, что наследие Мориса Давидовича Симашко продолжает объединять нас. Я благодарю каждого участника за интересные доклады, живой интерес к творчеству замечательного писателя. Уверен, что поднятые здесь темы станут основой для глубоких исследований – статей, эссе, книг.

Қазақстанның Халық жазушысы Морис Симашконың шығармашылығына арналған және еліміздің жетекші мерзімді басылымдарының беттерінде, сайттарда жарияланған Бесінші халықаралық әдеби оқулар туралы ақпараттар, ғылыми мақалалар, іс-шараға қатысушыларға арналған құттықтаулар осы ғылыми жинақта ұсынылған.

Қазақ ПЕН-клубының вице-президенті, белгілі прозашы, аудармашы, сценарист, эссеист М. Симашко көне тарихты, Еуразия құрлығының тарихын және өзі өмір сүрген кезеңнің шындығы туралы жазып, әдебиеттің саясатпен және билікпен күрделі қарым-қатынасын ашып көрсетті. Оның кітаптары шетелдік жетекші баспаларда рекордтық таралыммен басылып, әлемнің 40-тан астам тіліне аударылды. М. Симашконың шығармалары Ресейде, Францияда және Орталық Азия елдерінде үлкен танымалдылыққа ие болды. Бірақ Қазақстан оның шығармашылығының гүлденген мекеніне айналды.

Әдебиет пен аударма оның жазушылық тағдырында біте қайнасып қатар жүрді. Әсіресе, «Төртінші Рим» романының орны ерекше – бұл бәріміз туралы байсалды әрі сәл ирониялы, шынайы, терең және дәл баяндалған шығарма (Виктор Бадиков). Шығармадағы оқиғалар автордың өз басынан өткерген және толғанған тарихының бір бөлігі ретінде көрсетілген.

Еуропа және Шығыс елдерінен, ТМД-ға мүше мемлекеттерден қатысқан ғалымдардың ғылыми баяндамалары М. Симашко прозасы мен публицистикасының негізгі тақырыптары мен мәселелеріне арналған. Олар М. Симашконың романдары, повестері, пьесалары, очерктері, эсселері мен әңгімелерін қазіргі оқырмандар мен жастардың қалай қабылдайтынын көрсетудің маңызды әрі өзекті екеніне сенімді. Отан мен жол сарындары оның шығармашылығында басты орын алады. Мәтіндерінде болашағымызға бастар жол ретіндегі еуразияшылдық, білім, ғылым, өнер концептілері және ғасырлар мен өркениеттер арқылы келген өзіндік жол Ұлы Жібек жолы идеясы басымдыққа ие.

Кітап пен кітапхана ғасырлар жадын сақтап, білімді ұрпақтан-ұрпаққа жеткізеді.

М. Симашко алғашқылардың бірі болып көркем әдебиетте рухани мәңгүрттік, тарихи жады тақырыбын қозғады. Жазушының ықшам да мағыналы стилі өзгеше әрі қайталанбайды. Оның ішкі жан-дүниесінде шөл даланың әуені әрдайым үн салып тұратындай еді. Бірегей жады мен мықты сенім күші, мүлдем үйлеспейтін нәрселерді салыстыра білу қасиеті оған әдеттен тыс қорытындылар жасауға мүмкіндік беретін.

Көркем әдебиет әлемді ұлттық таным тұрғысынан түсінуге және қабылдауға ықпал етеді. Бұл туралы 2026 жылдың наурыз айында Минск қаласында өткен «Жазушы және уақыт» атты халықаралық әдебиетшілер симпозиумында сөз болды, оның қатысушылары М. Симашконы да жылы еске алды. Оның көркемдік әлемі мен Қаныш Сәтбаевтың ғылыми әлемі, Шыңғыс Айтматовтың, Герольд Бельгердің, Владислав Владимировтың, Болат Жандарбековтің, Татьяна Фроловскаяның, Ғалым Жайлыбайдың, Ермек Тұрсыновтың және тағы басқа да Қазақстан мен шет елдердің көркем сөз шеберлерінің көркемдік әлемі арасындағы маңызды параллельдер – келесі Алтыншы оқулардың қатысушыларымен толықтырылады. М. Симашконың шығармашылығын зерттеу жалғасын табуда.

РЕЗЮМЕ

Приветствия участникам мероприятия, научные статьи, информации о Пятых международных литературных чтениях, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана Мориса Симашко и опубликованные на страницах ведущих печатных изданий страны, на сайтах, представлены в данном научном сборнике.

Вице-президент Казахского ПЕН-клуба, известный прозаик, переводчик, сценарист, эссеист М. Симашко писал о древнем мире, истории евразийского континента и современной ему действительности, раскрывал сложные отношения литературы с политикой и властью. Книги его рекордными тиражами издавались в ведущих зарубежных издательствах и были переведены на более 40 языков мира. Произведения М. Симашко пользовались большой известностью в России, Франции и странах Центральной Азии. Но именно Казахстан стал местом расцвета творчества.

Литература и перевод как неотразимое поле притяжения присутствовали в его писательской судьбе. Особое место занимал «Четвертый Рим» – серьезное и слегка ироничное, искреннее, глубокое и точное повествование о всех нас (Виктор Бадиков). События показаны как часть лично прожитой и пережитой автором истории.

Основным темам и проблемам прозы и публицистики М. Симашко посвящены научные доклады участников Чтений из стран Европы, Востока и государств – участников СНГ, которые убеждены в том, что важно и актуально показать восприятие романов, повестей, пьес, очерков, эссе и рассказов М. Симашко современными читателями, молодежью. Мотивы Родины и дороги – центральные в творчестве. Концепты евразийства как пути в наше завтра, знания, науки, искусства и Великого Шелкового пути как своеобразного пути через века и цивилизации преобладают в его текстах. Книга и библиотека хранят память веков, передают знания.

Одним из первых М. Симашко художественно разработал тему духовного манкуртизма, исторической памяти. Своеобразен и неповторим лаконичный, емкий стиль писателя. Музыка пустыни всегда звучала в его душе. Уникальная память и огромная сила убеждения, сравнение несопоставимого позволяло приходить к парадоксальным выводам.

Художественная литература способствует познанию и восприятию мира через национальную призму. Об этом шла речь в Минске, в марте 2026 года на международном симпозиуме литераторов «Писатель и время», участники которого тепло вспоминали и М. Симашко. Важные параллели между его художественным миром и научным миром Каныша Сатпаева, художественными мирами Чингиза Айтматова, Герольда Бельгера, Владислава Владимирова, Болат Жандарбекова, Татьяны Фроловской, Галыма Жайлыбая, Еркека Турсунова и других мастеров художественного слова Казахстана и стран зарубежья будут дополнены участниками следующих – Шестых Чтений. Изучение творчества М. Симашко продолжается.

ABSTRACT

This scholarly collection brings together articles and materials presented at the Fifth International Literary Readings devoted to the literary legacy of Maurice Simashko, People's Writer of Kazakhstan, as well as contributions published in leading Kazakhstani print and online media. The collection examines major themes, aesthetic principles, and intellectual dimensions of Simashko's prose and journalism, situating his work within broader literary, historical, and cultural contexts.

Maurice Simashko, Vice-President of the Kazakh PEN Club, was a prominent prose writer, translator, screenwriter, and essayist whose work engaged with the ancient world, the history of Eurasia, and the political and social realities of his time. His writings explore the complex relationship between literature, politics, and power and have been translated into more than forty languages and published internationally. Although his work received wide recognition in Russia, France, and Central Asia, Kazakhstan constituted the principal cultural and creative context for the development of his literary oeuvre.

Particular attention is given to the role of literature and translation in Simashko's intellectual and creative trajectory, including his novel *The Fourth Rome*, characterised by its combination of historical depth, irony, sincerity, and precision. The collection considers the ways in which historical experience, including the author's own lived experience, is transformed into literary narrative.

The scholarly contributions to the Readings examine the central themes and problems of Simashko's fiction and non-fiction, including the motifs of homeland and the road, Eurasianism, historical memory, knowledge, science, art, and the Great Silk Road as a cultural and civilisational space. Particular emphasis is placed on his literary treatment of spiritual *mankurtism* and the problem of historical consciousness. His distinctive, concise, and semantically dense prose, as well as his juxtaposition of seemingly disparate phenomena, contributes to the paradoxical and often multilayered conclusions characteristic of his writing.

The collection also considers Simashko's work in relation to broader traditions of Kazakhstani and Eurasian literary and intellectual thought. In this context, parallels are drawn between his literary world and the intellectual legacy of Kanysh Satpayev, as well as the artistic works of Chingiz Aitmatov, Gerold Belger, Vladislav Vladimirov, Bolat Zhandarbekov, Tatyana Frolovskaya, Galym Zhaiylybai, Yermek Tursunov, and other writers from Kazakhstan and abroad. These comparative perspectives, further developed at the international symposium *The Writer and Time*, held in Minsk in March 2026, demonstrate the continuing relevance of Simashko's work to contemporary literary scholarship. The Sixth International Literary Readings will further contribute to the study and interpretation of his literary legacy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барон Александр Иосифович – председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», член Совета АНК (Алматы, Казахстан)
e-mail: baron@mitsva.kz

Хаим Бен Яков – Генеральный директор ЕАЕК (Израиль)
e-mail: info@eajc.org

Сулейменов Олжас Омарович – директор Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Герой Труда Казахстана, Народный писатель (Алматы, Казахстан)
e-mail: info.crc-kz@mail.ru

Азильханов Марат Алмасович – заместитель Председателя Ассамблеи народа Казахстана – заведующий Секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Кулькенов Мереке Абдешұлы – председатель Правления Союза писателей Казахстана, писатель, журналист, редактор, общественный деятель, лауреат Президентской премии в области СМИ, Заслуженный работник культуры Казахстана (Алматы, Казахстан)

Матыжанов Кенжехан Слямжанович – Генеральный директор Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, доктор филологических наук, академик, Заслуженный деятель РК (Алматы, Казахстан)
e-mail: kmatyzhanov@gmail.com

Габдуллин Бигельды Кайырдосович – президент Международного Казахского ПЕН-клуба, секретарь СП Казахстана, писатель (Алматы, Казахстан)
e-mail: bigeldin@bk.ru

Елубай Смагул Абатович – писатель, драматург, член Союза писателей Казахстана и Международного Казахского ПЕН-клуба, Заслуженный деятель РК, Народный писатель Казахстана, Лауреат литературной премии тюркского мира, профессор Казахской национальной академии искусств имени Т. Жургенова (Алматы, Казахстан)

Мелешкин Денис Владимирович – Генеральный Консул Республики Беларусь в г.Алматы (Алматы, Казахстан)

Жакып Бауыржан Омиржанұлы – поэт, секретарь Союза писателей Казахстана, главный редактор газеты «Қазақ әдебиеті», доктор филологических наук, академик НАН РК (Алматы, Казахстан)

Шашкова Любовь Константиновна – член Правления Союза писателей Казахстана, заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Простор», Народный писатель Казахстана, Заслуженный деятель Казахстана (Алматы, Казахстан)
e-mail: lubashashkova2010@mail.ru

Брижицкая Светлана Анатольевна – заместитель Генерального директора Шевченковского национального заповедника по научной работе, кандидат исторических наук (Канев, Украина)
e-mail: svitlana_brizhit@ukr.net

Останькович Дмитрий Валерьевич – заместитель председателя Ассамблеи Народа Казахстана, председатель Ассоциации белорусских культурных центров Республики Казахстан «Родны кут», член Совета АНК, декан факультета «Музыковедение и фортепиано» Казахского национального университета искусств (Астана, Казахстан)
e-mail: Dmost_75@mail.ru

Которча Ливия – доктор филологических наук, теоретик литературы, переводчик (Яссы, Румыния)
e-mail: liviacotorcea@yahoo.com

Тамендаров Фархат Фаритович – главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», секретарь СП Казахстана, член Союза писателей Казахстана и Международного Казахского ПЕН-клуба, Лауреат литературных премий, писатель, поэт (Алматы, Казахстан)
e-mail: farkhat_tame@mail.ru

Шупейкин Василий Васильевич – Почетный писатель Казахстана, Заслуженный деятель РК, председатель Совета по русскоязычной литературе и литературным связям Союза писателей Казахстана, прозаик, переводчик (Алматы, Казахстан)
e-mail: shupeykinv@mail.ru

Ананьева Светлана Викторовна – заведующая отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кфн, ассоциированный профессор, член Правления СП Казахстана и исполкома Международного Казахского ПЕН-клуба, заместитель председателя Совета по русскоязычной литературе и литературным связям Союза писателей Казахстана (Алматы, Казахстан)
e-mail: svananyeva@gmail.com

Джумагалиева Узим Зинешовна – заведующая кафедрой русской филологии Атырауского университета имени Халела Досмухамедова, PhD (Атырау, Казахстан)
e-mail: uzima8282@mail.ru

Исаева Айгуль Арысбековна – докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби, магистр педагогических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: arryssbekai3@gmail.com

Ахетова Алия Койшибаевна – Заслуженный учитель Республики Казахстан, Почетный работник образования Республики Казахстан, прозаик, публицист, педагог, член Союза писателей Казахстана (Кокшетау, Казахстан)
e-mail: a2k61@mail.ru

Ахметова Лайла Сейсембековна – профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор исторических наук, председатель комиссии по сохранению исторической памяти Ассамблеи народов Евразии, член Союза писателей Казахстана (Алматы, Казахстан)
e-mail: laila_akhmetova@mail.ru

Бабкина Лариса Михайловна – педагог, литературовед, кандидат филологических наук (Сочи, Россия)
e-mail: larisamb@mail.ru

Вегвари Валентина Васильевна – руководитель Русского центра Печского университета, кандидат педагогических наук (Печ, Венгрия)
e-mail: valjav@gmail.com

Галай Карина Назировна – заместитель заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидат филологических наук, доцент (Москва, Россия)
e-mail: galay_karina@mail.ru

Демченко Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры казахской, русской филологии и журналистики Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)
e-mail: dln1968@bk.ru

Демченко Алена Сергеевна – заведующая кафедрой русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, PhD, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)
e-mail: alenchika@mail.ru

Сейтказы Эльмира Амангельдиевна – заместитель заведующей кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, магистр, старший преподаватель (Алматы, Казахстан)
e-mail: elmira_26_83@mail.ru

Джолдасбекова Баян Умирбековна – декан филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби, академик НАН РК, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
e-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна – заместитель декана филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)
e-mail: bayanbaevazhadra@mail.ru

Джумагельдинова Дария Туkenовна – детский писатель, поэт (Астана, Казахстан)
e-mail: dariya777@list.ru

Жаксылыков Аслан Жамелевич – член Международного Казахского ПЕН-клуба и Союза писателей Казахстана, Совета по русскоязычной литературе и литературным связям СП Казахстана, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель РК, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)
e-mail: aslanj54@mail.ru

Қалиасқарова Айнұр Тоқтарбайқызы – научный сотрудник
Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН
МНВО РК, магистр педагогических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: k.ainurik@gmail.com

Калиева Альмира Кайыртаевна – заместитель Генерального
директора по науке Института литературы и искусства имени
М.О. Ауэзова КН МНВО РК, академик МАИН, кандидат фило-
логических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: Almira_kalieva.8@mail.ru

Карлюкевич Александр Николаевич – председатель Союза
писателей Беларуси, директор Издательского дома «Беларусь»
(Минск, Республика Беларусь)
e-mail: karlykevich@yandex.by

Каиштелюк Юрий Исакович – прозаик, журналист (Алматы,
Казахстан)
e-mail: k_regnum73@mail.ru

Кривошапова Татьяна Васильевна – доктор филологических
наук, профессор кафедры филологии Казахского филиала
МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан)
e-mail: krivoshapova-t@yandex.ru

Кундахбаева Асель Тураповна – докторант Казахского нацио-
нального университета имени аль-Фараби, магистр социальных
наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: kundahbaevaasel@gmail.com

Мамраев Бейбут Баймагамбетович – политический и обще-
ственный деятель, дипломат, доктор филологических наук, про-
фессор, действительный член Международной Экономической
Академии Евразии и Академии педагогических наук Казахстана
(Астана, Казахстан)
e-mail: b.mamrayev@gmail.com

Оразбекова Зейне Скендировна – преподаватель отделения русского языка и литературы Сельджукского университета, кандидат филологических наук, PhD (Конья, Турция)
e-mail: zerainura67@mail.ru

Орда Гүлжахан Жұмабердіқызы – заведующая отделом казахской литературы и художественной публицистики периода Независимости Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, главный научный сотрудник, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Казахстана (Алматы, Казахстан)
e-mail: orda_68@mail.ru

Рақыш Жұмашай Сайлауқызы – ведущий научный сотрудник Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кандидат филологических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: zhumashay19@mail.ru

Рыбченко-Демьяненко Евгения Станиславовна – специалист сектора экскурсионно-массовой работы «Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского» (Семей, Казахстан)
e-mail: Zhenya.rybchenko@bk.ru

Долгушева Татьяна Владимировна – доцент УО «Alikhan Bokeikhan University», кандидат филологических наук (Семей, Казахстан)
e-mail: Aspasiya1971@mail.ru

Сабыржанова Мереке Сабыржановна – старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, PhD (Алматы, Казахстан)
e-mail: merekesabyrzhankyzy@gmail.com

Сажинтаев Эмиль Борисович – старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, магистр педагогических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: sagintajev@gmail.com

Сарсекеева Наталья Канталиевна – доцент кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, кандидат филологических наук, доцент (Алматы, Казахстан)
e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

Тусупова Алма Кокбаевна – ассоциированный профессор Каспийского общественного университета, кандидат филологических наук, доцент (Алматы, Казахстан)
e-mail: a.Tussupova@mail.ru

Узбекова Жанна Вадимовна – магистр экономики (Алматы, Казахстан)
e-mail: zhuzbekova@esalmaty.kz

Хамраев Алимжан Тиликович – главный научный сотрудник Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, доктор филологических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: alik182009@yahoo.com

Брусиловская Елена Федоровна – академик Академии журналистики РК, лауреат премии Союза журналистов Казахстана (Алматы, Казахстан)
e-mail: viktor.brus@inbox.ru

Информационное письмо

Приглашаем Вас
принять участие в **VI ежегодных Международных чтениях**,
посвященных творчеству Народного писателя Казахстана, лауреата
Президентской премии Мира и духовного согласия, литературных премий
имени Абая и Беимбета Майлина, вице-президента
Международного ПЕН клуба, прозаика, сценариста, драматурга,
переводчика Мориса Симашко

Мероприятие состоится в 18 марта 2027 года.

Возможны следующие варианты участия: онлайн (Zoom, Skype, WhatsApp, Teams) и офлайн выступления с докладом, стендовый доклад, видео выступления в любом формате, презентации, отправленные заранее организатору конференции по почте (необходимо прислать текст статьи в электронном варианте или по почте). Доклады не выступающих авторов представляют как стендовые и включают для публикации в сборнике.

Число публикации от одного автора не ограничено. Организаторы оставляют за собой право выбирать и редактировать материалы для публикации. Приветствуются иллюстрации, полученные отдельным файлом (формат jpg).

Организационный взнос с участников конференции не взимается.

Требования к оформлению текста: шрифт Times News Roman 14, интервал 1,5, поля 2 см. Сноски в тексте на источник литературы указываются в квадратных скобках в порядке упоминания их в тексте. Список литературы текста доклада приводится в конце.

К текстам прилагается информация об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность и место работы, контактные данные.

Рабочие языки конференции: казахский, русский, английский.

Пожалуйста, по всем вопросам обращайтесь по тел. +7 (727) 273 42 08, 273 54 49, а также по указанным адресам электронной почты.

Просим высылать тексты статей **до 1 февраля 2027 г. включительно**
на адреса электронной почты: baron@mitsva.kz, contact@mitsva.kz
и/или в печатном формате по адресу: 050004, г. Алматы,
ул. Макатаева 88, кв. 22.

Оргкомитет

[illegible]

*...Оставил я свое «я» там, в
Казахстане, в Азии. Там остались
зримые и видимые только мне призраки.
Тысячи призраков из моих книг.
Они уже послужили мне на славу,
теперь им служить людям. Дай Бог,
много лет многим людям, что хотят
знать историю и не повторять своих
вечных ошибок. А я... я пойду дальше.
Ведь нет края у человека ищущего, это я
понял за свою короткую длинную жизнь.
И нет смерти. Есть усталость тела.
И перемена. И вечное движение...*

Ирсиянко

Данный сборник издается в рамках общинного проекта
ОЮЛ Ассоциации «Мицва» Республики Казахстан
«История. Память. Люди»

Руководитель проекта Александр Барон

Алматы, 2026 г.

